книга из серии

«ПРОИСХОЖДЕНИЕ МРАКА»

антология русского хоррора

ТЁМНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Происхождение мрака

Антология

Темные легенды. Антология русского хоррора

«Перископ-Волга»
2022

Антология

Темные легенды. Антология русского хоррора / Антология — «Перископ-Волга», 2022 — (Происхождение мрака)

ISBN 978-5-907288-95-9

Антология русского хоррора, изданная к 130-летию Г. Ф. Лавкрафта. Четыре книги из серии «Происхождение мрака»: «Происхождение мрака», «Зов», «Темные легенды», «Каталог проклятий» Серия «Происхождение мрака» включает лучшие современные русскоязычные рассказы всех разновидностей хоррора.

ISBN 978-5-907288-95-9

© Антология, 2022
© Перископ-Волга, 2022

Содержание

Александра Ильина 7
Сладкие грёзы 7
Юлия Кулакова 17
Чувства тела 17
Иван Бирюков 20
Тело известного 20
Сергей Крюков 25
Кладбищенский призрак 25
Полина Горбова 28
Осы 28
Алекс Лоренц 37
Микрорайон 37
Николай Скуратов 48
Элизиум 48
Смерть живёт во сне 48
Слезы и любовь 48
Перипетейя 48
Я знаю наверняка 48
Выпусти огонь 48
Застенчивые 49
Если я войду в сад 49
Когда мы умирали 49
Полное собрание 49
Королева слепа 49
Сумерки 49
Нежелание 50
Гостья воронов 50
Дети, звери и смерть 50
Круг сомнамбул в полночь 50
Из коробки 50
Волшебный дядя 50
Долгое-долгое утро 51
Выход ночи, бойся 51
Флегма 51
Пейзаж со сверчком 51
Отдых на шляпке ядовитого гриба 51
Человек из темноты 51
Сговорчивость ужаса 52
Под розой 52
Аркадия смысла 52
Конец всего 52
Пуанты 52
Уголь 52
Портрет неизвестной 53
Экзистенция 53
Леденцовые шаги 53

Без надежды 53
Фасетки 53
Рыба 53
Клубника в желчи 54
Знак 54
О милосердии и пчёлах 54
Сны мальчика 54
Умри, живи, умри 54
Замкнутый круг 55
Вечерний досуг 55
Андрей Туркин 56
Рыжик 56
Светлана Катеринкина 69
Лихо для лиходея 69
Юлия Лихачёва 81
Сумеря 81
Елизавета Аристова 90
Твари божьи и не божьи 90
Ольга Вербовая 99
Семь чёрных кошек 99
Арина Жукова 103
Тринадцатый сон 103
I. Пульсация 103
II. Лед 103
III. Парный танец 104
IV. Под напряжением 104
V. Напролом 105
VI. /Не/подвижность 106
VII. S 106
VIII. Изнутри 107
IX. История на тысячу шагов, рассказанная в переулке 108
X. Подменыши 109
XI. Сновидец 109
XII. Игра на три счета 110
XIII. Мишень 111
Галина Евдокимова 113
Белая марь 113
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Тёмные легенды. Антология русского хоррора из серии «Происхождение мрака»

© Коллектив авторов, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Перископ-Волга», 2022

Александра Ильина

Сладкие грёзы

Эмма с детства была настолько самостоятельной и самодостаточной, насколько может быть ребёнок. Она всегда знала, чего хочет, чем себя занять и развлечь, если рядом не было родителей или сверстников, которые ей были и не нужны, ведь она была не очень коммуникабельной девочкой.

Родители любили свою дочь и часто её поощряли. Им нравилось, что Эмма с ранних лет была независимой и твёрдой в своих желаниях. Кроме того, это значительно облегчало им задачу, когда речь заходила о подарках. Дочка всегда без стеснений и сомнений говорила им, чего бы ей хотелось в качестве подарка. Благодаря гибкости она не выросла избалованной и эгоистичной. Разумеется, были отказы и наказания, но Эмме всегда объясняли, что именно она сделала не так, и она принимала решение родителей. Она была умненькой девочкой и усваивала урок с первого раза.

Годы шли, и из Эммы выросла молодая и увлечённая девушка. У неё были большие способности к изучению языков, и она, прекрасно об этом зная, захотела освоить один из сложнейших языков мира – японский. На её решение повлиял интерес к культуре и обычаям этой страны, которые она видела в фильмах и японской анимации. Поэтому, когда пришло время определить свой жизненный путь после школы, Эмма не задумываясь выбрала университет с факультетом восточных языков. Девушка из кожи вон лезла, чтобы туда поступить, но провалила вступительные экзамены. Неудача не заставила её опустить руки, и она решила подготовиться и попытать счастье на следующий год. Устроившись на работу официанткой, она нашла себе репетитора, что было не так уж и легко, и начала активно заниматься. Несмотря на то, что она достигла довольно больших успехов в изучении японского, вторая попытка поступить в университет тоже провалилась. Казалось, будто сама судьба против её решения, но Эмма не сдалась и стала уделять обучению ещё больше времени и проявлять ещё больше усердия, чем раньше, ведь это была её мечта. Следуя за ней, как за путеводной звездой, девушка готова была к любым лишениям и тяготам. Она не общалась ни с кем, кроме своей семьи, ведь у неё попросту не было на это времени. Приходя с работы, она всю себя отдавала занятиям, свято веря, что в конечном итоге у неё всё получится. Несмотря ни на что, родители вместе с её педагогом оказывали Эмме мощнейшую поддержку и ни на минуту не сомневались в ней. Учитель, который изначально не слишком охотно согласился её обучать, теперь уделял этому столько времени, сколько было возможно, и полностью отказался от оплаты. Эмма так зарядила его своим бешеным желанием и стремлением, что помочь ей добиться желаемого стало для него самого неким вызовом. Помня, как он оставил свою мечту на полпути, репетитор упорно вёл девушку к желанному поступлению.

Наконец самоотдача и упорный труд победили, и Эмма увидела своё имя в заветном списке зачисленных на курс. Но это был лишь первый шаг. Теперь самым главным было отлично проявить себя и показать свои знания. Эмма хотела доказать всем, что она здесь не случайно и находится на своём месте. Поэтому, несмотря на безграничную радость, девушка продолжала упорно заниматься.

С самых первых дней Эмма стала одной из лучших студенток. За два года подготовки она прекрасно овладела навыками самодисциплины и самообразования, что не всегда удавалось тем, кто пришёл сразу после школы. Поскольку девушка привыкла к отшельническому образу жизни, она продолжала вести его и дальше. Её не интересовали ни студенческие тусовки, ни само общение с другими людьми. Она не давала себе поблажек, оттачивая и отшлифовывая

свои знания. Ей хотелось, чтобы они были безупречны, но её одержимость учёбой не всегда приносила свои плоды.

На четвёртом курсе обучения ректорат университета объявил конкурс среди лучших студентов, давая им возможность отправиться на стажировку в Японию. Это делалось для того, чтобы студенты чётко поняли, по какому сценарию они хотели бы продолжить обучение и куда и кем впоследствии пойти работать. Кроме того, данная программа помогала будущим специалистам обзавестись полезными связями как для работы в своей стране, так и для возможного переезда.

Надо ли говорить о том, как страстно Эмма хотела попасть в число счастливчиков? Она спала и видела, как едет в Страну восходящего солнца покорять новые вершины. Девушка искренне считала, что это была бы достойная награда за годы, проведённые за книгами и отказом себе во всём остальном. Она прошла соответствующий тест и собеседование. Теперь лишь оставалось с нетерпением ждать объявления результатов. Каково же было её разочарование, когда она не услышала своего имени во время озвучивания претендентов. Оказалось, что она недобрала каких-то смехотворных полбалла, и это полностью подорвало её душевные силы. Все её надежды разбились на миллионы осколков и теперь причиняли почти ощутимую физическую боль. Она впала в такое отчаяние, что полностью от всего отрешилась. Самоотверженно отдаваясь учёбе, она не смогла даже завести друзей, и разделить свою душевную боль ей было не с кем. Вынужденная переживать всё это в одиночестве, Эмма пришла к выводу, что все её старания были зря. Ей впервые стало казаться, что она идёт не своей дорогой и выбрала не ту стезю. Тягостные мысли завели её так далеко, что спустя месяц девушка решила отчислиться. Зачем надрываться и тянуть лямку, если это не приносит ничего, кроме череды сплошных разочарований?

Сидя в приёмной декана и предаваясь невесёлым размышлениям, она даже не сразу заметила, что подошла её очередь и секретарь зовёт её в кабинет. Она встала, глубоко вздохнула, набираясь мужества, и вошла в открытую перед ней дверь. Как бы то ни было, мысль о том, что родители поймут и поддержат её, придавала ей сил для этого сложного разговора.

Однако не успела она открыть рот, как декан перехватил инициативу:

– Мисс Эмма, как хорошо, что вы пришли. Я как раз хотел с вами поговорить. Присаживайтесь.

Ошарашенная девушка села. Ведь она пришла сюда поговорить о своём отчислении. Неужели каким-то образом декан и сам догадался и решил отговорить её? Нет, это абсурд. Как он мог об этом знать, если она ни с кем не обсуждала своё решение? Тогда, что же?..

– Итак, – начал декан, – вам, вероятно, известно о нашей полугодовой стажировке в Японии. Так вот, у нас случился форс-мажорс одной из студенток, которая должна была поехать. Она серьёзно заболела и вынуждена отказаться от участия в данной программе. Мы просмотрели результаты теста других обучающихся, которые его сдавали, и, проанализировав данные, я готов предложить вам занять место заболевшей. В отличие от остальных вы недобрали всего полбалла, так что выбор тут очевиден. Что скажете?

Эмма потеряла дар речи. Её сердце так бешено стучало, что она даже испугалась: вдруг оно не выдержит, и у неё случится сердечный приступ. Поэтому в ответ смогла лишь кивнуть, что вполне устроило декана.

– В таком случае готовьтесь. Поездка состоится через две недели. Теперь обсудим то, ради чего вы пришли.

Эмма почувствовала, будто на неё вылили ведро ледяной воды и привели в себя. Она, слушая декана, уже и забыла, что пришла сюда поговорить об отчислении.

– Да нет, уже ничего. Прошу меня простить.

Во избежание лишних вопросов Эмма встала и стремительно покинула кабинет, оставив декана в лёгком недоумении. Её настроение мгновенно поднялось выше гор, душа пела и

заставляла её трепетать от радостного возбуждения. Она едет в Японию! Наконец-то фортуна ей улыбнулась, а её старания были по достоинству оценены.

Хотя Эмма и была вся в хлопотах в связи с предстоящей поездкой, эти две недели тянулись для неё невообразимо медленно. Время, обычно стремительно бегущее вперёд, застряло, словно вляпавшись в огромную жвачку, и пыталось выбраться, бесконечно растягивая минуты и часы. Но оно никогда не останавливается, даже если по каким-то причинам замедляет свой бег. Поэтому любое событие, ожидаемое или нет, рано или поздно наступит, независимо от наших желаний.

Вот и Эмма, наконец, дождалась самого счастливого дня в своей жизни. Даже долгий и выматывающий перелёт не смог лишить её энергии и энтузиазма. Она готова была хоть прямиком с трапа самолёта приступить к стажировке. В аэропорту их встретил представитель местного университета, занимающегося программой по обмену студентами. Прилетевших посадили в автобус и отвезли в общежитие, где объяснили, как будет построена их стажировка, что она вообще из себя представляет и как они будут её проходить.

Перво-наперво им предстояло выбрать специализацию, по которой будет вестись обучение и дальнейшая практика. Для неопределившихся были предусмотрены специальные психологические тесты и собеседования, которые по данным анализа психотипа и склонностей отдельно взятого индивида могли достаточно точно определить область, где человек будет наиболее эффективен. Кроме этого, были также базовые и обязательные для всех предметы, такие как служебная и межличностная этика, углублённый японский язык и некоторые другие.

Выбрав юриспруденцию, Эмма с прежним усердием и рвением взялась за учёбу. Однако здесь ей всё давалось намного легче, чем раньше. В отличие от её университета, где всем было наплевать на успеваемость студентов и то, как они усваивают материал, здесь преподаватели хвалили за успехи и помогали, объясняли более подробно, если кто-то чего-то не понимал, и все вместе работали над выявлением и исправлением ошибок. Даже сама атмосфера университета была более дружелюбной, как и тот коллектив, куда девушку направили на практику. Благодаря высокой успеваемости и трудолюбию Эмма быстро всему училась, и вот уже спустя несколько месяцев практика превратилась в оплачиваемую постоянную работу в должности младшего помощника адвоката. По обязанностям работа больше походила на секретарскую, но девушка не жаловалась. Она понимала, что, будучи студенткой без опыта, претендовать на более высокую должность пока не могла.

Несмотря на большую нагрузку, у Эммы появилось то, чего не было все эти годы, – свободное время. Теперь она могла позволить себе общаться с другими студентами, что с удовольствием и делала. Ей было интересно познакомиться и поговорить с людьми, отличавшимися от неё во всём – от происхождения до вероисповедания. Первое время ей было нелегко, но она быстро приспособилась, и всё пошло как по маслу. У неё даже завязался роман с одним из студентов. Его звали Томас. Он был на год старше её и учился на последнем курсе университета.

Мечта Эммы наконец почти полностью реализовалась, и она была счастлива. Следующим шагом для неё было удержаться в этой стране навсегда. Здесь не было никаких проблем, ведь учебное заведение позволяло получить межуниверситетский перевод и окончить обучение по месту стажировки. Это было возможно при двух условиях: отличной успеваемости и наличии постоянного места работы. У Эммы всё это было, и она недолго думая подала заявление на перевод. Она решила, что в случае положительного ответа снимет себе отдельное жильё. Хотя в общежитии её всё устраивало, ей хотелось больше личного пространства, чтобы чувствовать себя полноправной хозяйкой комнаты, а не делить её с соседкой. При её зарплате аренду целого дома или квартиры она бы не потянула, а вот снять где-нибудь комнатушку вполне могла. Однако без подтверждения перевода снимать жильё не имело смысла.

На третий день от руководства университета пришло письмо с положительным ответом на её запрос. Осталось лишь уладить некоторые формальности. Эмма ликовала и начала про-

сматривать объявления о сдаче жилья в аренду. Она быстро нашла подходящий вариант и связалась с хозяйкой. Они договорились о дне её прибытия, и девушка стала собирать вещи. В назначенную дату Эмма написала отказ от общежития и отправилась в своё новое жилище.

Дом, в котором ей предстояло жить, находился недалеко от исторического центра города и всего в тридцати минутах ходьбы от её работы. В университет, конечно, нужно было добираться на общественном транспорте, но это мало беспокоило девушку. Дело было в том, что, в отличие от ежедневного посещения работы, в университете нужно было появляться раз в несколько дней. Её система образования подразумевала скользящий график для тех студентов, кто был официально трудоустроен. Руководство вуза считало, что для работающих студентов необходимы лишь те дисциплины, которые могут непосредственно пригодиться им в будущем, и позволяло самостоятельно их для себя определить. Данный вид обучения пока что являлся пилотным и был внедрён всего в нескольких высших учебных заведениях страны. Если он приживётся и подобная система будет удобна как самим студентам, так и преподавателям, правительство планировало заменить им традиционное обучение.

Приехав с вещами к дому, Эмма с удивлением обнаружила, что никто её не встречает. Она ещё раз открыла объявление и определила нужный ей дом, подошла к двери и постучала. Когда никто не откликнулся, девушка решила повернуть дверную ручку и с удивлением обнаружила, что дверь не заперта. Она вошла внутрь.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – крикнула Эмма в надежде, что хозяйка попросту не услышала, как она стучала. Но ответа так и не последовало. Тогда девушка решила пройтись по дому в поисках места, где она могла бы подождать хозяйку, которая, очевидно, куда-то вышла. В доме стояла тишина, нарушаемая лишь шагами Эммы. Вдруг она услышала, как на втором этаже протяжно скрипнула дверь. От неожиданности девушка замерла и повернулась в сторону лестницы, ведущей наверх. Решив, что это вышла и спускается хозяйка, наконец услышавшая посторонние звуки, Эмма стала ждать. Но на лестнице никого так и не появилось. Тогда девушка взяла инициативу в свои руки и поднялась на второй этаж. Увидев приоткрытую дверь, она, постучавшись, вошла. В комнате никого не было, но на столе, стоящем прямо у входа, Эмма увидела листок бумаги. Взяв его в руки, она поняла, что написанное адресовано ей, и стала читать:

«Уважаемый жилец! К сожалению, я не смогу вас встретить в условленный день и всё подробно показать, поскольку экстренно возникшие обстоятельства требуют от меня непродолжительного отъезда. Сейчас вы стоите в вашей комнате. Ключ от неё и от самого дома находятся в верхнем ящике стола, на котором вы нашли эту записку. Осваивайтесь и чувствуйте себя как дома. Прошу простить мне моё вынужденное отсутствие и то, что я не смогла предупредить вас об этом заранее.

Увидимся и познакомимся через несколько дней. Г-жа О.».

Эмма с облегчением вздохнула. Теперь, когда всё стало понятно, девушка спустилась вниз, заперла входную дверь и, взяв свои вещи, вновь поднялась наверх. Она осмотрела комнату. Жилплощадь была небольшой, но достаточно просторной. Из мебели в её распоряжении были кровать, стенной шкаф с зеркалом, прикроватная тумбочка, стол и стул. Большего ей и не требовалось. Самым главным было то, что вся эта комната была полностью в её распоряжении. Внезапно Эмма почувствовала невероятную усталость. К счастью, никаких дел у неё на этот день запланировано не было, и она быстро разделась, юркнула в постель и почти моментально заснула.

Когда Эмма проснулась, был уже глубокий вечер. Ей понадобилось некоторое время, чтобы сориентироваться и понять, где она находится. Голова была необычайно тяжелой, словно налитой свинцом, как иногда случается после дневного сна. Девушка встала и спустилась, чтобы наконец осмотреть дом полностью. Когда она нашла небольшую кухню рядом со столо-

вой, то поняла, что страшно проголодалась, ведь в этот день почти ничего не ела. Эмма хотела было сходить в ближайший магазин, но увидела на холодильнике ещё одну записку:

«В качестве извинений за своё отсутствие я оставила вам немного еды. Пожалуйста, угощайтесь. Г-жа О.».

Девушка открыла холодильник и увидела там несколько сэндвичей и суп. На кухне не было микроволновки, а разогревать еду ей не хотелось, поэтому она съела всё холодным, мысленно поблагодарив хозяйку за угощение. Наевшись, Эмма снова почувствовала, что её клонит в сон, и вернулась в свою комнату. На следующий день ей нужно было на работу, поэтому она завела будильник и отправилась в мир грёз.

Спустя несколько дней Эмма окончательно освоилась как в доме, так и в округе. Погода стояла изумительная, и девушка не отказывала себе в неспешных прогулках. Ей нравилось гулять как в одиночестве, так и в компании своего молодого человека, с которым они достаточно редко виделись, но каждая встреча была великолепна. Он встречал её после работы, и они долго гуляли, смеялись и разговаривали. Она наслаждалась этими прогулками, слушая его голос, любуясь зданиями и вдыхая запахи улиц, на которых можно было уловить ароматы цветов или свежеприготовленной пищи, доносившиеся из небольших кафешек или жилищ. Когда она гуляла одна, то непременно заходила в какой-нибудь храм. Эмма была просто очарована буддийскими храмами, как большими, так и не очень. Она с удовольствием вдыхала аромат благовоний и с восхищением смотрела на величественные статуи Будды, снисходительно смотрящего сверху вниз. Стоя перед его ликом, девушка испытывала ощущение, что он всё про неё знает, понимает и ни за что не осуждает. Он, словно любящий родитель, принимал её такой, какая она есть. Сейчас, когда отчий дом был далеко и созванивались они с родителями редко, Эмме очень их не хватало. Она скучала по ним и, когда становилось совсем невмоготу, шла в храм, где сидела часами, пока не находила утешение и успокоение. Она никогда ни о чём не просила и не молилась. Просто ждала, когда Будда обратит к ней свой возвышенный лик. Это происходило всегда, и Эмма выходила из храма будто бы очистившаяся. Её переполняла необычайная лёгкость. Ей даже казалось, что в следующую секунду её тело, нарушив законы гравитации, воспарит над землёй.

Однако сегодня, несмотря на то что она провела в храме очень много времени, Будда так не повернулся к ней. Она всё ждала этого чудесного момента, который никак не наступал. Это было так неожиданно, что Эмма, упав на колени перед статуей, отчаянно молила его хоть на секундочку обратить на неё своё божественное внимание. Но он так и не внял её мольбам. Сколько бы она ни ждала, ничего не происходило. Будда отвернулся от неё.

Эмма шла домой подавленная и мрачная. Было уже поздно, но девушка не обращала ни на что внимания. Следуя лишь каждодневному ритуалу, она не забыла зайти в магазин, чтобы купить пару порций готовой еды на ужин и чтобы взять на следующий день на работу. Выйдя на улицу, она плелась нога за ногу по дороге домой. Случившееся в храме не давало ей покоя, и Эмма до сих пор не могла поверить в это. В конце концов, решив не загоняться по этому поводу и просто прийти через несколько дней, она переступила порог дома и пошла на кухню, намереваясь поужинать. Но, дойдя до холодильника, она просто положила туда купленную еду и захлопнула дверцу. Нет, она слишком устала даже для того, чтобы подносить вилку ко рту. Сейчас Эмма хотела только одного: поскорее лечь спать.

Поднимаясь по лестнице и глядя себе под ноги, девушка только на полпути заметила периферийным зрением, что наверху кто-то есть. Она резко подняла голову и увидела стоящую в коридоре второго этажа фигуру. От неожиданности она вскрикнула и чуть было кубарем не покатилась вниз, но в последний момент успела ухватиться рукой за перила.

– О! Прости, что напугала тебя, дитя! – произнёс приятный женский голос. – Я услышала, как ты вернулась, и собиралась спуститься вниз, чтобы наконец-то как следует поприветствовать тебя.

Эмма уже успела прийти в себя и поняла, что перед ней стоит хозяйка дома.

– Здравствуйте. Я, конечно, не так представляла себе нашу встречу, но очень рада с вами познакомиться, – сказала девушка, поднимаясь по ступенькам. – Меня зовут Эмма, а вы…?

– Я госпожа Осакабэ, но можешь звать меня Осакабэ-химэ, для краткости.

Когда прозвучало это имя, перед глазами девушки предстала и его обладательница. Это была величественная пожилая женщина, одетая в роскошное богато расшитое двенадцатислойное кимоно. Её волосы были элегантно собраны в великолепную высокую причёску, а весь её облик излучал такое необыкновенное могущество, что обратиться к ней просто как к Осакабэ без уважительного «госпожа» ни у кого не повернулся бы язык.

Эмма удивлённо и восхищённо рассматривала стоящую перед ней женщину, позабыв всякие приличия. Однако госпожа Осакабэ, казалось, была не против. Она позволяла девушке беззастенчиво разглядывать себя, неспешно обмахиваясь веером и, казалось, испытывая величайшее удовольствие от того, какое впечатление она на неё произвела. В то же время Эмму не покидало ощущение, будто и сама женщина пристально изучает её, только не внешне, как сейчас она, а внутренне. Ей казалось, что своим взглядом хозяйка дома проникла в самые глубины её сознания, и девушка чувствовала себя перед ней полностью обнаженной.

– Что ж, может быть, мы перестанем стоять в коридоре и пройдём в твою комнату, чтобы немного поговорить и узнать друг друга получше? Если ты, конечно, не против, – предложила госпожа Осакабэ, хитро прищурившись.

У Эммы сон как рукой сняло, и она с радостью согласилась. Открыв дверь, девушка пропустила госпожу Осакабэ вперёд. Эмма знала, что надетое на женщине кимоно, называвшееся дзюни-хитоэ, весит довольно много, и лишь подивилась тому, с какой лёгкостью и изяществом, словно лебедь по водной глади, она проплыла по комнате и грациозно присела на краешек её кровати. Сама же Эмма развернула к себе стул и села лицом к гостье. Они проговорили с госпожой Осакабэ больше трёх часов, в течение которых девушка выложила ей всё, сама того не замечая. Она рассказала ей о своей жизни, об обучении, о страданиях и переживаниях, как она попала сюда и как ей живётся в Японии. Она поведала ей о своих желаниях, мечтах, чувствах и страхах, даже рассказала о сегодняшнем происшествии в храме. Эмма полностью обнажила свою душу и разум перед человеком, которого видела впервые жизни. Госпожа Осакабэ внимательно слушала её, не задавая вопросов и не прерывая. Наконец Эмма почувствовала, что совершенно вымоталась, и женщина встала, собираясь уходить. В этот момент девушка поняла, что совсем ничего не узнала о самой госпоже Осакабэ, которая уже стояла в дверях.

– Так ты говоришь, что рада оказаться в Японии и в моём доме в частности?

– Да, Осакабэ-химэ. Я очень рада, что так удачно всё для меня сложилось.

Женщина улыбнулась странной, будто бы хищной улыбкой.

– Радуйся, пока можешь, – едва слышно сказала она.

– Что вы сказали? – не поняла Эмма.

– Я пожелала тебе сладких снов, милая.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Девушка встала и, еле передвигая ноги, дошла до кровати, рухнула на неё в чём была и провалилась в глубокий сон.

Дни шли своим чередом, сменяя друг друга. Эмма всё так же была увлечена и полна энтузиазма как в работе, так и в учёбе. Её отношения тоже развивались в положительном ключе и приносили много радости и счастья им обоим. Томас скоро должен был окончить университет, и они подумывали о том, чтобы после этого начать жить вместе. Они много об этом разговаривали, строили планы. Договорившись, что будут снимать отдельную квартиру, потому что одна комната для двоих, по их мнению, была бы слишком тесной, начали просматривать варианты. Понятно было, что к тому моменту, как они съедутся, подобранные квартиры уже будут заселены, но хотелось пока что просто определиться, в каком ключе потом они будут вести поиски. Да и вообще, им хотелось просто помечтать, пока идёт время.

В храмы Эмма после того случая больше не ходила. Ей почему-то резко разонравилось в них всё, будто отвернуло. Или же просто ей больше нечего было там искать, тем более что скоро должен был начаться её отпуск, в который она хотела поехать домой и навестить родителей.

Госпожа Осакабэ жила на этаж выше, чем Эмма, но никоим образом больше её не беспокоила. Они с ней вообще больше не виделись, однако девушка отчётливо слышала её едва уловимые шаги и лёгкое шуршание кимоно по полу. Видимо, она, так же, как и Эмма, не слишком сильно жаловала человеческое общество и предпочитала проводить время в уединении. Во всяком случае, девушку это устраивало намного больше, чем если бы ей ежедневно приходилось пить чай или ужинать в компании госпожи Осакабэ. Откровенно говоря, Эмма побаивалась её. Она не знала почему, но внутри у неё все сжималось, когда она думала о ней или слышала, как она ходит у себя наверху. Эта женщина излучала такую мощнейшую энергетику, что казалось, весь дом пропитан ею. И хотя до личной встречи с госпожой Осакабэ Эмма этого не замечала, теперь она не могла отделаться от этой мысли.

Несмотря на то что дом был почти в полном её распоряжении, Эмма не звала никого в гости. Во-первых, она не хотела никоим образом потревожить госпожу Осакабэ, а во-вторых, при встрече она забыла спросить у неё, можно ли звать в дом посторонних. Боясь прогневить хозяйку, девушка не приглашала даже Томаса. Она объяснила ему, в чём дело, и он всё прекрасно понял.

Так или иначе, прошёл почти год с момента посадки её самолета в аэропорту Японии, и Эмма уверенно могла сказать, что это время было лучшим в её жизни. Здесь она многого достигла и гордилась собой. Недавно девушка получила повышение и теперь была помощником адвоката. Функционал немного изменился, и сама работа стала более ответственной, но Эмма прекрасно с ней справлялась, хотя иногда и допускала незначительные ошибки. Ей помогали и направляли старшие коллеги, поэтому она была довольна своей должностью и любила свой коллектив. Девушка верила, что её жизнь и дальше будет освещена счастьем, словно солнцем, и ничто не сможет его омрачить. Для Эммы вся жизнь в этой удивительной стране была сбывшейся мечтой, и порой она сама не могла поверить в то, насколько ей повезло.

Единственным, кто действительно не верил в эту чудесную сказку, был Томас. Они с Эммой познакомились ещё в то время, когда она только приехала на стажировку, и практически сразу он влюбился в неё. Томас был на год старше девушки и учился на последнем курсе. Он жил в Японии уже долгое время, переехав сюда к отцу после развода родителей, который сильно его подкосил. Тогда на семейном совете было принято решение о том, что кардинальная смена обстановки пойдёт Томасу на пользу. Так оно и вышло, ведь всё своё время подросток теперь уделял тому, чтобы наладить отношения со сверстниками в школе и прижиться в абсолютно чужой для него стране. Это далось ему нелегко, поскольку консервативные японцы очень неохотно принимали в свой круг иностранцев. К полукровкам, каким был Томас, относились более лояльно, но не настолько, как если бы он был чистокровным японцем. Мальчику повезло, что он больше походил на отца, чем на мать, иначе его не приняли бы никогда.

На этом они и сошлись с Эммой, когда она рассказала, как старалась изо всех сил поступить в университет и приехать сюда. Он сразу вспомнил и поведал ей о своих страданиях, когда дети не хотели с ним играть, потому что он был не такой, как они. У них были разные истории, но их объединяло одно: упорство и стремление доказать всем и себе, что они не хуже, а то и лучше других. Также их связывала безграничная любовь к этой удивительной и многообразной стране. Они вместе гуляли и наслаждались ею. Для Томаса было великим счастьем разделить с кем-то свои чувства и эмоции.

А теперь Эмма пропала. Томас не видел её уже больше десяти месяцев. Он помнил, как попрощался с ней и уехал на несколько недель к матери. Он потерял бабушку и поехал провожать её в последний путь и помочь своей матери пережить утрату. Парень несколько раз пытался связаться со своей возлюбленной, но она не отвечала ему. Он списал это на разницу

во времени и на большую загруженность девушки. Однако по возвращении отец сообщил ему, что его разыскивает полиция как свидетеля по делу. Томас удивился и пошёл в полицейский участок, где ему и сообщили новости об Эмме.

Всё началось с того, что девушка не вышла на работу, никого об этом не предупредив. Все знали её как ответственного человека и понимали, что она не могла так поступить, однако решили выждать ещё несколько дней, не поднимая паники. Когда же она не явилась и после этого, её коллеги и начальство не на шутку обеспокоились и обратились в университет. Но там Эмма тоже не появлялась. Было подано заявление в полицию о пропаже человека, но служители закона через какое-то время лишь развели руками. Девушка как сквозь землю провалилась, словно её и вовсе не существовало. На первых порах основной версией было то, что Эмма попросту уехала на родину. Но при проверке списков людей, выехавших из страны в один конец, предоставленных аэропортами, судоходными и железнодорожными компаниями, выяснилось, что имя и фамилия девушки нигде не фигурируют. Тогда версии произошедшего стали носить более мрачный и зловещий характер. Полиция считала, что это либо похищение и девушку где-то удерживают, либо убийство, либо же самоубийство. Но это были лишь предположения, поскольку в руках следствия не было ни единой зацепки. Многие из сотрудников полиции предполагали, что, скорее всего, это дело так никогда и не будет раскрыто, но были и такие, кто надеялся, что девушка либо найдётся сама, либо они когда-нибудь обнаружат её труп.

Явившись в участок, Томас рассказал, что они виделись в последний раз спустя пару дней после её переезда и после этого, через день, он вынужден был уехать. Оказалось, что Эмма пропала буквально за сутки до того, как молодой человек сел в самолёт. Он поинтересовался, говорили ли полицейские с хозяйкой дома, в котором жила девушка, предположив, что она может что-то знать. Услышав этот вопрос, сотрудники полиции многозначительно переглянулись и уклончиво ответили, что опросили всех людей, которые так или иначе общались с Эммой.

Конечно, Эмму уже давно отчислили из университета и уволили с работы. Полиция заморозила дело, потому что они не могли ничего выяснить, но Томас не сдавался. Молодой человек не знал, где и как ему искать свою девушку, поэтому просто время от времени приходил к дому, где жила Эмма, желая поговорить с хозяйкой, но сколько бы он ни стучал и ни звал её, никто не открывал ему дверь. Это вызывало у него подозрения, ведь он видел свет, лившийся из окон третьего этажа, тем не менее дом был неприступен, а прохожие смотрели на него как на сумасшедшего, когда он часами бродил вокруг него и звал неизвестно кого.

Томас чувствовал, что здесь что-то не так, поэтому и продолжал приходить сюда. И вот в один из вечеров он подошёл к дому и посмотрел на свет, всё также горящий в окне третьего этажа, словно маяк. Томас зачарованно наблюдал за ним, как вдруг ему показалось, что он видит в окне чей-то силуэт. Не веря своим глазам, парень закрыл их ладонями и, хорошенько протерев, посмотрел снова, однако никакого силуэта уже не было. Тогда он решил, что будь что будет, но он обязан попасть в этот дом и своими глазами увидеть хозяйку и поговорить с ней. Он намеревался выломать дверь, зная, что его могут за это арестовать, но какая-то безрассудная решимость вытеснила все остальные чувства и притупила инстинкт самосохранения. Подойдя к входной двери, он приготовился выломать её, но одного пинка хватило, чтобы понять: дверь открыта. Томас застыл как вкопанный. Он не ожидал, что осуществить план будет так легко. Интересно, было ли здесь открыто всегда или только в этот вечер? Ответа у парня не оказалось, и он решил не зацикливаться на этом, ведь знание правды ничего хорошего для него не принесло бы.

Внутри дома стояла гробовая тишина. Томас, стараясь передвигаться настолько бесшумно, насколько это было возможно, обошёл весь первый этаж и, не найдя никого и ничего, стал осторожно, словно вор, подниматься на второй. Внезапный скрип одной из ступенек заста-

вил парня вздрогнуть. Его мгновенно прошиб липкий холодный пот, а сердце так оглушительно бухало в груди, что Томасу казалось, будто его слышит весь мир. Он так и стоял не в силах шелохнуться, стараясь вжаться в эту лестницу и уменьшиться до размера таракана. Но всё же спустя несколько минут нашёл в себе силы двинуться дальше, надеясь, что обойдётся без сюрпризов. Завершив наконец свой подъём, парень открыл первую же дверь на этаже и вошёл в неё, но он не был готов к тому, что хоть что-то там найдёт.

Словно в дымке, он увидел ослепительной красоты женщину, одетую в великолепное двенадцатислойное кимоно. Она сидела на краешке кровати, а её рука с длинными ногтями медленно и ласково поглаживала какое-то животное, лежащее у неё на коленях. Однако, присмотревшись повнимательней, Томас обнаружил, что это не что иное, как человеческая голова. Зрение моментально прояснилось, и пред его взором предстала жуткая картина. На этой же кровати, где восседала женщина, лицом вниз лежало тело, одетое в грязные лохмотья, очевидно, раньше служившие одеждой. С изголовья спускались длинные толстые цепи, плавно переходящие в стальные браслеты на щиколотках лежащего человека. Руки, также прикованные к кровати, свисали беспомощными плетьми. Увидев всё это, Томас понял, насколько отвратительный смрад стоял в комнате. Запах давно не мытого тела с примесью затхлости самой комнаты и чего-то ещё резко ударил в нос. Парню уже стало казаться, что он сходит с ума и этого не может быть на самом деле. Он пытался определить, жив ли лежащий человек, и наконец смог уловить еле заметное ритмичное движение спины при дыхании. Вдруг страшная догадка резко обрушилась на него, словно удар хлыстом.

– Эмма… – прошептал он.

Сидящая на кровати женщина улыбнулась, кивнула и, вцепившись в волосы, которые она только что так ласково гладила, подняла голову лежащего тела. Это действительно была Эмма. Её глаза были закрыты, рот при поднятии слегка приоткрылся, лицо было очень бледное и осунувшееся. Женщина разжала пальцы, и голова девушки снова рухнула ей на колени. Послышался слабый стон. У Томаса кровь застыла в жилах. Он и представить себе не мог, что найдёт свою возлюбленную в таком ужасном состоянии, пленённую столь прекрасной, сколь и жестокой хозяйкой дома.

– Кто вы? – только и смог проговорить парень.

– Сядь, – приказала женщина.

Несмотря на то что Томас не собирался её слушаться, он, к своему удивлению, словно наблюдал со стороны, как его тело взяло стул и село.

– Меня зовут госпожа Осакабэ, – сказала женщина. – Я живу в этом месте с незапамятных времён. Когда-то давно здесь возвышался прекрасный белый замок, в котором я жила в самой высокой башне. Он принадлежал мне полностью, но в него каждый год пытался заселиться кто-то из людей. Я всегда любила уединение, поэтому спускалась осмотреть свои владения лишь раз в год, но всё время видела, что мой прекрасный замок кишит людьми, как тараканами. Однако я нашла им достойное применение. Я насылала на них морок и болезни, питалась их жизненными силами, что давало мне огромное могущество. Некоторые люди и сами приходили ко мне в башню, и тогда, в зависимости от моего настроения, я либо забавлялась с ними, превращаясь в прекрасную женщину, либо убивала, показав своё истинное лицо.

Прошло множество столетий, пока в мой прекрасный замок не пришла беда. Люди, заигравшись в свои войны, уничтожили его. Он сгорел в пожаре, а мне пришлось погостить у своей младшей сестрицы Камэ-химэ. Мы с ней очень похожи, поэтому у нас сложные отношения. Бедняжка так и не смогла адаптироваться к современному миру и живёт за пределами города.

Однажды я вернулась сюда, поскольку жизнь в лесу не для меня, и увидела, что на месте замка построили множество новых домов. Я выбрала этот. Он стоит именно на том месте, где когда-то стояла та самая башня, в которой я жила. С тех самых пор люди сами приходят в этот дом в поисках жилья. Я даю им то, что им нужно, но взамен питаюсь их жизненными

силами. Они этого не чувствуют, пребывая в своих счастливых снах, заботливо построенных мной. Они даже и не догадываются, что больше не существуют в реальном мире. Для них жизнь продолжается. Я покажу тебе, если ты мне не веришь.

Госпожа Осакабэ взмахнула рукой, и Томас, словно на экране проектора, смотрел, как Эмма всё ещё ходит на работу и продолжает учиться. Затем он увидел себя, держащего её за руку во время неспешной прогулки, которые они так любили. Он бросил взгляд на то, во что превратилась его любимая жизнерадостная девушка, и на его глазах чуть было не выступили предательские слёзы. Он понял, что, если не сможет вырвать её из рук этого чудовищного ёкая[1], она попросту погибнет здесь.

– Почему Эмма? Что она вам сделала? – спросил Томас, пытаясь скрыть охватившее его волнение.

– Ничего, – просто ответила госпожа Осакабэ и вновь погладила девушку по голове. – Я не выбираю людей. Я встретила здесь Эмму ровно год назад, и пришла она по доброй воле. Ей нужно жильё, а мне – пища. Как говорится, ничего личного.

– Госпожа Осакабэ, – набираясь смелости, снова заговорил Томас, – отпустите её.

– Отпустить?! – вскрикнула женщина. – Ну уж нет!

– Возьмите меня вместо Эммы.

Глаза госпожи Осакабэ хищно блеснули, а губы растянулись в зловещей усмешке.

– Заманчивое предложение, – произнесла она и ещё раз взмахнула рукой. Немое «счастливое» кино пропало, а кандалы с металлическим лязгом открылись. – Что ж, она может идти.

Стены комнаты сотряслись от хохота госпожи Осакабэ, оглушив Томаса. Он понял, что это его шанс, и стремглав рванулся к Эмме, быстро взял её на руки и бросился прочь из этого проклятого места. Он уже пересёк порог дома и, думая, что опасность миновала, мысленно поздравил себя с победой.

– Томас! – окрикнула его госпожа Осакабэ, и он, не задумываясь о том, что делает, обернулся.

Вместо прекрасной женщины он увидел жуткое змееподобное чудовище. Оно скалило хищную пасть с огромными острыми клыками. От этого зрелища Томас рванул было вперёд, в панике пытаясь убежать подальше, но чуть было не рухнул, запутавшись в собственных ногах. В этот момент его взгляд упал на Эмму, которую он держал на руках. Её тело в мгновение ока превратилось в зловонный полуразложившийся труп, пожираемый опарышами. За долю секунды это был уже скелет девушки, который, в свою очередь, рассыпался в прах. Томас только и мог, что, оцепенев от шока, смотреть расширившимися от ужаса глазами на свои дрожащие, облепленные человеческими останками руки.

За его спиной раздался раскатистый злорадный смех. Он осмелился медленно повернуться, но больше не увидел ни чудовища, ни самого дома, из которого вылетел пулей всего несколько минут назад. На его месте стояли лишь руины, обожжённые пожаром.

Теперь он понял, почему полицейские так уклончиво ответили ему про опрос хозяйки дома и почему, когда он приходил сюда и бродил, прохожие смотрели на него как на сумасшедшего. Госпожа Осакабэ ловко повелевала человеческим сознанием и позволяла видеть лишь то, что она сама хотела показать. До него наконец дошло, как ловко она обвела его вокруг пальца. Парень чувствовал, как угасает его разум, а в его ушах по-прежнему стоял раскатистый смех Госпожи Осакабэ.

[1] Ёкай – сверхъестественное существо японской мифологии.

Юлия Кулакова

Чувства тела

Горло сжалось так, что разжать не получается. А я уже успела понадеяться, что все обойдется.

Я уже давно знаю: взрослые – это угроза. Взрослые – это плохо. Если появился взрослый, быть очередной беде.

И вот она, беда.

– Знаете, вы уж простите, но ваша девочка какая-то бледненькая. Моя так выглядела, когда перестала гулять из-за болезни. И гимнастику мы тогда с ней забросили. Послушайте: а вы не думали отдать ее обратно в школу?

Я уже знаю, что сейчас будет сказано. Что я уже прохожу программу старших классов среднего звена, а кое-что берем и у совсем старших. Что временем веселиться и гулять я вполне располагаю и ничем не обделена.

Она отходит от словоохотливой женщины. Идет по направлению ко мне и бормочет что-то про то, что Словоохотливая Женщина плохая мать, раз у нее ребенок болеет. И что она больше близко к Женщине не подойдет, в приличных семьях потому что никто не болеет: ни взрослые, ни дети. Именно это она всегда говорит, если слышит, что кто-то болен.

А вот как пройдет мой сегодняшний вечер – я еще толком не знаю. Возможно, меня просто побьют за то, что я для кого-то выгляжу как больная и слабая. Возможно, будут подзатыльники и ругань. Жуткая боль в голове до утра обеспечена. Возможно, будут тяжелые и унизительные удары по тем местам, о которых не говорят, – именно для того, чтобы я уж точно никому не сказала. Она боится, что я скажу. «Она у меня истеричка, иногда опасаюсь, что она может наврать, будто ее дома ругают и бьют», – как-то сказала она в телефонном разговоре. «Будто»? Но как тогда называется то, что со мной делают? Иногда я считаю удары, чтоб не плакать, за слезы достанется дополнительно. Один. Два. Три. Если все-таки прорываются слезы, то потом она отпаивает меня какими-то таблетками и нежно говорит: «Дурочка, опять чем-то себя довела, ну такая впечатлительная, опять плачет». Может даже разулыбаться и поцеловать. Я держусь, чтоб не отшатнуться, за это – одним ударом отправляешься головой в стену. Лучше перетерпеть.

После экзекуции – да, я знаю такие слова и даже пишу их без ошибок под диктовку, это предмет ее гордости, – будут уроки. Я не знаю никого, кто бы в восемь лет, как я, решал такие уравнения. Впрочем, я мало кого знаю. Ошибаться нельзя. За ошибку будет что-то страшное. Лучше пусть просто бьет. Потому что, когда она держит меня за волосы, ударяет по лицу и говорит мне разные гадкие слова при каждом ударе (вот из этих слов я знаю не все, и оттого еще страшнее) – во мне вскипает что-то такое, чего быть не должно. Не должно, и всё. Я должна ее любить, хотя я не понимаю смысл этого «любить». Я должна всегда быть честной, и, если приходит плохая мысль, немедленно о ней рассказать и получить наказание. Тем более если что-то у меня не получилось. Я должна рассказать сама. Это касается и не только плохих мыслей: мне следует рассказывать вообще обо всем, а она мне говорит, какие мысли правильные, а за какие – она меня попозже накажет. Недавно, совсем недавно, я решила попробовать скрывать свои фантазии. Это было ни с чем не сравнимое наслаждение: представлять себе, будто я еду на пони где-то далеко-далеко, и вокруг цветы, и никого из людей. Я знаю, что была бы наказана за лень, глупые выдумки и, главное, за желание быть где-то далеко от нее, где некому меня, дуру, научить, что думать и что делать. И еще в моей фантазии не было уроков. Я промолчала. И она не догадалась. И не выследила: я мечтала ночью, когда она спала.

Вот она и подходит ко мне. Улыбается. Я знаю эту улыбку. Она означает «вот только дойдем до дома…»

Для всех она добрая и ласковая. А потом закрывается дверь.

Она берет меня за руку и поднимает со скамейки. И ведет за собой. Еще раз смотрит на меня с той самой улыбкой. Ей важно, чтобы я уже начала дрожать от страха, уже начала сглатывать и всхлипывать. Чтобы наказание уже началось.

Мы идем куда-то не туда. Дом в другой стороне.

– Куда мы идем? – решаюсь я.

– Иди! – толкает меня она. Я спотыкаюсь и получаю за это удар по голове: «дура, ходить не умеет!»

Через несколько минут она все-таки не выдерживает:

– Мне еще будут высказывать, что она бледненькая! Ишь чего, не гуляет она!

Я действительно не гуляю. Это считается пустой тратой времени, да еще и с кем-то разговориться могу и что-то не то рассказать. Одно время она водила меня в школу и радостно наказывала, когда учительница говорила, что я в чем-то неправильно себя веду. Гордилась и рассказывала соседкам, как меня хвалят в классе за отличные отметки. Но когда та же учительница сказала ей, что маленьких детей нужно не загружать уравнениями, а разрешать познавать мир – вот тут она разозлилась и забрала меня из школы. Без тупиц, мол, разберемся.

– Иди быстрее! – подталкивает в спину. – Будешь теперь много ходить у меня, чтобы никто не смел думать, будто тебя никуда не пускают!

Дорога уводит от домов. Мимо леса, дальше пойдет через лес. Разрежет лес надвое. Я смотрела по карте. Я не привыкла ходить, ноги начинают болеть, в груди сначала давит, потом жжет, я изо всех сил стараюсь сдержать кашель.

– Быстрее!

Нет, только не это. Перед глазами мутится. Я вжимаю голову в плечи и тихо кашляю. Но, похоже, ей надоела эта игра, и она замедляет шаг. Спасение. Берет меня за руку. Мы разворачиваемся и медленно идем обратно.

– Ослабла, дурочка, – треплет она меня по макушке. Макушка до сих пор болит: это она сорвала с меня бант и вырвала часть волос, когда ее опозорила две недели назад, споткнувшись во второй строчке стихотворения на конкурсе. Это был мой первый и, теперь уже, последний конкурс в жизни. И бант тоже, но банты я ненавижу. Только не выдать, не рассказать ей, что я подумала слово «ненавижу»…

Я что-то ощущаю. Есть у меня «чувства спиной», или «чувства тела» (я еще не придумала, как их назвать): заранее знаю, когда кто-то ко мне приближается, и тем более всегда могу предсказать, что вот сейчас нечто произойдет. Сейчас эти два чувства смешались. Наверное, пусть будут лучше «чувствами спиной»: чувств тела больше. Есть боль, есть, когда что-то сжалось от страха, есть сам страх – тогда все, с ног до головы, тебя заполняет нечто, от чего ты начинаешь умирать. Еще есть тепло. Есть запрещенное «холодно»…

Она как раз отпускает мою руку, и я оборачиваюсь назад. Что-то темное выдвигается из-за поворота. Уже сумерки, не сразу понимаю, что это машина и что я ее вижу как в замедленной съемке, а на самом деле машина едет с небывалой скоростью. Грузовые машины вообще так не ездят.

Я отхожу. Еще отхожу. Совсем отхожу на обочину. Она не видит, не слышит, она уже впереди. Надо же, как задумалась. Она умная, она думает о чем-то важном.

И я прячусь за первым же деревом и закрываю глаза.

Грохот, лязг. Металлический визг. Крики – не знаю чьи, люди не умеют издавать такие звуки. Кто-то хлопает дверью. Странный голос, странно выговаривает слова, я их не понимаю. Из фильмов, которые она смотрит, я знаю, что так разговаривают пьяные. Опять дверь. Потом снова ревет мотор – и, похоже, машина уехала.

Я выхожу из своего укрытия.

Вот то, что на дороге, – это она. Я так говорю себе: это она. Будто это не я, а кто-то другой со мной здесь, и он мне говорит: это она.

Во все стороны всё красное. Красные полосы и пятна. Почему машина не сломалась, если она на нее… если она ее …если она на ней… они от этого не ломаются, что ли?

Я подхожу и вглядываюсь. Она называла меня впечатлительной. Но я просто стою и вглядываюсь с любопытством, пытаясь понять, где тут руки, а где ноги, и почему все так не похоже на то, что я привыкла видеть.

И вдруг у того, что я вижу, открывается рот.

– Вы…зови…

Я стою и молчу. Вместе со словами из отверстия выходит кровь. Как странно.

Она набирает в то, что было грудью, воздух и говорит (если я правильно разбираю этот набор звуков):

– Милая…помоги…

Я стою. Она еще раз набирает воздух, на этот раз с хрипом, и изо рта вырывается то, что ни с чем не спутаешь:

– Дрянь.

Я отворачиваюсь и бегу. Бегать я почти не умею. Бегу, но вскоре перехожу на шаг. Иду. Иду. Вспоминаю запрещенное слово «устала». Наверное, мое состояние называется так: устала. Как только найду скамейку – сяду и посижу.

В отдалении видны дома. А вот и скамейка. Вокруг никого. Совсем никого. Только какие-то постройки, наверное, здесь что-то производят. Или производили, сейчас они закрыты. Около них валяется строительный мусор.

Я перевожу дыхание. Я ведь просто заигралась, думала о всяких глупостях и не заметила, как она от меня ушла. И я так и просидела какое-то время. А потом увидела, что ее нет, побегала по району, поискала, дошла до дома, квартира закрыта, у меня нет ключей. Решила еще поискать. У-ста-ла. Сейчас отдохну и еще пойду искать.

Всё было именно так, я точно знаю. И именно это я расскажу взрослым, которые меня найдут. Где-то сзади шумят колеса. «Чувство спиной» («чувство тела»?): это машина полиции. Оттуда выйдет человек, подойдет ко мне, к девочке, выглядящей лет на шесть в свои восемь, бледной, очень худой, с черно-фиолетовыми кругами под глазами. Он сразу спросит меня:

– Девочка, с тобой все в порядке? А где твоя мама?

Иван Бирюков

Тело известного

– Здравствуйте, доктор Тонг, – горбоносый мужчина на пороге привычным движением приподнял шляпу.

– Простите за ранний визит – служба.

– Здравствуйте, инспектор. Конечно-конечно. Входите, – хозяин дома чуть отодвинулся в сторону, пропуская гостя. – Снова нужна консультация?

– Увы, нет.

Инспектор прошёл в холл, снял шляпу и обернулся к возящемуся с дверным замком Тонгу.

– Ваша супруга дома?

– Элизабет? – удивился тот, – да, дома. А зачем…

– Позовите её.

Доктор уставился на полицейского, но, не дождавшись пояснений, оторвал взгляд от непроницаемого лица и крикнул в сторону лестницы:

– Дорогая!

Через мгновение на пролёте второго этажа возникла высокая стройная тридцатилетняя брюнетка в простом, но элегантном платье.

– Ты звал меня, любимый? О, инспектор! Опять хотите похитить моего мужа для своих страшных полицейских дел?

– Боюсь, на этот раз я пришёл именно к вам, миссис Тонг.

– Ко мне? – чёрные дуги её бровей скользнули вверх. – Если это из-за жалобы миссис Хантер, то я…

– Нет-нет, – инспектор едва заметно мотнул головой.

– Тогда я, право, не знаю…

– Ближе к сути, инспектор, – вмешался Тонг.

Полицейский, даже не взглянув в его сторону, подошёл к спустившейся с лестницы женщине.

– Миссис Тонг… Я прошу вас сохранять спокойствие… Дело в том, что сегодня утром на окраине города патруль обнаружил тело вашего мужа.

Глаза Элизабет распахнулись и остекленели. Взгляд упёрся в переносицу полицейского, затем медленно перекочевал на Тонга, застывшего с приоткрытым ртом.

– Что это значит, Ривкин? – вышел из ступора доктор. – Я, как видите, здесь. Стою перед вами живой и здоровый.

– Вижу, доктор, но глаза могут обманывать, – парировал инспектор, – а я полицейский и верю фактам, уликам и документам. Если они говорят, что найден ваш труп, значит – найден ваш труп.

Миссис Тонг бросилась к мужу и заключила его ладони в свои.

– Что происходит, Джеймс? Я ничего не понимаю!

– Хватит чудить, Ривкин! – левая щека доктора предательски дёрнулась. – Вы прекрасно меня знаете. Черт возьми, я раз пять или шесть делал для вас химические анализы!

– То, что я знаю вас под именем доктора химии Джеймса Тонга, ещё не значит, что вы доктор химии Джеймс Тонг.

Доктор не нашёл что ответить.

– Миссис Тонг, – инспектор вновь обратился к растерянной женщине, продолжавшей сжимать ладони супруга, – я вынужден препроводить вас на процедуру опознания тела. Жду вас в машине.

Полицейский перевел взгляд на Тонга.

– Если желаете, ВЫ можете поехать с нами.

Маленькая холодная прозекторская была напитана запахами лекарств и трупной вонью. На блестящем металлическом столе покоилось накрытое простынёй тело. Инспектор откинул жёсткую белую ткань с лица покойника. Доктору хватило секунды, чтобы понять: это не его лицо.

– Что скажете, миссис Тонг? – прервал тишину инспектор. – Узнаёте ли вы покойного?

– Нет, не узнаю.

– Конечно, не узнаёт! Перестаньте валять дурака, Ривкин! – взорвался Тонг. – Этот тип ничуть на меня не похож.

– Давайте обратимся к документам, – все так же бесстрастно ответил инспектор.

Он взял миссис Тонг под руку и повёл в соседнюю комнатушку, где его помощник заранее разложил на столе вещи, найденные у покойника: водительские права, страховую карточку, пропуск в лабораторию, где работал Тонг, банковские карты, часы, бумажник, пару сотен долларов, мелочь, обручальное кольцо.

– Вот, посмотрите сами, – инспектор протянул женщине водительские права и пропуск. Они были выданы на имя Джеймса Тонга, но с фотографии смотрело лицо мертвеца.

– О боже, Джеймс, как же так… – миссис Тонг рухнула на стул и уткнулась лицом в ладони.

Доктор стал внимательно изучать брошенные ею на стол документы.

– Итак, миссис Тонг, – тон инспектора одеревенел окончательно, – признаете ли вы, что обнаруженное тело принадлежит доктору химии Джеймсу Тонгу, вашему супругу?

– Да, признаю, – пробормотала женщина сквозь слезы.

Помощник инспектора бойко записал признание в протокол. Его начальник мельком взглянул на стоящего рядом доктора.

– Элизабет, что ты делаешь?! – доктор бросился к жене, присел рядом на корточки, убрал волосы с мокрого от слёз лица и заглянул в глаза. – Вот же я – твой Джеймс. Жив и здоров.

– Милый… любимый мой… как же так… Вот же, – она указала на документы в руках мужа.

– Да это же просто бумажки, родная!

– Нет, доктор Тонг, это не просто бумажки, это официальные документы.

– Послушайте вы… хватит! Вам нужны документы? Подавитесь!

Тонг протянул инспектору свои водительское удостоверение и пропуск. Полицейский начал мрачно разглядывать карточки.

– Ривкин, – доктор постарался взять себя в руки и говорить мягче, – вы прекрасно знаете, кто я. Мою личность могут удостоверить мой начальник, коллеги и мой друг – прокурор штата. Съездим к нему?

– Вздумали меня испугать, Тонг? Напротив, в данной ситуации вмешательство прокурора будет как раз кстати. Поехали.

Прокурор штата Чарльз Вайн – единственный друг детства, с которым Тонг поддерживал связь. Не то чтобы они были очень близки: так – редкие встречи, частые звонки, сентиментальные открытки на праздники. И всё же Вайн несколько лет назад серьёзно помог Тонгу: дал хорошую рекомендацию хозяину лаборатории, в которой тот теперь работал. Доктор не сомневался: старина Чарльз поможет и на этот раз.

– Джеймс, какая встреча! – расплылся прокурор в ослепительной улыбке, выплывая из-за огромного дубового стола, когда, миновав грозную секретаршу и двух ретивых помощников, Тонг со свитой возникли в его кабинете. – Элизабет, ты все хорошеешь, – проворковал он, целуя руку жене друга. – Инспектор, а вы все также строги и бдительны. Вам нужно научиться расслабляться. Может, выпьете немного виски или бренди?

– Я на службе, господин прокурор.

– А вот я не откажусь, – доктор усадил жену в роскошное кожаное кресло и сел в такое же рядом.

– Тебе, конечно же, виски, дружище.

Тонг кивнул.

– Уж я-то тебя знаю, – Вайн шутливо погрозил указательным пальцем. – И безо льда, так ведь? Боже, где мои манеры?! – спохватился он. – Элизабет, что налить тебе?

– Ничего, Чарли, спасибо.

– Жаль. Что ж, будем опять пить вдвоём, – обратился он к другу, протягивая стакан, наполовину наполненный настоящим крепким и ароматным шотландским виски.

Доктор сделал небольшой глоток. Алкоголя он даже не почувствовал.

– Послушай, Чарльз, у нас с инспектором возникла… э-э-э… небольшая проблема. И мне нужна твоя помощь.

– О чем речь, старина! Помогу чем смогу.

– Подтверждаешь ли ты, что я Джеймс Тонг?

Прокурор замер на мгновение, но понял, что друг не шутит.

– Конечно, боже ты мой. Это столь же верно, как то, что я прокурор штата, твоя жена – красивейшая женщина штата, а инспектор Ривкин – ходячая Конституция штата.

Прокурор залился громким гулким смехом.

– Хорошо. Тогда второй вопрос: подтверждаешь ли ты, что я ещё жив?

Вайн ошарашено воззрился на Тонга.

– Чёрт возьми, Джеймс, это самое странное, что я когда-либо слышал.

– Всё не так просто, господин прокурор, – вмешался в разговор инспектор. – У нас есть серьёзные основания полагать, что доктор Джеймс Тонг мёртв.

– Не самая удачная тема для шуток, Ривкин, – голос Вайна звякнул металлом.

– Я не расположен шутить, особенно при исполнении, господин прокурор. Разрешите ознакомить вас с фактами. Сегодня в пять сорок пять утра патруль обнаружил у шоссе возле заброшенного амбара фермы Лоуренса тело мужчины без явных признаков насильственной смерти. При осмотре трупа в вещах найдены документы на имя доктора Джеймса Тонга. Вот протокол осмотра места происшествия, рапорт сержанта Винсента, опись предметов, заключение судмедэксперта.

Инспектор разложил на столе бумаги и продолжил:

– В семь двадцать две я приехал в дом миссис Тонг и препроводил её в городской морг для опознания тела. Ознакомившись с документами, она признала, что покойный – доктор Джеймс Тонг, её муж. Вот протокол опознания.

Ещё один белый лист лёг на стол перед прокурором.

– Так-так… – приговаривал Вайн, вглядываясь в ровные черные линии шрифта.

– Кроме того, мои помощники съездили в лабораторию и в Центр дорожного движения и подтвердили подлинность пропуска и водительских прав. Вот протоколы, убедитесь сами.

– Чарльз, представь себе, этот абсурд продолжается целый день, – раздражённо прервал монолог полицейского доктор Тонг.

– Никакого абсурда я не вижу, Джеймс, – ответил Вайн, с интересом разглядывая бумаги. – Наоборот, все сработано очень чётко.

– Что?!

– Не пойму, что тебя не устраивает? Возьми, посмотри документы сам.

– Да что ты суёшь мне эти бумажки, Чарльз! – доктор вырвал документы из протянутой руки друга и отбросил в сторону.

– Бумажки? – поморщился прокурор. – Опять твои анархистские повадки… Это не бумажки, Джеймс, это серьёзные документы на официальных бланках с печатями, на которых, между прочим, изображён герб нашего штата. Я не могу отмахнуться от этого.

– Хорошо, Чарльз, – доктор вновь попытался говорить спокойнее. – Предположим, что документы утверждают, будто умерший – доктор Джеймс Тонг. Но тогда это значит одно: он фальшивый Тонг.

– Нет никаких оснований считать, что документы, обнаруженные у умершего, поддельные, – отрапортовал инспектор.

– Ну и чёрт с ними, Ривкин! Пусть даже так, и он, что полная ерунда, – настоящий Джеймс Тонг. Но тогда логично предположить, что он какой-то другой Тонг.

– С тем же домашним адресом и работающий в той же лаборатории? – хмыкнул инспектор. – И после этого вы кидаетесь обвинениями в абсурде?!

– Я понимаю тебя, Джеймс, – наконец заговорил Чарльз Вайн. – Принять случившееся непросто. Но давай рассуждать логически: нам известно, и это документально подтверждено, – прокурор сделал упор на последних словах, – что обнаружено мёртвое тело и оно принадлежит Джеймсу Тонгу. Это факт. Ещё мы знаем, что ты, и это тоже подтверждают документы и я заодно, – Джеймс Тонг. Это тоже факт. Вывод очевиден – ты мёртв.

– Ты спятил, Чарльз?! Ты же видишь: вот он я – здесь, перед тобой, живее некуда.

– Джеймс, Джеймс… – прокурор подошел к другу и приобнял его за плечи. – Мало ли, что я вижу. Я могу прямо сейчас привести тебе несколько субъектов, которые присягнут на Библии, что собственными глазами видели летающую тарелку над Капитолием штата. Да и не ты ли когда-то с пеной у рта доказывал мне, что рассказ миссис Хорн о явлении ей образа Девы Марии после похорон мужа неубедителен? А ведь миссис Хорн – женщина весьма уважаемая в нашем обществе, и у нас нет повода сомневаться в её словах и обвинять во лжи.

– Чарльз, но ты же не сумасшедший и не восьмидесятилетняя старуха! Ты же не хочешь сказать, что я привидение или коллективная галлюцинация. Или как ты собираешься объяснить, что один Джеймс Тонг сейчас находится в морге и не слишком общителен, а другой говорит с тобой?

– Я многого не могу объяснить, Джеймс! – не вытерпел Вайн. – Вчера, например, я не смог объяснить своей пятилетней дочери, почему у одних людей рождаются девочки, а у других – мальчики. Равно я не имею ни малейшего понятия о принципе работы ядерного реактора, но это не значит, что нужно сомневаться в существовании мальчиков, девочек и реакторов. В конце концов, не являет ли нам Создатель…

– Начинается…

– Да, Джеймс, Создатель! Так вот, не являет ли Он с начала времён нам чудеса, постичь которые мы не в состоянии? И нам ли задавать вопросы, которые, возможно, должны остаться без ответа?

Доктор Тонг попятился.

– Вы все сговорились, так? Вы хотите, чтобы я чокнулся.

– Ну вот, – подал голос инспектор, – теперь у него паранойя.

– Милый, не говори так!

Тонг повернулся к жене. Он, как и все остальные, совсем забыл о том, что она здесь.

– Успокойся, прошу тебя, – умоляющие глаза Элизабет блеснули влагой.

– Верно, успокойся, Джеймс, – Вайн направился к другу.

– Стой на месте, подонок! – бросил ему доктор и метнулся к двери.

– Хватайте его! – инспектор рванул с места, как хороший охотничий пес.

На плечах Тонга повисли прокурорские помощники, на затылок обрушился тяжёлый удар полицейского кулака. Последнее, что услышал доктор, – всхлипывания Элизабет и слова утешающего её Чарльза: «Успокойся, дорогая. Мы все подавлены этой утратой, но он бы хотел видеть тебя сильной».

Похороны начались в полдень. Пресвитер Уолтер сказал короткую, но проникновенную речь, директор лаборатории мистер Рау выступил от лица коллег, от немногочисленных друзей – Чарльз Вайн. Заплаканная вдова не смогла выдавить и слова. Джеймс, отупевший от двухдневного накачивания транквилизаторами, улыбался и кивал головой, когда слышал своё имя. Подходили люди – знакомые, коллеги, соседи, члены карточного клуба, – выражали соболезнования по поводу его безвременной кончины. Он вежливо благодарил и желал здоровья им самим и их близким. Наконец объявили о последнем прощании. Служители в строгих костюмах-тройках выстроились у гроба, приготовившись спускать его в чёрный прямоугольник могилы. Инспектор Ривкин подвёл шатающегося Джеймса к яме и, оглушив его ударом рукояти пистолета, подтолкнул в яму. Сверху опустили гроб.

Официальная справка, выданная Элизабет Тонг:

«Доктор химии Джеймс Тонг, умерший 24 мая 19.. года, похоронен в соответствии с законами штата М. 26 мая того же года, что удостоверяется пресвитером прихода Святой Девы Марии Д. Уолтером, прокурором штата Ч. Вайном, полицейским инспектором Г. Ривкиным, а также 27 свидетелями и подтверждается соответствующими документами, исполненными на официальных бланках и заверенными приложением печати с изображением герба штата».

Сергей Крюков

Кладбищенский призрак

Июльская ночь застала меня на пути к моему летнему пристанищу в уютном уголке, удалённом от больших дорог и городов. После не слишком удачного блуждания по лесам в поисках грибов меня задержала долгая беседа за самоваром с дедом Михеем, старожилом лесной деревушки. Деревня эта находилась километрах в шести, если верить её жителям, от села, косо возвышавшегося над извилистой речушкой, где я снимал небольшую комнату на время летнего отпуска. Ночь обещала быть погожей и тёплой, и я не спешил домой. Немного ягод, собранных мною на порыжевшей земляничной поляне, приукрасили чай из липового цвета, которым безудержно потчевал меня дед Михей. Старик за многие годы однообразной жизни, видимо, успел порядком соскучиться по новым знакомствам.

– Пей, пей, – уговаривал дед Михей, нацеживая очередной стакан пахучего золотистого напитка, – небось, в городе-то такого не пьёте. Всё «грузенские» да «индейские»… А насчёт нашего, родного, в коем сила-то для русского человека, дак нет вас!

Старик накладывал деревянной ложкой коричневатый сотовый мёд с плотными комочками воска в деревянную же струганную миску и лукаво поглядывал исподлобья, гордый своей вековой правотой.

Я неспешно тянул горячий чай, отдающий дымком, расспрашивая собеседника о грибных местах.

– Какие нынче грибы! Колосовик уж сошёл, а до осеннего гриба ещё дожить надыть. Токмо вот если маслят захочешь, сходи в молодой сосняк за кладбищем. Версты три будет по дороге к дому твому. На жарево наберёшь, – неторопливо рокотал дед Михей. – А знаешь, мил дружок, на кладбище-то нашем старый граф по ночам бродит. Мстит нам, грешным, за свою загубленную жисть. Ить сожгли его люди-то в своём доме – прямо живого. В пятнадцатом годе дело было. Тяжёл на руку, сказывают, был. Только косточки обугленные и остались от него… Вот с тех самых пор и слоняется граф по ночам на кладбище. Случайных людей караулит. А кого застигнет, дак защекочет до смерти али глядом спалит. Так-то вот, брат.

Дед Михей отхлебнул чаю и задумался, глядя в окно на угасающую полосу света, сумрачно оттенённую на северо-западе протянутыми тёмными облаками.

– А что, правда ли, загубил кого граф? – не поверил я старику.

– Да как же, – убедительно прокряхтел дед Михей. – Два года тому, как в последний раз было. Пошёл на Сергиев день к вечеру на кладбище мой свояк Николай, царство ему небесное, сыночка своево навестить. Серёжу-то уж лет шесть, как бревном задавило, когда куму сруб новый ставили. Пошёл, да не воротился. А наутро его старуха у графской могилы нашла. Весь ободранный был, а лицо-то серым-серо. Видать, как со страху-то кинулся, так и ободрался. А от графа убечь не смог. А граф его к своей могиле притащил да с размаху о плиту каменную ахнул. Ажник голову ему, бедняге, прошиб. А ты говоришь! Потом милиция из района приезжала. Всё расспрашивали, что да как… Да граф – он и есть граф. Что с него возьмёшь? За руку ить не схватишь! Так ни с чем и уехали.

Легенде о являющемся по ночам на кладбище призраке я не слишком поверил, но какая-то тайна здесь всё же была.

Между тем погода понемногу менялась. Это было заметно по начавшим раскачиваться верхушкам деревьев, плотно подступавших к жердевой ограде двора. Я заспешил домой. Старик уговаривал меня остаться на ночь, но мне не хотелось причинять ему лишних беспокойств. Да и грибы следовало перебрать как можно скорее. И я, тепло попрощавшись со стариком, про-

питанным пряными запахами махры и долгой нелёгкой жизни, и поблагодарив его за радушное гостеприимство, отправился в путь.

– Ну, будь здоров! Смотри, не заходи на кладбище, – напутствовал дед Михей.

Путь не обещал быть долгим. Быстрым шагом я рассчитывал добраться до дома часа за полтора. Прижимая рукой корзину, висевшую на перекинутом через плечо ремне, я шёл размеренным шагом по отчётливо различимой в сумерках дороге, освещённой почти полным желтоватым диском луны. Чёрные стены леса, посеребрённые вверху зыбкими макушками берёз, то широко расступались, открывая округлые поляны, заросшие высокой, напрасно ждущей косаря травой, то вновь смыкались зловещим коридором, погружая дорогу в топкую темноту. Тогда приходилось замедлять шаги, чутьём угадывая тропу…

Прошло уже не меньше часа с тех пор, как я простился со стариком, но, судя по всему, до дому было ещё не близко. Я вышел на широкую поляну. Ночь уже полностью овладела миром. По глубокому небу тяжело ползли грязноватые облака, временами задёргивая рваными краями плывущую им навстречу луну. Приглядевшись, в глубине поляны я заметил невысокую покосившуюся ограду, из-за которой проглядывали силуэты чернеющих крестов. Любопытство, разбуженное во мне таинственным рассказом старика, заставило свернуть с дороги и направиться к кладбищу.

Вряд ли какая сила способна соперничать с неудовлетворённым любопытством в принятии человеком нелогичных, нелепых, а подчас даже глупых решений. И сколь ни бессмысленным представлялся мне подобный шаг, иначе поступить я не мог.

Жирная крапива окаймляла запущенное кладбище, восполняя утраченное назначение обветшалой, кое-где почти совсем истлевшей деревянной ограды. В крапиве же утопали и иные кресты, обвитые ощерившимися венками из выцветших бумажных цветов, проволоки и осыпавшихся хвойных веток. По узкой, едва заметной тропке, ползущей в крапиве к месту былой калитки, я вошёл в это царство ветхой древности и печали.

Медленно пробираясь между могилами, я пытался найти плиту, венчающую место погребения останков графа. Я проходил могилу за могилой, пристально всматриваясь в последние пристанища смертных, но поиски мои были тщетными. Напрасно старался я привести свой осмотр в систему. Высокие частые кусты, то и дело вставая на моём пути, заставляли сворачивать в сторону. Я почти отчаялся найти искомую плиту, но упрямство заставляло вновь и вновь продираться сквозь заросли кустарника и крапивы, назойливо обжигавшей руки.

Неожиданно кладбище погрузилось во мрак: луну заслонила большая туча, краёв которой не было видно. Я решил прекратить бестолковые скитания, прислушавшись к окрепшему голосу разума. По правде сказать, хоть я и не верил в потусторонние сказочные силы, всё же подспудное жутковатое ощущение жило во мне, холодновато щекоча где-то внутри. Поскольку не было известно, как долго продержится наступившая темень, я решил найти какой-нибудь ориентир, который бы помог мне покинуть это неприятное место.

Внезапно я ощутил на себе чей-то взгляд. Сердце, замерев на миг, заколотилось с удвоенной частотой. Я резко обернулся. Сквозь узкий промежуток между кустами прямо на меня смотрело бледное синеватое старческое лицо. От него исходил какой-то неестественный холодный фосфорический свет, воспринимаемый скорее не зрением, но чутьём. Да, сомнений быть не могло: это был граф! Прямые руки призрака были вознесены над головой жёсткой угрозой, длинный плащ свисал до земли, и полы его, мерцая, колыхались: граф шёл на меня!!!

Я смотрел призраку в лицо, не в силах отвести взгляд. Высокая худая фигура графа, приближаясь, росла в моих глазах. Злой демон сковал меня паническим ужасом. Вдруг я осознал, что сам иду навстречу опасности. Я хотел остановиться, но не мог: ноги упрямо несли меня вперёд. Крик вырвался из моей груди. Я бросился бежать, не спуская с призрака глаз, но споткнулся и упал, сильно ударившись головой обо что-то твёрдое. «Это конец!» – успело промелькнуть в сознании. Я провалился в ночь.

Очнулся я от раздражающего негромкого, но назойливого похрустывания, которое раздавалось где-то рядом. Страх сковывал меня железной хваткой. Было холодно. Я приоткрыл глаза. Ночной сумрак уже отступал. Пасмурное небо цедило зарождающийся серый свет на ещё не проснувшуюся землю. Повернув голову на хруст, я увидел ежа, копавшегося в рассыпанных грибах. Заметив моё движение, ёж недовольно запыхтел и нехотя засеменил в сторону кустов. Превозмогая остатки страха, я поднялся и обнаружил, что стою у лежащей наклонно большой гранитной плиты, возвышающейся над графской могилой. Дрожь отвращения к злачному месту пробежала по телу. На некотором расстоянии за могилой стоял усаженный лишайниками полуистлевший ствол мёртвого дерева. Метрах в трёх от земли ствол раздваивался, и два осыпающихся грязно-жёлтых его обрубка ветхо торчали над основным телом. Чуть ниже места раздвоения зияло гнилое дупло, изнутри покрытое мхом и плесенью.

Я отряхнулся, подобрал уцелевшие грибы и поплёлся домой. Хотя я чувствовал себя очень усталым, спать не хотелось.

Уже совсем рассвело, когда я вошёл в деревню. Начинал накрапывать дождь. Из-за дома доносилось поскрипывание колодезного ворота.

Войдя в дом, я сбросил корзину с плеча и отыскал в сенях топор.

На обратном пути к кладбищу я уже почти не верил произошедшему со мной несколько часов назад.

Полина Горбова

Осы

Петру снились осы.

Гигантские насекомые, похожие на сколий, медленно ползали по цветущему татарнику, изредка взмахивая фиолетовыми крыльями. Петр поднял глаза от колючки и увидел бескрайнюю сочно-зеленую равнину, поросшую пыреем, типчаком и островками кохий. Теплый ветер раскачивал степь, и по мягкой податливой траве прокатывались шелестящие волны. Словно дирижабли, тяжелые осы громко гудели и низко летали от одного растения к другому. Солнце входило в зенит и бросало на имаго прямые жёсткие лучи, под которыми массивные тела, присыпанные пыльцой, лоснились и поблескивали.

Небо исполосовали зигзагами полупрозрачные перистые облака.

Время от времени равнина уходила в полутень, и Петр мельком поглядывал наверх, где проступали затуманенные очертания фрагментов серебристых орбитальных колец. Видимые части протягивались скрещенными дугами через небосвод, как щупальца, удушающие одинокий корабль среди космических зыбей.

Петр долго присматривался и наконец различил на одном из колец вход в нору. Легко оттолкнувшись от розовой шишечки цветка, он полетел ввысь, вращая крупными переливчатыми крыльями…

Затрещал будильник.

Петр яростно ударил по кнопке и с усилием раскрыл опухшие глаза. На беленом потолке проступили желтые пятна, он моргнул, круги поплыли в стороны. Пульсировало в висках. Петр привстал и, опираясь ладонями о край дивана, немного посидел с опущенной головой.

Через коричневые полосатые занавески в комнату пробивался свет и обличал витающую в воздухе пыль. Синие круглые часы на тумбе показали десять. Квартира накалялась. На лбу выступили мелкие капельки пота.

Откинув пустой пододеяльник, Петр потянулся и, шлепая босыми ногами по линолеуму, замаскированному под паркет, прошел в ванную.

Телефонный звонок застал его за чисткой зубов. Выплюнув сгусток пасты, Петр подскочил к пожелтевшему аппарату и схватил трубку.

– Слушаю!

– Перепончатов Петр Тимофеевич? – резко прозвучал грубый женский голос.

– Он самый, – ответил Петр, поглядывая в зеркало на заспанное лицо с огромными карими глазами и полным отсутствием подбородка, что, впрочем, компенсировалось густой темной бородой.

– Уже вернулись? Замечательно! Машина ждет у подъезда. Вам пятнадцать минут на сборы!

– Что случилось? – спросил Петр, перекладывая трубку к другому уху.

– Собирайтесь! – крикнула женщина.

– Но… – не договорил, в трубке раздались гудки.

Проклиная работу, Петр пошел в зал искать чистую и приличную одежду. Это оказалось сложнее, чем он думал. Почти весь скромный летний гардероб лежал пропахшим комком в чемодане. Петр приехал поздно ночью и сразу лег спать.

– Какого черта? – вскрикнул он. – Что они там, умрут без меня?

Посмотрел в окно через занавеску. У входа в тени вяза стояла черная волга. Рядом, присев на капот, курил худощавый мужчина в льняных штанах, хлопковой рубахе и болотного

цвета панамке. Каждые несколько секунд он выжидающе поглядывал на окна и выпускал вьющиеся клубы дыма.

«Что за субъект? – подумал Петр. – Я его не знаю».

Постояв немного, махнул рукой и полез в шкаф. Через пару минут вытащил светло-голубую рубашку с коротким рукавом, серые полушерстяные брюки от костюма и сандалии. Одевшись, потянулся к барсетке, лежавшей на спинке дивана, и заметил, как с красно-коричневого ковра на стене слетело имаго сколии.

«Совпадение?» – мелькнуло в голове.

Насекомое кинулось к горячему стеклу и неистово забилось о преграду. Петр сжалился и распахнул окно. Оса повисела перед глазами и рванулась на волю.

– Уважаемый! – донеслось снизу.

Петр выглянул.

– Да, да, вы! Я сколько должен ждать? Давайте резче!

– Иду! – озлобленно крикнул Петр и со звоном хлопнул створкой.

По пути к выходу захватил футляр с очками, снял соломенную шляпу с крючка и зонтик. Душный воздух и синева на горизонте говорили о надвигающемся дожде.

Петру не нравились дожди, они напоминали о чавкающей каше, в которую превращалась земля после долгих муссонов в местах, где он родился и вырос.

Открыв дверь, он посмотрел на зонт и вспомнил, как однажды – в детстве – возвращался домой от бабушки и попал под ливень. Белые стены воды обступили со всех сторон, капли били по земле и коже, словно пушечные ядра. Щуплое детское тело метал шквальный ветер. Петя не мог сориентироваться и просто сел на грязную, раскисшую обочину. Вода прибывала, ноги по щиколотку погрузились в грязь. Он думал, что утонет. И смирился.

А затем увидел через плотную пелену дождя свет фар и услышал рев мотора.

Его, продрогшего с синими губами, подобрал проезжавший мимо учитель. Прошло много лет, но Петр по-прежнему опасался непогоды и всегда ее предчувствовал.

– Бабы и то быстрее собираются, – бросил мужчина в панамке, когда он вышел к машине. – Вы на объект в сандалиях поедете?

– А вы кто такой, чтобы со мной панибратски разговаривать?

– Водитель, – с апломбом ответил мутный тип, похожий на скелет в кожаном чехле. Мол, если б не я, ты бы пешком пошел.

Петр сел и нарочито размашисто ударил дверью.

Ехали молча. Дорога пустовала. Лишь изредка попадались одинокие тусклые машины. Пятиэтажки чередовались с парками, детскими садами, школой, почтой, универмагом и поликлиникой. Волга миновала роскошный дворец муниципального центра и двинулась на выезд из города. Проехав несколько километров по разбитому щебнистому асфальту, свернули на проселочную дорогу и, поднимая пыль, понеслись по супесям к отдаленному сосновому массиву.

По заднему стеклу ползала муха и противно потирала лапки.

Петр открутил окно и с удовольствием ощущал, как встречный ветер играет в волосах и струится по лицу. Водитель высунул локоть в окно. Петр заметил, как вторая рука потянулась к магнитоле.

– Даже и не вздумайте, – предупредил он.

– Новости послушать, не?

– Нет!

Рука вернулась на руль.

– Странный вы какой-то, – сказал водитель.

– Не надо лишних звуков, – с расстановкой сказал Петр. – Они сбивают.

– С чего?

– Со всего.

Машина подскакивала на кочках. Выгоревший травостой чесал бока. Проехали мимо нескольких малых озер, и в салон набились оводы. Один из них захотел присосаться к коленке, и Петр с любопытством наблюдал, как паразит тщетно пытается прокусить плотную ткань штанины.

Вскоре показались сосны. Волга затормозила у кромки леса.

– Дальше сами, – сказал водитель. – Закрытая территория.

– Я знаю, – сказал Петр и вылез из машины.

Небо посерело, упали первые капли.

«Поспешить».

Петр двинулся к огражденному колючей проволокой сосновому бору. По периметру стояли военные с автоматами. Увидев удостоверение, которое Петр долго выкапывал из барсетки, хмурый сержант кивнул и открыл ворота.

Дохнуло фитонцидами. Опавшая хвоя захрустела под ногами. Метрах в ста впереди виднелся холм. Старые гниющие сосны раскачивались и скрипели. Дойдя до пригорка, Петр отогнул кору одной из сосен и набрал на вытертых кнопках пароль. У подножия бугра в открывшийся люк провалилась лесная подстилка.

Петр спустился вниз по металлической лестнице, и створки люка над головой автоматически сдвинулись.

– О, Петр Тимофеевич, вы уже здесь? Быстр, как молния, – на тонких ножках подбежал низкий одутловатый старик, одетый в белый халат и шапочку. – Идемте, время не ждет! – он засеменил по тускло освещенному узкому коридору с грязно-зелеными, покрашенными до половины стенами. Петр поспешил следом.

– Что там, дождь на улице или солнце? – спросил старик на ходу. – Я уже не помню, когда последний раз вылезал из этой норы.

Петра передернуло. Норы…

– Авдей Никитич, объясни, что здесь происходит? Я только вчера с Кисловодска приехал, вещи не разобрал, а сегодня мне даже чаю попить не дали! У меня, между прочим, отпуск ещё не закончился!

Авдей затормозил у ряда шкафчиков с личными вещами сотрудников и обернулся.

– Петя, метеорит ожил! – одновременно и прошептал, и вскрикнул старик, вздернув седые усы.

– Как ожил? – глаза Петра округлились.

– Одевайся и спускайся на минус второй! – сказал Авдей Никитич и, шумно шаркая, скрылся за поворотом.

Петр посмотрел ему вслед. «Ожил? – подумал он. – Что значит – ожил?»

В шкафчике за две недели паук заплел все углы. Петр достал форму: отсыревший халат со следами старых пятен, бахилы, чепчик. В карманах лежали перчатки и респиратор.

Хлопнув дверцей, он направился к лифту.

По пути встретились двое немолодых ученых, серьезным тоном обсуждавших что-то связанное с… пришельцами. Заметив коллегу, они практически одновременно кивнули и сразу же забыли об его существовании. Появилось поверхностное чувство тревоги. Захотелось развернуться и уйти. Совсем.

«Кто я и что ищу уже десять лет? – думал он. – Куда иду? Вот Авдей, например, всегда знает, а я?.. А я здесь чужой, хотя и считаюсь хорошим специалистом. Ну и что с того? Почему бы мне не бросить все и не заняться продажей… да хотя бы инсектицидов».

У лифта, от которого в обе стороны отходили рукава коридоров, он встретился со своим ассистентом. Светловолосый парень с широким мясистым носом и маленькими щелками зеленых глаз стоял у дверей, облокотившись о стену.

– Здравствуйте, Петр Тимофеевич, как отдохнули? – широко улыбаясь, спросил парень.

– Было бы неплохо, Миша, если б дали отдохнуть до конца. Ты вниз?

– Ага, – он взглянул на светящуюся стрелочку, потом на Петра. – Мы вас уже дня четыре ждем. Знаете, что творится?

Лифт подъехал. Петр открыл железную дверь, затем с лязгом – решетку. Пропустил Мишу вперед. Долговязый ассистент по обыкновению задел головой яйцевидную лампу.

– Нет, не знаю! Когда я уехал, метеорит еще не привезли, – раздраженно ответил Петр. – Скажи мне, что значит – ожил?

– Да вот как сказать, – Миша развел руками. – Внутри что-то… Сами посмотрите. Шеф говорит, вы разбираетесь. Если это…

«Значит, все-таки пришельцы».

– Дружище, если это они, мы отсюда не выйдем! Либо они нас, либо… – Петр многозначительно поднял палец вверх. Миша кивнул.

– Чтобы уж точно… – добавил Петр.

Лифт затормозил, отодвинули решетку. Перед ними возникло просторное погруженное в сумрак холодное помещение нижнего уровня. Везде сновали люди в халатах, создавая в броуновском движении иллюзию продуктивной работы. Посередине на невысоком постаменте лежал огромный метеорит, закрепленный опорными конструкциями и огороженный пуленепробиваемым стеклом. Серое железистое тело испещряли золотистые кристаллические вкрапления.

Подошел Авдей Никитич.

– На пару слов, – он взял Петра под локоть и отвел в сторону.

– Петр Тимофеевич, вы помните о ваших обязанностях? Вы подписывали договор.

– Я не могу покинуть базу?

– Никто не может. Пришло распоряжение. Если это они…

– Понятно.

Они вернулись к Мише и вместе пошли поближе рассмотреть гостей из космоса. Шеф подошел к молодой девушке с рыжими волосами, немного выбивающимися из-под чепчика.

– Ну что, Екатерина, как они себя ведут?

Девушка пожала плечами.

– Скорее всего, спят, – безмятежно сказала она.

– Спят? – Авдей Никитич побагровел от мгновенно нахлынувшего гнева. – Они у вас спят, значит? Скорее всего? Тихий час у них, да? Я вас выгоню! – фальцетом, переходящим в хрип, выкрикнул он. – Вы каждую минуту должны фиксировать! Спят! Где журнал наблюдений? Где он?

Катерина растерянно озиралась, виноватые глаза забегали по полу.

– Что ты под ноги смотришь? Где журнал?

– Его Агата вела, – тихонько оправдалась девушка.

– Где Агата?

– В столовой.

Авдей отошел в сторону и схватился за седой пузырь волос. Послышались придушенно шипящие причитания об отсутствии всяких сил.

Петру надоело, он надел перчатки и попросил проходящего мимо техника пустить его за стекло.

– Разрешение нужно, – сказал молодой мужчина в синем комбинезоне.

– Я палеобиолог! Это само по себе разрешение. Не верите – идите к шефу, – Петр показал рукой на припадочного Авдея, и техник сдался.

– Через час чтобы был заполненный журнал! Хватит срывать работу! – закончил Никитич и побежал к Петру, размахивая руками.

Но было уже поздно. Запрыгнув на постамент, Петр вплотную приблизился к камню и внимательно осматривал каждый сантиметр.

– Петр Тимофеевич! Уйдите оттуда! – испуганно крикнул Миша. – Вы слишком близко!

– Все в порядке, Миша, это обычный палласит, – ответил Петр. – Я не вижу ничего необычного. С чего вы взяли, что это…

Шевельнулось.

Петр коснулся рукой того места в кристалле, где мелькнула тень. Постучал костяшками пальцев.

– Миша, похоже, там пустоты!

По оливину протянулась тонкая трещина. Петр сделал шаг назад. И замер.

– Петр Тимофеевич, что там? – за стеклом столпились все, кто был на уровне.

Петр молчал.

Темный сгусток глухо ударился о кристалл. Трещина увеличилась в размерах.

– Шеф! – громко обратился Петр. – Изолируйте уровень! Немедленно! – в голосе проскользнул страх.

За стеклом поднялся шум, началась беготня. Лишь ассистент остался стоять у стекла.

– Миш, уходи, – сказал Петр.

– Нет.

Осколки брызнули во все стороны. Сколия стремительно рванулась на жертву. Петр не успел отмахнуться. Шею пронзило толстое жало. Острая боль распространилась из точки укола по всему телу. В глазах темнело, Петр пошатнулся. Навернувшись с постамента, уперся ладонями в стекло и медленно, сотрясаясь в судорогах, сполз на пол. Мир померк.

Когда он открыл глаза, то сразу почувствовал озноб. Рядом сидел Миша.

– С возвращением! Уже июнь. Ты все проспал.

– Июнь? Что? – Петр привстал. Оказалось, он лежит на сдвинутых столах в столовой. – Сколько я проспал? – спина почти не сгибалась, жутко ломило поясницу.

«Июнь, – подумал Петр. – Как же это? Был конец мая».

Миша недовольно поводил челюстью.

– Ты у нас слабое звено… Петя. Всегда с тобой проблемы. Плохо перезагружаешься.

Петр вскочил как ошпаренный и заметался по комнате, хватая себя за грудь, руки, лицо.

– Я Петр Перепончатов? – он задумался, помолчал. – Да, я Петя. У меня квартира в городе, я палеобиолог, работаю в НИИ имени Крылова.

Миша усмехнулся, прикрывая рот ладонью.

– Не совсем. Пойдем, шеф объяснит, – сказал он и поманил в коридор.

Петру мерещилось. Миша впереди становился то спрутом, оставляющим на полу чернильные скользкие следы, то горбатым белым существом с черными глазами и клокочущим голосом, то снова человеком. Каждое моргание сопровождалось сменой формы. Ноги заплетались. Петр плелся, спотыкаясь о стыки плит. Казалось, Миша ведет по запутанному лабиринту. Появилась одышка. Он прислонился спиной к стене и отстал.

– Эй, что-то ты в этот раз совсем плохой, – напарник вернулся и подставил Петру плечо. Вместе они потихоньку доползли до кабинета Авдея Никитича.

Шеф ждал.

– О, Петр Тимофеевич, вы уже очнулись? Быстр, как молния, – Авдей потирал усы. – Не могу привыкнуть к этой щетке. А у вас, я смотрю, вообще лопата отросла.

Старик сидел за большим деревянным столом и копался в бумагах. Петр присел на табуретку рядом со шкафом, забитым подшитыми документами, и закрыл глаза, силясь побороть тошноту и головокружение.

– Болеете? – спросил шеф. – Ничего, пройдет. Всегда проходит. Конечно, с теми осьминогами было гораздо проще, но и тут несложно.

– О чем вы говорите? – устало проговорил Петр. – Я не понимаю.

– Знаете, Петр, – Авдей сделал неопределенный жест, – вы мне надоели. Каждый раз как в первый раз. Учитесь сами вспоминать.

Петр промычал что-то нечленораздельное.

– Шеф, ну извините его, – вмешался Миша. – Пусть слабоват на внедрение, но поисковик – лучший. Посмотрите, какой он мир открыл. И не первый раз.

– Да-а, – согласился Авдей, – в какой метеорит тебя не запихни, Петя, ты всегда на отменные планеты падаешь.

Петр молчал.

– Ладно, к делу, – шеф свел брови и хлопнул в ладоши. – Времени в обрез. Эти тела, конечно, симпатичные, но быстро изнашиваются. Строителям нужно успеть доделать норы для колонистов и починить корабли. И двинемся дальше. Уже июнь! Еще раз сорвем сроки, и всех троих вышвырнут не только из прогрессоров, но и с гнезда! Поэтому…

– Тебя нужно отправлять уже сейчас, – подхватил Миша. – Никто не знает, как далеко следующая планета, а длительный стазис – большой риск. В прошлый раз ты слишком долго летал. Две сотни наших умерли во сне.

Петр смутно припоминал. Припоминал. Норы. Метеорит. Поиск. И вспомнил.

Уголки губ у шефа опустились, образовав серп, он сложил руки домиком и оперся на них лбом.

– Ну-у, что поделать? Бывает. В следующий раз…

Петр резко встал, опрокинув табуретку, и подошел к столу.

– Не будет следующего раза! – он оперся кулаками о столешницу и в упор посмотрел на шефа. – Я остаюсь в колонии! Не могу больше! – перед глазами проскочили искорки, Петр отшатнулся.

Авдей Никитич поднял немигающие водянистые глаза.

– Брось, Петр. Опять за свое?

Петр посмотрел на Мишу, ища поддержки. Напарник скрестил руки и покачал головой.

– У каждого свое предназначение! Отступаться нельзя! – сказал он. – Станешь изгоем…

– И пусть! – вскричал разочарованный Петр. – И пусть! С меня хватит! Я тысячу лет ищу оболочки, мечусь в этом проклятом метеорите, пока вы живете со всеми во сне! Я и так изгой!

– Чушь! – возразил Авдей. – Ты один из нас!

– Нет, не хочу! Я стану человеком, ясно? Не осьминогом, так человеком…

Петр вылетел в коридор, грохнув дверью, и быстрым шагом направился к выходу на поверхность.

– И сколько ты им пробудешь? – донеслось из приоткрывшегося кабинета. – Год? Полтора?

Миша догнал его и схватил за плечо.

– Что ты будешь делать, когда дожрешь это тело до конца? А, человек?

– Я найду выход!

Миша схватил Петра за ворот и прижал к стене.

– Выход у нас один – в летаргию! Короткое пребывание в оболочке, и снова – стазис! Такова жизнь! Думаешь, мы хотим разрушать миры? Думаешь, мы чудовища?

– Да!

– Но как нам быть без оболочек? Как, скажи? Скопом стать колонистами, деградировать, одичать? – он разжал руки и отошел в сторону. – Сон – лишь временная мера! Дома больше нет! Первые симбионты вымерли! Цивилизация на краю гибели! – он со злостью направил на него палец. – Пойми же, наконец, на тебе лежит большая ответственность! Ты наш двигатель! Оставь свои глупые идеи! Тело умрет, и ты станешь одним из колонистов, будешь жить в норе на орбитале, потеряешь разум! Ты этого хочешь? Что тебе делать среди этой биомассы, кото-

рую оставляют на планетах как балласт, чтобы корабли смогли долететь до следующего мира? Твое призвание, твой долг – находить разумных носителей! – с нажимом сказал он. – Если ты уйдешь, мы потеряем самосознание или умрем в стазисе! Одумайся!

«С чего ты взял, что у колонистов нет сознания? Откуда ты знаешь, что оно есть у нас?»

– Мы уже…

Петр изменился в лице. Дикий крик отдался эхом от стен. Он согнулся и упал, свернувшись в позу эмбриона. Миша отпрянул.

– Уйди, дрянь, – засипел Петр, хватаясь за голову. На губах выступила пена, а тело сотряслось в конвульсиях.

– Нет, не может быть, – едва шевеля губами, произнес Миша.

– Это я… тебя… уничтожу, а не ты… мой мир! – Петр рывком перевернулся на живот и пополз к лестнице, рыча и постанывая при каждом толчке вперед.

Миша растерялся.

Трясущимися пальцами Петр набрал пароль на панели у лестницы. Через люк столбом спустился свет. Он взобрался наверх, хватаясь за ступеньки влажными липкими руками, и плюхнулся на колючую хвою, жадно хватая ртом воздух и выкрикивая проклятия.

На шум прибежал молодой солдат и, вскинув автомат, принял боевую стойку.

– Не двигаться! – скомандовал он.

– Стреляй! – завопил Петр. – Стреляй! Давай! Оно во мне! – он разодрал рубашку и царапал кожу на груди.

Выскочил Миша и попытался заслонить товарища. Солдат насторожился и положил палец на курок.

– Нет! – закричал ассистент, выставляя вперед руки. – Нет! Он не в себе! Уйдите!

Военный переступил с ноги на ногу и взял Петра на прицел.

– Стреляй!!! В меня, в него, во всех! Это осы! Везде осы!

Миша не выдержал и ударил товарища ногой в челюсть. Голову обожгло. Миша навалился сверху и продолжил бить по лицу кулаками. Несколько минут Петр терпел и сопротивлялся, но тьма оказалась сильнее.

Прежде чем открыть глаза, он услышал гул вентиляторов под потолком. Затем приподнял веки.

«Как же я устал, – первое, что пришло ему в голову, – как же я смертельно устал».

Через мутную пелену в ореоле света вырисовывался образ Авдея.

– Живой, – сказал шеф.

Рядом на полу лежала открытая аптечка, разбросаны клочки ваты, пропитанные нашатырем и йодом. Петр потер шею на месте прокола и почувствовал жжение.

– Ну что же это такое? – воскликнул издалека Миша. – Вы же не самоубийца, Петр Тимофеевич?

«Да как ты смеешь?» – подумал он, ощупывая разбитое саднящее лицо. Но вслух тихо и обессилено произнес:

– Может, и нет.

«Солдат не выстрелил. Он тоже оса, – сказал внутренний голос. – Тут все осы».

Желтые лампы нижнего уровня часто моргали. Люди в халатах продолжали суетиться, шурша бумагой. Щелкали тумблеры, где-то с треском закоротило проводку.

– Миша? – позвал Петр.

– Да?

Ассистент подошел ближе. За его спиной в сумраке поблескивал целый и невредимый палласит.

– Кто я такой?

Миша пожал плечами и слегка закатил глаза.

– Кто? – не унимался Петр. – Человек? – с горечью в голосе спросил он. – Или оса? А вы?

Ответа не последовало. Петр лежал на холодном полу, блуждая взглядом в пространстве. Сотрудники проносились мимо, обходя или переступая через обездвиженное тело. В глазах Петра бессмысленное мельтешение работников взад-вперед внезапно выстроились в стройную систему, единый механизм взаимодействия, где каждый четко знал свое место и задачу.

«Почему я раньше этого не замечал? – спросил он себя. – Почему сейчас увидел? Все из-за того, что я не человек? Или они теперь не люди и поэтому такие собранные и организованные? Как насекомые».

На запястье тикали часы. С каждой секундой, звучащей как единственный звук во Вселенной, Петр сильнее и сильнее ощущал отчужденность.

«Мне здесь не место. То ли я понял самое главное, то ли совсем перестал что-либо понимать».

– Где мое прежнее тело? Из метеорита?

– Издохло, – равнодушно ответил Миша и, положив руки в карманы, медленно побрел куда-то, напевая под нос знакомую песню. Ноги в коричневых штанах постепенно исчезли из поля зрения.

Шеф сидел рядом и молча наблюдал за происходящим.

– Авдей Никитич, отпусти меня, – спокойно попросил Петр.

– Ты действительно этого хочешь? – потухшим голосом произнес старик. – Незаменимый! Лучший! Избранный вести нас в будущее! Хочешь покинуть гнездо?

– Хочу.

Шеф обреченно вздохнул.

– Тогда иди…

Петр в последний раз отстраненно посмотрел на бывшего начальника, друга и… брата.

– Все правильно, – сказал он полушепотом. – Так и должно быть.

– Петя, ты был мне братом! Мне, Мише, всем нам! И предал!

– Я не Петя, он не Миша, а ты не Авдей! Это не наши имена!

– Это неважно.

– Нет, это самое важное! – неожиданно вспыхнул Петр. – Мы давно забыли самих себя! Внедрение сделало нас безликими. Мы просто на время становимся теми, в кого загружаемся. Смотрим их глазами! Говорим их словами! Но кто мы такие? Я не помню своего настоящего имени, не помню, что стало с нашим миром. А ты помнишь?

Авдей помрачнел, взгляд его затуманился.

– Помню, что дома больше нет. Первые симбионты вымерли. Цивилизация на краю…

– Уже слышал, – перебил Петр. – Что и требовалось доказать. Вместо прошлого маленький фрагмент, вместо будущего… – он прервался, помолчал, затем махнул рукой так, как это обычно делал Петр. – Вместо будущего бесконечный путь и грязные следы. Нет, не могу! – Петр приподнялся на локтях. – Кстати, как мы себя называем?

Шеф смешался, не понимая вопроса, и ответил единственное, что знал:

– Осы…

Морщась от боли, Петр встал и отряхнулся.

– Прощай, Авдей, – сказал он и, пошатываясь на свинцовых ногах, направился к лифту. Никто не хотел смотреть ему в глаза, по пути попадались лишь спины и затылки. Среди полнейшего безмолвия слышались сбивчивые уходящие шаги. На опушке хмурый сержант сделал вид, что не замечает изгоя.

– Зачем вы строите для колонистов норы? – спросил человек. – Заботитесь? Жалко своих? Не такие уж они неразумные, верно? Ладно, можешь не отвечать.

Петр вышел в степь и ни разу не обернулся. Он бродил по желтовато-зеленым лугам, байрачным лесам, поймам, безвольные плети рук задевали сухой типчак, поглаживали пуши-

стый ковыль, щипали полынь. Овражно-балочная сеть уходила в бесконечный горизонт, где в далеком мареве, предвещавшем дождь, размывалась грань между и землей и небом. Близился полдень. Лазурный свод вдоль и поперек перехватили орбитальные кольца.

Прижав руку к сердцу, человек упал в шалфей и больше не встал. Из застывшего кривого рта выполз пришелец, похожий на сколию и, вращая крыльями, словно вертолетными винтами, не спеша полетел ввысь, вливаясь в гудящий рой колонистов.

Ночью опустился ливень.

Осам снился Петр.

Алекс Лоренц

Микрорайон

Июль был в самом разгаре. В столице стояла жара. Две недели ни дождинки. Во дворе скучища смертная. Из всей разномастной ребятни Саня с Левчиком остались вдвоем. Остальные рассосалась по деревням, дачам, лагерям, курортам. Правда, не уехала еще голубоглазая девочка Лиза из среднего подъезда дома 5а. Но разве станут двое гордых, взрослых десятилетних парней водиться с девчонкой?! Пф-ф-ф-ф, еще чего! Много чести!

Лизка вообще редкостная зануда. Кто, скажите на милость, на летних каникулах сидит дома как сыч и читает книжки, а? Вот-вот, только зануды. Она даже когда во двор выходит – и то усаживается на качели да в книжку пялится. Не дура, а? Полдня так раскачивается, пока мамка обедать не позовет. Дура как есть.

Вон, расселась, качается. У-у-у-у-у-у, пигалица!

Саня и Левчик наворовали в детском саду по соседству неспелых яблок, забрались в шалаш на дереве, нажрались до отвала. Пока кислая мякоть переваривалась в желудках, бесцельно возюкали сонными взглядами по двору. Временами украдкой косились на Лизу. Девочка тоже поглядывала на них – только не таясь, с достоинством.

– Гурьяновку знаешь? – спросил вдруг Левчик.

– М-м? – промычал Санька. – Че это?

– Микрорайон такой. Недалеко отсюда. Помнишь, пацан с нашей школы, с седьмого «А» пропал?

– Ну?

– Говорят, там дело было.

– Расскажи.

– Да че рассказывать. Поперся он в эту Гурьяновку и не вернулся. Последний раз его видели там, неподалеку. Свидетели есть. Говорят, бабка старая попросила сумку донести – вот он в те дворы и ушел. Больше его никто не видел.

– О как.

– То-то же. Вообще, пока ты в больничке лежал, я со старшаками на эту тему побазарил. Они сказали, место проклятое. Там очистные сооружения, в них что-то творится… такое… ну, невообразимое. Сверхъестественное.

– Призраки?

– Не-е-е-е-е-е-е-е, – презрительно протянул Левчик. – Про призраков – это страшилки для мелюзги. А тут все серьезно. Никто точно не знает, но что-то жуткое. В тех очистных обитает НЕЧТО. Оттого и запах ужасный. Потому в Гурьяновке новые дома не строят, а людей там все меньше становится. Вонь, говорят, кошма-а-а-а-ар. Она и до нас иногда доходит.

Санька понимал, о чем говорит друг. Порой, когда дул сильный юго-западный ветер, дышать во дворе становилось невыносимо. Запах особенный. Не помойки, не канализации, не дохлятины. Неизвестный. Противный до одури.

– Наверное, шлюзы какие-нибудь открывают, – предположил Санька. – Вот и вонища.

– Не знаю, не знаю… А не хочешь сходить посмотреть?

Левчик славился больными инициативами – одна другой чудовищнее. То гараж одноногого деда вскрыть, то на стройку пролезть, то детсадовского сторожа грязью через забор закидать.

– Хочешь, чтоб нас тоже убили, как того? – возмутился Саня. – А вдруг там маньяки?

– Нас двое, – отмахнулся Левка. – Тот пацан один поперся. И старухе помогал зачем-то. Вот она его к маньяку и отвела. А вдвоем отобьемся с полтычка. Да и не надо идти, когда тебя незнакомые взрослые куда-то зовут. Мне мамка чуть ли не каждый день талдычит… Давай проведем расследование! – его глаза загорелись озорным огоньком.

– Ну… ну… давай, – согласился Санек. Словом «расследование» Левчик его купил. – Знаешь, как идти?

– Ага. Вдоль шоссе, там улица такая есть незаметная за хозяйственным магазином, вот по ней и попадешь в Гурьяновку.

– Ты откуда это все знаешь?

– Старшаки рассказали.

Санька удовлетворенно кивнул. Раз старшаки – значит, так оно и есть. Старшаки трындеть не будут.

Пацаны спустились с дерева и стремглав помчались к проходу между двумя многоэтажками – прочь со двора. Лизка оторвалась от книги, посмотрела им вслед.

Улочка и вправду оказалась незаметной. Сколько Санька ни ходил с мамой и бабушкой по тротуару вдоль оживленного шоссе мимо хозмага, ни в жизнь не подумал бы, что позади него есть что-то кроме тупика и мусорных баков.

Улица тянулась между забором промзоны и пустующими заводскими зданиями-коробками. Машина тут точно не проедет. Пешеходная дорожка сложена из небольших бетонных плит, явно изготовленных для какой-то другой цели. Плиты растрескались от времени и непогоды, сквозь трещины пробилась трава.

Шум шоссе стих далеко позади. Жара сгустилась, превратилась в кисель. С востока, со стороны центра столицы, послышался грозный рокот. Близилась гроза.

Улочка уперлась в плотный ряд замызганных гаражей. Между двумя из них виднелся зазор – достаточно широкий, чтобы пройти. С той стороны едва уловимо тянуло затхлостью, как из старушечьей каморки, которая никогда не проветривается. Вонючим сырым тряпьем, прелым зерном, мышиными ссаками.

– Эй, ребята, – девичий окрик.

Мальчишки обернулись. Позади стояла Лизка: в синем платьице, с аккуратно забранными в пучок волосами и книгой под мышкой.

Левка нахмурился, презрительно бросил:

– А тебе тут чего надо?

– Во дворе скучно – вот я и решила с вами пойти. Тебя, кажется, Левой зовут? А тебя – Сашей?

– А мы тебя звали, что ль? – проигнорировал Левчик ее вопрос.

– Не звали, – пожала плечами Лиза. – Я сама пришла.

Парней такой простой и искренний ответ обезоружил.

– Ладно, Лёв, пусть идет, – без боя сдался Саня. – Втроем веселее.

Левка еще сильнее насупился. Стал мрачнее той тучи, что крадучись наползала на город. Он молча нырнул в проход между гаражами. Вот и испорчено расследование. От девок всегда одни неприятности. А Санек – размазня.

– Че читаешь? – спросил тем временем Саня у Лизы.

Та показала ему обложку книги. Марк Твен. «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна». Мягкий переплет, загорелый мальчишка в соломенной шляпе плывет в лодке по реке.

– Я читал, – похвалился Саня. – Еще в прошлом году.

– Я тоже читал, – буркнул Левка. – Скукотень голимая.

Лизка показала ему в спину язык.

– Сам ты скукотень! – возмутился Санька. – Нормальная книжка, интересная!

– Подкаблучник ты, – бросил Левка.

Санька задумался. Слово явно было обидное, но слышал он его впервые. Чтобы не опростоволоситься, промолчал.

Они остановились, осмотрелись.

– Ничего себе, – сказала Лизка. – Как в другом городе. Моя бабушка в Мытищах живет, у них там примерно так же, только получше.

Они действительно словно разом перенеслись из столицы с ее многоэтажками, шумными дворами и многолюдными проспектами куда-то очень далеко. В захолустье с обшарпанными, кособокими двухэтажными халупами годов пятидесятых постройки – еще при Сталине, наверное, возводили. Стены тошнотворного желтого цвета, неряшливо заделанные цементом трещины на фасадах. Балконы с гнутыми ржавыми прутьями. Окна в грязных разводах, рассохшиеся рамы. Почерневший шифер с зелеными островками мха. В тесных двориках серые плесневые наросты – деревянные сарайчики. От турника к турнику протянулись захватанные бельевые веревки. Плешивые газоны пестреют мелким мусором: фантиками, обертками, пивными пробками.

Здесь много деревьев.

И здесь полумрак. Много тени. Как будто дело к вечеру, хотя едва за полдень перевалило. Оно и понятно: гроза надвигается.

Из-за угла показалась древняя костлявая старуха в линялом пальто. Из-под цветастого платка неряшливо выбивались седые космы. Бабка едва ковыляла, опираясь на сучковатую палку, что заменяла ей костыль. Увлеченно бубня себе под нос, женщина не заметила торчащего из земли штыря, споткнулась и распласталась ничком.

– Ой! – воскликнула Лиза. – Пойдемте поможем бабушке! – и вприпрыжку побежала к старухе.

Пацаны нехотя поплелись за ней. Ни Сане, ни Левчику здесь задерживаться почему-то больше не хотелось – даже ради «расследования». Идя вслед за Лизкой, они то и дело переглядывались и оборачивались на заветный проход между гаражами.

Там, снаружи, за границей Гурьяновки, вовсю палило солнце. Странное дело…

– Бабушка, вы целы? – суетилась Лизка.

Бабку трясло, а изо рта, которого дети не видели, вырывалось похожее на смех клокотание.

Левчик навис над старухой, шумно втянул носом воздух.

– Да она пьяная! – возвестил он. – От нее спиртом прет!

Для ребенка, воспитанного в приличной семье, пьяный человек всегда потенциально опасен. Все знают: пьяницы злые, хотя иногда кажутся добрыми.

Старуха приподнялась, уперлась ладонями в землю, локти выставила вверх. Как паук. Лицо оторвалось от земли, повернулось к детям.

Лиза вскрикнула, выронила «Тома Сойера», закрыла рот ладонями. Мальчишки отскочили как ужаленные.

Кожа на старухином лице – что грязные осенние листья. Вместо носа – черный провал. Глаза вращаются вразнобой. А нижней челюсти нету. Только оголенный синий язык ползает туда-сюда, словно толстый червяк.

Из бабкиной глотки вырывался слюнявый клекот. Вниз потянулись вязкие нити.

– Э! – хриплый окрик со стороны гаражей.

К старой пьянчуге подскочил подросток лет пятнадцати и стал пинать ее ногами. Она завизжала как собачонка, схватила клюку и, споро перебирая конечностями, на четвереньках драпанула за угол.

– Сука старая! – выругался новоприбывший и сплюнул в траву. – Чтоб я тебя тут больше не видел! – крикнул бабке вслед. – А вы че тут делаете, а? – переключился на незнакомых детей.

Неказистый, с жидкой порослью на одутловатом лице, с нечесаными вихрами. В затрапезной одежде. В руке бутылка пива.

Он отхлебнул, рыгнул, почесал вздутый живот. Холодный, колючий взгляд одного за другим ощупывал непрошеных гостей.

– Че тут забыли, спрашиваю, а? – повторил он напористее, со злобой.

– Ничего, просто гуляем, – ответил Саня, глядя в землю.

Дылда вставил два пальца в рот, пронзительно свистнул. По тихим дворикам зашаркали шаги. К упырю подтянулись еще пятеро или шестеро таких же: немытых, нечесаных, вонючих. Кто с монтировкой, кто с арматурой.

– Але, гараж, вы че, попутали?! – напирал главный, наступая на детей. Остальные местные сгрудились за спиной вожака и тоже пошли в наступление.

Левчик первым дал деру. Саня и Лиза бросились следом. Бежали не разбирая дороги, а в спину им несся разбойничий свист.

Совсем скоро они убедились, что за ними не гонятся, и остановились перевести дух.

– Ни фига себе порядки тут, – оценил Саня.

Они оказались у края дикого оврага. Далеко внизу журчала вода, работали какие-то большие механизмы.

– Надо б домой, – сказал Левка. – Что-то мне тут не нравится.

– Ха! – усмехнулся Саня. – А ведь сам предложил!

– Да откуда ж я знал!

– Ребят, давайте уйдем! Пожалуйста! – взмолилась Лиза. Ее голос дрожал, в глазах стояли слезы страха.

– Тебя сюда вообще никто не звал! – огрызнулся Левка. – Вот сейчас свалим без тебя – будешь знать, как увязываться без спросу!

– Ладно, прекратите перепалку, – сказал Саня. – Надо как-то попасть домой. Только придется искать другой выход. Машины ж сюда не через ту дырку промеж гаражей попадают.

– Ты тут хоть одну машину видел? – спросил Левка.

– Нет.

– Вот и я нет.

– Давайте не будем стоять на месте, – сказала Лиза. – Выход точно где-то есть, кроме гаражей.

Из оврага послышался шум, похожий на сочную, долгую отрыжку. Вездесущий запах прокисших щей с тухлятиной стал гуще.

Они все шли и шли, а путь в цивилизацию никак не хотел отыскиваться. Кургузые, воняющие плесенью домишки, казалось, тянулись бесконечно. Одинаковые – как и загаженные дворики.

«А что если мы ходим по кругу?» – закралась Сане в голову страшная мысль.

Ни одной живой души. Оно, может, и к лучшему…

Небо совсем затянула черная туча. Поднимался ветер. Покамест осторожный, он уверенно набирал силу, крепчал. Мимо неслись сорванные с деревьев листья, фантики от конфет, пакеты. Навалилась предгрозовая духота.

Разбитые дворовые дорожки вдруг сменились асфальтированной широкой улицей. Широкой – по меркам Гурьяновки, конечно. Деревья почти смыкались над ней ветвями, образуя живописную зеленую арку. Впереди виднелось здание с колоннами и скульптурами на фасаде.

Дети ускорили шаг.

То оказался небольшой дом культуры ранней послевоенной постройки. Побеленные скульптуры в нишах изображали опирающегося на большую шестеренку рабочего и занятую перевязыванием снопа пшеницы колхозницу. Массивные деревянные двери заперты на амбарный замок.

На углу на табуретке дремал, сложив на круглом животе ладошки, усатый мужичок в кепке и засаленном фартуке. Рядом стояла пятидесятилитровая синяя фляга. Ветер трепал края приклеенной бумажки с небрежной надписью: «ПИРОЖКИ».

Мужчина выглядел обыкновенным, миролюбивым, видом своим внушал доверие.

– Подойдем, спросим дорогу? – предложил Саня.

Левка и Лиза молча согласились.

Когда дети приблизились, мужичок проснулся, проморгался, потер ладонями глаза.

– Чего желаете? – спросил он сквозь зевок. – С мясом, с повидлом, с капустой, с картошкой?

– Да нам бы… – начал было Левка и запнулся.

– Напитками не торгую, – ответил дяденька, не дослушав.

– Как нам выйти из этого района? – спросила Лиза.

– Из Гурьяновки, что ль? – удивился продавец.

Дети кивнули все вместе.

– То-то я смотрю, не похожи вы на местных… Вас напугал кто? – спросил мужичонка, приглядевшись.

– Н-н-н-н-н-нет, – выдавил Саня. – Просто заблудились. Как отсюда попасть в… в город?

– А, в город… – рассеянно ответил лоточник. – Да вот обогнете дэ-ка, а потом прямо-прямо-прямо, не заблудитесь. Там и выезд к железнодорожной платформе, да и метро недалече.

Дети поблагодарили.

Они уже собрались было уйти, как вдруг мужичок воскликнул:

– А хотите пирожков, а?!

– Спасибо, у нас денег нет, – ответила за всех Лиза.

– Да я угощу! – заверещал дяденька, вскочил с табурета и стал отпирать крышку фляги. Изнутри вырвалось облако тепла и умопомрачительного запаха. Чуть прогорклое масло, тесто с золотистой корочкой, сочные начинки: мясо, толченка, повидло.

– Бесплатно отдам! – лопотал продавец. – От трех штук-то, поди, не обеднею… Во! – он достал три румяных пирожка, ловко обернул их в полоски серой бумаги, которые тут же пропитались маслом, и протянул детишкам. – С повидлом! Самые лучшие в Гурьяновке!

Ребята приняли угощение, поблагодарили доброго продавца и отправились дальше.

– Я как раз проголодался, – сообщил Левка, развернул пакет и вгрызся в пирожок.

Закрыл глаза и замычал от удовольствия.

Наслаждался он недолго. Пока не распробовал начинку.

Он прекратил жевать, остановился и посмотрел на мерзость, что выглядывала из непропеченного теста.

Пирожок щедро начинили дождевыми червями. Розовый клубок влажных кольчатых тел – живых.

Левка уронил «вкуснятину» на землю, согнулся пополам, и его вырвало.

Саня состроил брезгливую рожицу, покосился на свой пирожок. Теперь сквозь тесто он чувствовал: там, внутри, в тепле, что-то шевелится. Дождевые то были черви или нет, он узнавать не хотел – размахнулся и зашвырнул «лакомство» в кусты соседнего двора.

А Лиза тем временем зачем-то разломила свое угощение пополам.

Вокруг мгновенно распространился тяжелый запах свежих какашек. Из пирожка вылетела жирная зеленая муха и атаковала девочку, норовя приземлиться на лицо. Лиза выронила пирожок, завизжала и принялась молотить руками по воздуху – отбиваться от наглого насекомого.

Саня грязно выругался – так, как раньше не ругался, пожалуй, никогда. Мама убила бы, если б услышала.

А продавец поодаль покатывался со смеху, хватался за животик, издевательски тыкал в детей пальцем.

Давясь от хохота, он выкрикнул:

– Я ж сказал, у меня лучшие пирожки во всей Гурьяновке! А других тут и нету! У-ха-ха!

Он лихо подпрыгнул и нырнул головой в откупоренную флягу. Крышка захлопнулась, фляга повалилась на землю. Угрожающе гремя о торчащую из асфальта щебенку, она покатилась на детей.

Ребята бросились бежать дальше по улице, а фляга неслась за ними следом. Лязг – как злобный гиений хохот.

Дети нырнули в арку одного из домов – в потонувший в диких зарослях двор.

Фляга – за ними.

Они чудом успели отскочить в сторону, когда штуковина влетела на бешеной скорости в арку, подскочила на кочке, развернулась дном вперед и со всего маху вшиблась в окно на уровне земли. Внутрь вместе с флягой выстрелил фейерверк из обломков рамы и осколков стекла.

Дети бросились прочь из двора-колодца.

Между тем стал накрапывать дождь.

Они промокли до нитки. Улицу и дворы затопило, повсюду разлилась жидкая грязь. Грохотал гром, молнии ослепительным пунктиром прочерчивали черное небо. Ветер хлестал струями ливня, словно кнутом.

Больше не в силах бежать, продрогшие дети забились под козырек одного из подъездов.

Когда ветер поуспокоился, а завеса проливного дождя стала редеть, беглецы сумели рассмотреть двор.

– Я уже видел вон того лебедя, – сказал Левка и указал пальцем на врытую в землю птицу из автомобильной покрышки.

– А я вон того одноглазого медвежонка запомнила, – отозвалась Лиза.

В мокрой траве поодаль лежал, словно застреленный, видавший виды тряпичный мишка. С одним глазом.

– Выходит, мы тут уже были, – заключил Санька. – Движемся по кругу.

– Надо вернуться к гаражам, – сказал Левка. – Не выйдем мы отсюда по-другому, хоть тресни. Уже часа полтора плутаем, а конца не видать.

Боязливо оглядываясь, чавкая вымокшими кедами и сандалиями, они вернулись на главную улицу и пошлепали по лужам мимо дома культуры – и снова в дворы.

– Смотрите, опять этот медведь! – вскрикнула Лиза. – И этот лебедь!

– Как, блин?! – заорал Саня. – Улица прямая! Не могут же оба ее конца вести в одно и то же место!

– Как видишь, могут, – отозвался Левка почти равнодушно. – Не зря старшаки говорили, что странные дела тут делаются…

– Да иди ты в жопу со своими старшаками! – обрушился на него Саня. – Это из-за тебя мы влипли!

Левка хотел было ответить грубостью на грубость, но Лизка остановила петушиный бой.

– Давайте ссориться будем потом, – сказала она. – Пойдемте обратно на улицу.

Они развернулись, чтобы покинуть двор и вновь попасть на асфальтированную дорогу, но путь им преградил…

… третий дом. Словно из-под земли вырос, пока они не видели. Грозно накренился желтым, словно в потеках мочи, фасадом. Ржаво ощетинился прутьями балконных ограждений. Нахмурился кромкой шиферной крыши.

– Я знаю, куда мы попали! – пролепетал Левка. – Я ЗНАЮ, КУДА МЫ ПОПАЛИ!

Саня и Лиза уставились на него. Если он действительно знает, где они очутились, то и выбраться, возможно, будет проще.

– Слышали про кротовые норы в космосе? – продолжал Левчик. – Они еще по-другому червоточинами называются. Я в журнале «Наука и жизнь» читал. Если в такую червоточину попадешь, можешь в одну секунду пролететь много-много миллионов километров и оказаться в другом мире. В Гурьяновке, наверное, есть такая кротовая нора – вот мы в нее и ухнули! Думаете, почему люди бесследно пропадают? Я считаю, вот из-за таких вот кротовых нор! Они не только в космосе, но и здесь, на Земле! Нас унесло в параллельный мир!

На мгновение все задумались, осмысливая сказанное Левчиком. Что это им давало? Да ровным счетом ничего!

– Нельзя сдаваться! – едва сдерживая слезы паники, сквозь зубы процедил Саня.

И решительно двинулся к узкой щели между зданиями.

За только что выросшим домом стеной стояла дикая зелень, а вглубь ее тянулась мокрым темно-коричневым червяком узкая тропинка. Когда они уходили в сырую, пахнущую листвой неизвестность, Саня оглянулся на оставшийся позади дом.

В окно верхнего этажа за детьми наблюдала рожа: громадная, жабьи-зеленая, курносая, кошачьи-желтые глаза размером с блюдца. Острозубая пасть растянулась в кровожадной улыбке. Несколько мгновений существо изучало пришлых взглядом, а потом исчезло в недрах дома. Сане показалось, будто он слышит торопливый топот мокрых лап по скрипучей деревянной лестнице.

Тропинка привела к краю оврага – ровно туда, где они остановились, когда удрали от гопников. Так вот почему те их не догнали! Они и не собирались вовсе! Им нужно было загнать детей в самую глубь Гурьяновки. А теперь страшный микрорайон сам не подпускал ребят к заветному порталу между гаражами.

Кисло-тухлый запах накатывал из оврага волнами. Снизу, из зарослей, доносились низкие звуки работающих механизмов.

Саня опасливо оглянулся. Ему по-прежнему казалось, будто шлепки лап желтоглазой твари слышатся позади, совсем близко.

– Пойдемте-ка через овраг, – сказал он. – Может, повезет.

– Но там же очистные сооружения! – воскликнул Левчик. – Это самое опасное место! Там обитает чудовище!

– Да тут всё кругом одно больше чудовище, – буркнул Саня.

– Смотрите, лесенка, – сказала Лиза, указывая пальцем на ветхие бетонные ступени в высокой траве. – Саша прав. Пойдемте лучше через овраг. Наверное, на той стороне выйдем в город.

– Угу, – угрюмо промычал Левчик. – Или обратно в Гурьяновку, на это же самое место.

Овраг оказался глубоким, сырым, холодным, пах улитками, червяками, крысами, фекальными испарениями. Пока троица спускалась, ритмичный грохот шестерен усиливался, становился рельефнее.

Очистные сооружения оказались несуразной бетонной конструкцией, возвышавшейся в овражном полумраке над вонючими болотцами. Выбитые окна, стены в потеках ржавчины, ощетинившаяся арматура.

Санька взглянул на лестницу, вверх.

Никого. Выходит, желтоглазая тварюга за ними все-таки не погналась.

Вдруг с одной из многочисленных тропинок донесся обеспокоенный женский голос:

– Лева! Левушка!

Мать и отец мальчика со всех ног бежали к детям.

– Вы что тут делаете, засранцы? – строго вопросил мужчина. – Обыскались вас уже. С ног сбились! Мать чуть было инфаркт не хватил!

«Спасены!» – пронеслось в Саниной голове. Скоро он вернется домой, обнимет родителей, мама накормит его пюре с котлетками и зеленым лучком с огорода…

Левчик бросился обнимать своих маму и папу. Прильнул к ним, зарылся лицом в оборки материного вычурного платья.

Саня и Лиза заметили: что-то не так. Только не сразу поняли, что именно.

Обнимающая Левчика мамина рука – вот что. Здоровенные заскорузлые пальцы с кривыми болотно-зелеными когтями.

Замешательство. Ступор.

Что делать? Бежать? Кричать?

Чудовище заметило, что Санька и Лиза раскрыли подвох. Женское лицо принялось беззвучно кривляться. Оно то расползалось рыхлым блином, то вытягивалось жгутом. Его раскроила жуткая острозубая ухмылка. Существо, что ранее предстало в образе двух взрослых, теперь срослось воедино: темно-зеленое, с лоснящимися черными пятнами по всему телу. Маленькие уши на широкой собачьей башке задергались. Из круглых ноздрей повалил пар.

Вонь. Кисло-тухлая вонь стала настолько острой, что у Сани и Лизы глаза заслезились.

Левчик бился в смертельных объятиях. Тварь крепко прижала его лицом к себе и душила. Мальчик силился закричать, но выходило лишь глухое хриплое мычание.

Саня дернулся было, чтобы схватить друга за футболку и выдрать из объятий твари – ну, хотя бы попытаться, – но зеленая жабоподобная дрянь угрожающе выпростала свободную лапу. Санька отпрянул, взял за руку не помнящую себя от страха Лизу, и они бросились бежать куда глаза глядят.

Они не оглядывались. Они не видели, как желтоглазое чудище разинуло зубастую пасть и оттяпало Левчику голову. В сырой болотный воздух вторгся металлический запах живой крови, от которой поднимался пар.

Лиза и Саня бежали до тех пор, пока не выскочили на край оврага. Нет, не тот, что с лестницей. Другой. Они вышли на железнодорожные пути.

– Смотри, платформа! – крикнул обрадованный Санька.

Платформа представляла собой несколько бетонных плит, установленных на опоры в ряд. Сверху торчала на железных жердях табличка с надписью: «Гурьяновка».

– А вон и электричка, – сообщила Лиза, указывая на маячащий вдалеке пригородный поезд. Он вяло катился, чуть покачивался влево-вправо.

Состав подполз к платформе, остановился. Протяжно застонали тормоза. Двери с лязгом разъехались.

– Следующая остановка – станция Перерва, – хрипло оповестил динамик.

– Это ж от нашего дома десять минут ходьбы! – воскликнул Саня.

Дети забрались в вагон.

То был обыкновенный вагон с обшарпанными деревянными сиденьями и захватанными мутными окнами. Пассажиров всего ничего – пара старушек да парень лет двадцати. Лиза и Саня примостились на сиденье в самом конце.

Мимо потянулись лесополосы, заборы промзон, брошенные цеха разорившихся предприятий.

Что-то не давало Сане покоя.

Запах. Проклятый вездесущий запах.

– Чувствуешь вонь? – спросил он у Лизы.

– Ага, – кивнула она. – Ты тоже? Я думала, мне мерещится.

Из соседнего вагона донеслось слюнявое пьяное ржание. Хлопнула дверь в другом конце.

ОНИ.

Гопники из Гурьяновки.

Упыри – штук пять – встали в проходе, хищно уставились через вагон на детей. Во главе – вихрастый с пивным животом. Рты подростков разъехались в страшном острозубом оскале. Тела стали оплывать, терять форму, сворачиваться вокруг некоего невидимого стержня. Лопалась кожа, рвались сухожилия, трещали кости. Намотанная на незримый вертел масса преобразовывалась – обретала новые очертания, зеленела, покрывалась влажными черными кляксами.

Показались два желтых кошачьих глаза, встали на свое место.

Тварь словно срослась с полом вагона, который сантиметр за сантиметром превращался в зеленый бугристый придаток к ее телу. Старухи и парень вытянули шеи до самого потолка, обернулись мясистыми щупальцами с присосками, потянулись к детям.

Санька и Лиза вскочили, пулей вылетели в тамбур.

Саня рванул стоп-кран.

Взвизгнуло железо. Ход замедлился. Открылись двери. Тварь тем временем подбиралась.

Санька с разбегу выпрыгнул из вагона, больно приземлился голыми коленями на щебенку.

В этот самый миг на кромках дверей выросли зубы – длинные, острые как сабли. Зеленые челюсти захлопнулись, а Лиза выскочить не успела.

Поезд двинулся дальше, забрав девочку с собой.

Саня стоял – усталый, измученный страхом, с разбитыми коленями – и бессильно смотрел вслед уходящему по рельсам чудищу.

Состав проехал всего с сотню метров и затормозил. Двери вновь разъехались, и на сей раз на острую щебенку полетела Лиза.

Что случилось? Почему тварь ее выплюнула?

«Наверное, Лиза хорошо учится и всегда слушается родителей», – с досадой за съеденного Левчика подумал Саня.

Он бросился на помощь, а электричка покатилась дальше и быстро скрылась за ближайшим поворотом.

Пока он бежал, Лиза успела встать, отряхнуться и проверить, не пострадал ли ее любимый «Том Сойер». Колени и локти у нее тоже были разбиты в кровь.

Санька подбежал к ней, и они крепко-крепко обнялись – так, как обнимаются на фронте воины-победители на исходе решающей битвы. Ни в жизнь Саня не подумал бы, что станет обниматься с девчонкой! Позорище-то какое! Хорошо, никто из пацанов не видит.

Вдали, за косогором, виднелся их микрорайон.

Они прошли сквозь рощу и оказались в своем квартале. А вот и родной двор.

Саня, неловко переминаясь с ноги на ногу, произнес:

– Ну, пора по домам. Надо как-то родителям объяснить, что с Левчиком произошло. А они там уже пускай думают, че дальше делать.

– Ой, а можно я к тебе пойду? – спросила Лизка, сияя на него чистыми-пречистыми голубыми глазами. – У меня сейчас дома никого, а ключи я забыла.

Просьба удивила Саньку. Несмотря на пережитое вместе, не такие уж они большие друзья, чтоб он ее к себе домой тащил. Сопрет еще что-нибудь ценное – потом ищи-свищи.

Впрочем, сходу он не нашел убедительных отговорок, поэтому процедил сквозь зубы:

– Ну ладно, пошли.

Пока они подходили к подъезду, он косился на лучезарно улыбающуюся Лизку, и ему все больше становилось не по себе. Эта дурацкая улыбка, как у умственно отсталой, отсутствующий взгляд. Книга под мышкой…

Книга.

Книга…

«Том Сойер» так опрятно смотрелся, будто и не побывал под проливным дождем. Если книжка в мягкой обложке намокнет, то превратится незнамо во что. А тут…

Так ведь Лизка ж ее выронила еще у гаражей!

В этот самый миг смуглый мальчуган в соломенной шляпе острозубо ухмыльнулся с обложки.

Санька побежал. Во что стал превращаться подменыш, смотреть не хотелось.

Ничего-ничего. Сейчас Саня прибежит домой и скажет маме, чтоб вызвала милицию. Что Левку убили, Лизку… и Лизку тоже.

Поверит ли мама?..

К счастью, жил Санька невысоко – на третьем этаже. Он не стал вызывать лифт, а пулей взлетел к своей двери, на ходу достал из-под футболки висящий на веревке ключ.

Судя по тишине в подъезде, его не преследовали. Видать, тварь заранее знала, что шансов нагнать мальчишку маловато.

– Фух! – выдохнул он, как только запер за собой дверь.

Мой дом – моя крепость. Тут уж никто не достанет.

Щас мы с тобой, тварина, разберемся.

Санька побежал на кухню, выглянул в окно. Подменыш, чьи конечности превратились в заскорузлые зеленые лапы с когтями, неспешно шагал к Лизкиному подъезду, пиная перед собой «Тома Сойера» – мятого, растрепанного, в грязи.

– Ма-а-а-а-а-ам! – позвал Санька.

– Чего вопишь? – мама неслышно подошла сзади. – Ты где пропадал? Я уж забеспокоилась. Такой дождь был, а тебя все нет и нет.

– Мам…

Она подошла, поцеловала сына в щеку.

Санька едва уловил – но все же уловил – гаденький душок, смесь кислятины с гнильцой.

– Проголодался? – мамин голос вмиг огрубел, глаза сбились в однородную серо-голубую массу с гнойной пленкой. – Щас наловлю тебе пожрать!

«Мама» лихо подпрыгнула в воздух, приклеилась четырьмя неестественно вывернутыми лапищами к потолку. Длинный-предлинный язык принялся с упругими хлопками выстреливать изо рта – ловить квелых от духоты мух, что лениво кружили у люстры.

Саня стоял один в пустом дворе. Все вокруг – все, что раньше казалось вечным, нерушимым, – размякало, разжижалось, плавилось, теряло первоначальные формы и цвета.

Грозная туча, нависшая черным брюхом над многоэтажками, чудовищно изогнулась, показала острозубую улыбку.

Две высотки сомкнулись воедино. Проходы между ними заросли воняющей болотом зеленой плотью с черными пятнами. Да и сами дома стремительно превращались в громадное кольцо жабьего мяса, обтянутого осклизлой шкурой…

А на другом конце космической червоточины, в Москве, родители ждали детей к ужину.

Николай Скуратов

Элизиум
Цикл миниатюр

Смерть живёт во сне

Играть в «Невесту» следует так: берёшь кого-нибудь из девочек, связываешь верёвкой и бросаешь в сырую и страшную дыру в земле, что есть в дальнем углу нашего сада; надо успевать: дыра исчезнет через час. Жребий пал на Миленочку, и мы обматываем её верёвкой, тщательно следя за крепостью узлов. Бросив в дыру, смотрим, как её тело покачивается в воздухе над хтонической чернотой. Волосы Миленочки расходятся нимбом, и она похожа на цветок, один из тех, что произрастают по краям страшных утренних снов. Изо рта нашей сестры вылетает целая туча майских жуков.

Слезы и любовь

В шкатулке на каминной полке маленький цирк со зверями, клоунами, акробатами и иллюзионистами. Они показывают нам представление, а мы хлопаем и смеёмся, мои сестры и возлюбленный брат. Я приношу длинный полый рог, чтобы лучше слышать, и, приставив его узкий конец к уху, направляю на шкатулку. Звери, клоуны, акробаты и иллюзионисты вопят от ужаса. Передаю рог по кругу, мой брат закрывает лицо руками и плачет.

Перипетейя

Из озера выбрался громадный жёлтый осьминог, и мы узрели печаль в его круглых глазах; нам было не жалко мяса, мы бросали его кусками на траву, а он подбирал и ел. Мне стало грустно, когда прилетела стрекоза и унесла осьминога высоко в небо, я ведь успел к нему привязаться.

Я знаю наверняка

Спишь или бодрствуешь, ты все равно можешь увидеть, как голова одной из девочек виднеется в каком-либо сумеречном углу дома. Вы смотрите друг на друга, и это приятно; бывает, голова парит по коридорам и залам совершенно свободно. Встречаясь со старшей сестрой, голова превращается в летучую мышь и исчезает так быстро, что не заметить.

Выпусти огонь

Из большого гримуара, который я взял в библиотеке, в полдень вышел сфинкс: наполовину женщина, наполовину лев с крыльями. Задашь ли ты мне главную загадку, спросила я, но зверь лёг посреди библиотеки и уснул. От него пахло корицей и перцем, подземными святилищами и тайными знаками, черными свечами и малиновым джемом, алхимическими минералами и опилками, которыми набивают игрушки.

Застенчивые

Где-то в нашем доме есть тайные люди, которые живут рядом с нами, почти не оставляя следов. Иногда мы находим мелкие монетки на подоконниках, мёртвых воробьёв на книжных полках или сухие веточки винограда, лежащие поверх одеял.

Если я войду в сад

Мы решили подшутить над Зоей и завели игру в жмурки, заставив ловить нас по крикам и смеху, но, когда началась игра, мы исчезли, оставив бедняжку одну, такую милую и нежную, такую красивую в белом платьице, в чулочках и черных лакированных туфельках. Свидетели нашей милой подруги – лишь кролики, наблюдающие за её блужданиями из травы. В летнем воздухе запах тлена.

Когда мы умирали

Во сне белый дрозд на могильном камне пел мне длинную песню. Лисы, сидевшие вокруг клубничного торта, щерили острые зубки и кивали головами. Просыпаясь в поту, я видела посреди комнаты Матильду, висящую над полом вверх ногами. Ночная рубашка спала, обнажив алебастрово-розовое тело. Ворон не унимался до самого рассвета, но, проснувшись, я не помнила ни слов его песни, ни мелодии. В зеркале чётко видны признаки моей неизлечимой болезни.

Полное собрание

Когда наша гувернантка смеётся, наблюдая за нашими играми, из её клюва вырывается орлиный клёкот; она любит наблюдать, как девочки смотрятся в зеркало, и в воображении своём создавать их двойников, с которыми можно играть, словно с куклами. По ночам она приходит в наши спальни и хватает своими ледяными пальцами наши ноги, высунувшиеся из-под одеяла.

Королева слепа

Нарисуй портрет её, отрази на холсте бледно-зелёные мудрые кошачьи глаза. Она будет сидеть смирно и, положив изящные руки на хрустальный шар, смотреть в необозримость. Вибриссы её станут подрагивать в так биению сердец мотыльков.

Сумерки

К острову на середине озера Зоя путешествовала на красной лодочке. Лягушонок в чёрной жилетке сидел на вёслах и весело насвистывал патефонную песенку. Когда же сестрица наша возлюбленная сошла на травянистый мягкий бережок, её встретили важные фламинго и чинные осётры в сюртуках. Суетливые мышата в канотье расстелили перед ней алую ковровую дорожку. Проводив старую скрюченную Зою к белому склепу в центре островка, они заботливо уложили её в гроб и затянули песню на языке, которого нет.

В телескоп, стоящий у окна, я вижу все. Сердитый, отправляюсь в комнату к Зое и спрашиваю: зачем? Зоя, чьи локоны рассыпаны по подушке, спит, а на покрывале её устроился и грустно смотрит на меня паук. В лапе его чёрный камешек. На, на, молча просит он меня, возьми.

Нежелание

Мы любим играть в прятки, в нашем громадном доме и в саду вокруг него множество мест, где ты можешь укрыться и перестать быть собой или даже просто быть. Спрятавшись в дупле старого бука, я вижу девочек, которые ищут меня, а когда находят, то вытаскивают наружу за шею и трогают мой пеликаний клюв. Белка, наблюдавшая за нами, играет на губной гармошке, и этот мотивчик хочется мурлыкать в беззаботные дни.

Гостья воронов

В сумерках среди печальных холмов бродит женщина в чёрном, и, если подойти близко, укрываясь в траве, можно услышать её печальную песню без слов. Ищет она руины своей юности, а кинжал в её руке похож на лёд. В послании, которое я оставил ей, сказано: «На север, за мостом, где на ветвях акации сидят черные вороны».

Дети, звери и смерть

Почему человеку нельзя иметь голову какого-нибудь животного? У нас это получается легко. У меня голова норки, у моих сестёр головы лис, кошек, собак и разных птиц, но мы можем и меняться, быть теми, кем захотим. На фото мы все изображены сидящими за длинным столом на фоне прекрасной природы и тревожных небес; тени замерли в нашем уютном саду, глядя нам в спины. Зоя в тот миг моргнула, отчего кажется, что она, девочка с головой совы, сидит мёртвая. Возможно, по этой причине мне хочется любить её ещё сильнее.

Круг сомнамбул в полночь

Дверь в дальнем конце нашего сада невозможно открыть, есть лишь один способ: сказать заветное слово. Мы перерыли всю библиотеку в доме, но не приблизились к разгадке. Плачьте, о сёстры мои, плачьте и посыпайте головы пеплом, божественные создания. Злой лик луны висит над стеной и сулит смерть всем, кто осмелится нарушить запрет, смерть разума и мечтаний, смерть невинности.

Из коробки

После яблочного сидра у Матильды закружилась голова. Став лёгкой, словно пёрышко, моя сестрица взлетела к потолку и закружилась там. Звонко смеясь, выпорхнула в открытое окно, и ветер без труда подхватил её. Хотя у Розы снова пошла горлом кровь, она все равно хотела видеть, как Матильда кружит над садом.

Волшебный дядя

Его большие крысиные зубы идеальны, а черные глазки честны. Назвавшись волшебным дядей нашей Миленочки, он увёл её гулять по травянистым холмам, накрытым темно-бежевой тенью. Тайны и смыслы, нам недоступные, постигали они вдвоём, так трепещите, о любимые. Тело Миленочки лежит в тёмном овраге за ручьём, где мы пускали кораблики.

Долгое-долгое утро

У старшей сестры в руке топорик для разделки мяса, и она прелестно смотрится с ним в этом старомодном темно-розовом платье в потоке света, что льётся из окна. И мех на её кошачьей мордашке искрится. Мы в восторге от цвета её шерсти, такой густой, темно-рыжей. С лезвия топорика капала не менее густая темно-рыжая любовь.

Выход ночи, бойся

Дрозд в белой жилетке целит ножом в торт на мой день рождения, а я, пытаясь спасти его, уворачиваюсь и убегаю. Наконец дрозд настигает меня и – он же случайно! – всаживает лезвие в мой левый глаз.

На лужайке стоит столик, за которым мы пьём чай, и мир вокруг кажется довольно плоским с непривычки. Дрозд уверяет меня, что лучшего торта не пробовал в жизни. Жилетку испачкал сливочным кремом.

Флегма

Иногда, гуляя в саду, я встречаю саму себя, такую же девочку в белом платье и панталонах, у неё даже туфельки те же. Очень мне не нравится это, и я беру молоток. После, вооружившись лопатой, закапываю саму себя другую на полянке. Пока хороню тринадцатую, соловьи поют вокруг меня, а мягко-плюшевое солнце щелкает зубами, ухмыляясь.

Пейзаж со сверчком

Съев свою порцию мороженого, а потом и Матильды, я решаю спрятаться в гувернантку. Оказывается, внутри неё не только орлиный клёкот и полфунта странных снов, завёрнутых в вощёную бумагу, но и уютное кресло возле столика с книгами. Матильда спрашивает, не знает ли гувернантка, куда я подевался, а та отвечает: глубокий сон и абсолютный покой. Хорошо сидеть в этом кресле и читать. Песня сверчка навевает на меня самые приятные мысли, и тяжелеют веки.

Отдых на шляпке ядовитого гриба

Сказав, что теперь она привидение, Оля набросила на себя белое лёгкое покрывало и ходит по дому; мы же делаем вид, что она жутко пугает нас, и прячемся, и плачем, и падаем в обморок. Наконец, сбежав в сад, мы играли в другие игры, а когда вернулись, нашли, что от Оли осталось только давно засохшее пятно крови в гостиной на паркете. Лежащий рядом нож распался от ржавчины.

Человек из темноты

У человека из темноты воробьиная голова, модный сюртук и галантные манеры. С особенным удовольствием он расшаркивался перед Матильдой, красневшей от каждого его сумрачного комплимента. Беря её ручку с розовыми пальчиками, человек из темноты делал вид, что целует, а Матильда – кто бы думал, что она такая кокотка! – звонко хихикала и опускала глаза. Очень хорошо у гостя получалось пить несуществующий чай за столиком у каменной стены. Пустые фарфоровые чашечки, пустой чайник с китайскими узорами, пустая тихая беседа в унисон с песнями цикад. Нам кажется, знаки, вырезанные на белой спине Матильды,

говорят нам, что человек из темноты ещё посетит нас. Возможно, завтра в полдень возле мёртвого шмеля.

Сговорчивость ужаса

Утром я не нашла в зеркале своего отражения, и мы отправились искать его в лабиринтах комнат, залов и коридоров нашего дома. Мы бродили в тенях, заглядывали под кровати и в кладовки, всматривались в щели пола, но нигде не могли отыскать моё отражение, пока Роза не открыла свою прикроватную тумбочку. Оттуда мы вытащили за волосы упрямую меня. В обмен на бокал крови она согласилась вернуться обратно.

Под розой

Нет большего чуда и большего счастья, чем иметь сестру, которая меняет лица. Черные её глаза-провалы оттеняют скромную фарфоровую улыбку, на волосах её лежит венок из цветов, над головой, обезумев от лунного сияния, порхают громадные мотыльки. Плавно танцуют лёгкие розовые занавески. Сестра прячет свои маски в ящик комода, аккуратно раскладывает на бархатных подушечках.

Аркадия смысла

Плюшевый Скелет питает романтические чувства к Розе. По утрам он стоит у окна её спальни и пиликает на скрипке. Хотя и ощущая невероятную слабость, сестрица моя встаёт посмотреть на своего кавалера. За стеклом видны её бледное лицо и широкая улыбка. Таз с кровью стоит на табурете у кровати.

Конец всего

Роза и Плюшевый Скелет идут на пикник. В их корзинке мёртвые жуки, бабочки и гусеницы. Расстелив на траве клетчатый плед, Роза раскладывает насекомых на нем аккуратно, выстраивая особый рисунок. Скелет наблюдает за тем, что делает девочка, и пытается понять, каков скрытый смысл её послания. Облака над их головами, как зефирины, плывут в незримый рот и исчезают.

Пуанты

Изящная балерина в белоснежной пачке и пуантах, длинный клюв и мудрые глаза ибиса, высматривающие в спокойном море смерти что-то недоступное. Но бойся подойти ближе – лишь коснёшься её – умрёшь.

Уголь

Бежала в полночь к раскидистому вязу, сжимая в кулачке записку от Него, грезила о поцелуйчиках, объятиях, душном запахе цветов, от которого кружит голову – и можно потерять все на свете. Но ты ошиблась, сестра: тебя встретил совсем не Он. Я помню, как мы отправились искать тебя утром и нашли: ты сидела у корней вяза, твои глаза исчезли, вместо них – кусочки угля.

Портрет неизвестной

Кто-то прислал нам подарок – отправитель не указал имени, а у посыльного был зашит рот и отрублены пальцы. Мы собрались в гостиной, разорвали оберточную бумагу и увидели портрет женщины в белом платье с декольте и венком увядших цветов на голове. Вы стали плакать, дражайшие сестры мои, потому что вместо лица у неизвестной голые кости черепа. А она смеялась, эта женщина, где-то в глубине нашего большого старого дома.

Экзистенция

Я спал и видел сон, где смастерил себе крылья, словно у бабочки. Я проснулся, побежал, открыл окно и выпорхнул наружу в надежде навсегда улететь из этого места. Простите, если по-настоящему любили меня, но я не оправдал ваших надежд. Вероятно, сейчас я смогу, смогу… Я упал на садовую дорожку и лежал, словно раздавленный жук. Из моего рта текла кровь, мои зубы были выбиты, нижняя губа порвалась. Собираю силы для крика…

Леденцовые шаги

Совершенно обнажённая, гладкая, как леденец, с косматой козлиной головой – вышла из зарослей. Тогда у нас был пикник на полянке, и мы отвернулись, а она постояла и крадучись удалилась. Иной раз я слышу её шаги в пустых коридорах или на больших лестницах. Зачем она приходит? Лишь пыль на страницах давно раскрытых книг знает ответ.

Без надежды

Во всех птичьих клетках лишь скелеты птиц, больше никто не услышит их пения. Сколько ни отгоняй время, бешеного убийцу с ядовитыми зубами, оно всегда возвращается, чтобы истребить самое красивое и нежное. И я смотрю на вас, мои сестры, молодых, живых и радостных, и вижу тени за вашими спинами. Они близко, и вот на щеках ваших поверх румянца проявляются метки страха – кракелюры. Скоро потускнеет, увянет ваша кожа, потухнут глаза, розовые ногти станут черными, плоть ссохнется, и сквозь трещины в ней будут видны кости. Но ещё раньше – надеюсь! – моё сердце превратится в горсть песка – чтобы я не был свидетелем распада.

Фасетки

Приснилось, что все мы котята и играем, и резвимся на лужайке. Мама-кошка хочет перенести нас в укромное место, потому что предчувствует опасность. Однако ещё раньше громадная рука с неба хватает нас одного за другим и бросает в громадное ведро с водой. Мы плаваем, раскрыв маленькие ротики, и глаза наши закрыты. На край ведра садится стрекоза, смотрит на нас радужными фасетками. Мы невозможно милы даже в смерти. Пролейте о нас хоть слезу.

Рыба

Она кричала и жаловалась, но слов было не разобрать, но я знал, что надо идти и, набросив плащ, вышел из дома в прохладу ночи. У неё не было кожи, и она сказала: идём. По тропкам сада, о которых я даже не подозревал, она привела меня к месту, которого и быть не должно. Мы стояли у обрыва, ожидая, когда приплывёт громадная рыба с печальными глазами. И жен-

щина без кожи прыгнула с обрыва – и рыба заглотила её. Решив последовать за женщиной, я понял, что поздно. Все прошло, обратилось в прах.

Клубника в желчи

Зоя была сама смелая и легла на скамью, и сунула голову в круглую прорезь. Никто не сможет так, а я могу, сказала. Несмотря на мою любовь к ней, я ощутил всесжигающую обиду и освободил верёвку из зажима. Нож гильотины упал, отрезав Зое голову. Лежит голова в корзине, кровь из неё хлещет, а глаза Зоины моргают. Разозлилась старшая сестра, отвела меня в дом и заперла в тёмном чулане, оставив без ужина. Вечером Зоя открыла чулан и дала мне бутерброд с ветчиной. Сказала, что я дурачок, но она все равно любит меня. Кровь, пропитавшая её голубое платье, уже высохла, срез на шее был ровный-ровный. Дав мне свою голову, чтобы я не скучал, Зоя снова заперла дверь чулана и ушла. С головой мы болтали о скальпированных королевах, клубнике в желчи и пуделях на трёхколёсных велосипедах.

Знак

Госпожа Полудня строга, сегодня она явилась к нам в чёрном платье и с широкой повязкой на глазах, где была одна круглая прорезь. Через неё Госпожа Полудня смотрела на нас, замечая любой наш изъян. Открой рот, говорит мне, и я открываю, а она достаёт оттуда большого жука-носорога. Он шевелит отвратительными лапами, громадными, как мой страх. Матильда хнычет, когда Госпожа Полудня кладёт жука ей на золотистые кудри, и тот запутывается в них. Так холодно, что от нашего дыхания идёт пар. Госпожа Полудня чертит в воздухе знак.

О милосердии и пчёлах

Странно так жужжало в спальне старшей сестры, и мы пошли посмотреть. Переступив порог, увидели гигантскую пчелу. Самая большая лошадь была рядом с ней все равно что карликовый пудель. Войдя в спальню позади нас, старшая сестра сказала, что все живые существа обречены мучиться. Мы согласились. Гигантская пчела снова принялась жужжать, то ли умоляя о милосердии, то ли тоскуя об улье и сёстрах, собирающих нектар на лугах живого дьявола.

Сны мальчика

Клянусь, я не лгу. Стоит мне лечь спать и выключить лампу, как глаза в стенах открываются и начинают смотреть на меня. Их много, все они разной величины, бывают с горошину, бывают как глобус в библиотеке. Едва я включаю свет, глаза исчезают. Ничего, однажды у меня получится застать их врасплох. Во всяком случае, после того, как придумаю, что делать с губами, целиком покрывающими пол моей спальни.

Умри, живи, умри

Гуляя по саду, увидел на дереве семь сов, предлагавших мне дары мудрости. Но чтобы взять их, нужно быть отважным, но мне это, увы, не дано. В отчаянии я бежал и бежал прочь от того дерева, пока не уткнулся в каменную стену, увитую плющом. Листья собрались в большое лицо, которое смеялось надо мной, пока я не очутился в своей постели. Лихорадка сжигала меня, гувернантка накладывала мне на лоб холодные компрессы. Посреди спальни стояла Леди Полудня и пела песню на языке скорпионов.

Замкнутый круг

Сижу на траве, а мои сестры стоят вокруг меня. Старшая читает заклинания из чёрной книги, и ветер, овевающий нас, пахнет корицей, мясом, розовой водой и жжёным волосом. Закрываю глаза и открываю – на платьях сестёр грязь, словно они выбрались из болота. Закрываю и открываю глаза – теперь на них одни лохмотья, а кожа как папье-маше. Закрываю и открываю глаза – вокруг меня могильные плиты с именами девочек. Передо мной же – зеркало, в котором мой взгляд мёртв, голову держит струбцина.

Вечерний досуг

Матильда взялась играть на клавесине, а Волшебный Дядя – показывать танец. Движения его точны, в птичьем взоре – кладбищенский сумрак. Ветер в камине хнычет как голодный младенец. Нет, не впечатляет, это право скучно, говорит Зоя, обмахиваясь веером из человеческой кожи.

Андрей Туркин

Рыжик

Весна 1992 года выдалась ранней. И жаркой. В середине апреля растаял последний снег, а к началу мая мы с друзьями уже бегали в шортах и футболках. Солнце палило как сумасшедшее; погода намеревалась поставить температурный рекорд. Мама говорила, что так и будет, и у меня не было причин не верить ее словам. Мама знает все, считал я в свои тринадцать лет. Целовал ее на прощание, натягивал любимую кепку с изломанным козырьком и шел в школу. По пути заходил за другом Женькой. Вместе мы брели на другой конец поселка, на учебу, по дороге рассказывали друг другу байки и делились впечатлениями от просмотренных накануне фильмов.

Последний месяц перед каникулами. Казалось, никто на свете не мог его омрачить. Ни суровая директриса, брошенная мужем и теперь срывающаяся на учениках, ни математичка, «ребусы» которой ни я, ни Женька, хоть убей, не понимали.

А после уроков мы собирались на поле погонять мяч. Когда народу было много, делились на команды и играли в футбол, когда мало, просто пинали по воротам, составленным из рюкзаков.

В день, когда мы познакомились с Рыжиком, нам не доставало вратаря. Наш Жора сломал руку, перелезая через соседскую ограду, и третий день валялся в гипсе перед телевизором. Мы лишились штатного голкипера, и, как оказалось, заменить его было некем. А Витька, хозяин мяча, ни с того ни с сего разнылся и засобирался домой, не поддаваясь ни на какие уговоры.

Я стоял и ничего не мог поделать. Молча наблюдал, как он засовывает в пакет мяч, как надевает рюкзак. Слезы наворачивались на глаза от бессилия, и я отвернулся, чтобы не показывать их остальным.

– Макс, смотри, – Женька ткнул меня локтем в бок, затем указал в сторону деревьев.

Мир расплывался от слез, и я не сразу заметил, на что он обращает мое внимание. Точнее, на кого.

На рыжего мальчишку из параллельного класса. Тот сидел под деревом с альбомом на коленях и что-то выводил в нем карандашом. Одноклассники и те немногие, кто был с ним знаком, звали его Рыжиком. Обычный тихоня с передней парты; маленький, щуплый, предоставленный самому себе. На школьных мероприятиях, а если честно, то и за их пределами, такие всегда в гордом одиночестве. Незаметные для окружающих до момента, пока не понадобится «козел отпущения».

Я перевел взгляд на Женьку. Друг улыбался.

– Давай возьмем его в команду?

– Кого? – автоматически спросил я.

– Его, – Женька указал на мальчишку.

– Рыжика?

– Да. А что? Какие-то проблемы?

– Не знаю, – честно ответил я. И хотел добавить, что нужно посоветоваться с остальными, но Женька меня опередил.

– Эй, Рыжик, пойди сюда, – крикнул он и замахал рукой, подзывая мальчишку.

Многие годы задаю себе вопрос: как бы сложилась моя жизнь, не познакомься я в тот день с Рыжиком? Я нисколько не сожалею о нашей встрече, общение с ним изменило меня к лучшему, равно как и Женьку. Но у всего есть цена.

И цена дружбы с Рыжиком оказалась непомерно высокой. Я понял это в тот самый момент, когда мальчишка поднялся с травы и направился в нашу сторону. Понял по его походке, движениям рук… по тускло-голубым глазам, за которыми, как выяснилось позже, скрывалась зловещая тайна.

– Привет, – поздоровался Рыжик, подойдя к нам.

Витька стоял неподалеку, косо поглядывая на нашего нового знакомого.

– Зачем вы его позвали? – спросил он с недовольством.

– Ты же хотел, чтобы нас было поровну! – ответил Женька.

– А он умеет стоять на воротах?

– У него и спроси.

– Умеешь? – Витька обратился к Рыжику.

– Не знаю, – пожал плечами мальчишка.

– Попробуй, тут нет ничего сложного, – Женька сходу наладил панибратские отношения, шутливо обхватил Рыжика за шею и потащил его на «ворота».

– Вы хотите взять меня в игру? – удивился Рыжик.

– Только если не будешь ныть, как баба, если мячом прилетит в глаз, – усмехнулся Женька, выпуская мальчишку из «объятий». Затем обернулся к Витьке. – Ну что, играем или как?

Витька вздохнул и полез за мячом.

После игры я, Женька и Рыжик сидели в тени деревьев, жевали травинки и смотрели на небо. Остальные ребята разошлись по домам, чему мы, собственно, были только рады. Витька в последнее время стал жутко капризным, возмущался по поводу и без. А Илюха с Сапогом вообще от нас отдалились. Все чаще они гуляли отдельно, хотя еще год назад никто не мог представить нашу компанию без этих двух сорванцов.

Я спросил Рыжика, где он живет. Оказалось, на соседней улице.

– Странно, – удивился я. – Не знал, что мы живем совсем рядом.

– Меня никто не замечает, – грустным голосом ответил Рыжик.

– Печально, – согласился Женька. – Слушай, Рыжик, твой дом зеленый с гаражом? Там еще через забор заброшка находится, да?

– Да, – мальчишка непроизвольно вздрогнул, услышав про заброшенный дом по соседству.

– Все, я понял. Я видел тебя там, – Женька призадумался и спросил. – А что ты рисовал, когда мы тебя позвали?

– Блин, альбом, – Рыжик кинулся к дереву, под которым сидел до встречи с нами.

– Цел? – спросил я, когда мальчишка вернулся.

– Да.

– Покажи, что рисовал, – попросил Женька, и я заметил, как по лицу Рыжика пробежала тень страха(?).

– Не могу, это личное, – он вцепился в альбом, сминая его тощими пальцами.

– Да ладно ты, мы никому не расскажем. Да, Макс?

Я кивнул. Еще какое-то время Рыжик сопротивлялся, но в итоге сдался.

– А ты неплохо рисуешь, – присвистнул Женька, разглядывая покосившийся дом, занимающий почти всю поверхность заглавного листа.

Он показался мне смутно знакомым.

На других рисунках Рыжик изображал комнату с нескольких ракурсов, с древней мебелью и паутиной в углах, лестницу то ли в погреб, то ли в подвал, а на последнем – мужчину,

выглядывающего из темноты. Длинные руки расставлены в стороны, на лице злобная гримаса, точно у маньяка из фильма, который я тайком от матери посмотрел несколько дней назад.

– Кто это? – поинтересовался Женька. Мне тоже стало любопытно, я не отрываясь смотрел на то странное изображение.

– Никто, – Рыжик вырвал из рук Женьки альбом, убрал за спину, – просто рисунок.

– Ну ладно, – пожал плечами друг, – рисунок так рисунок.

– Сколько времени? – неожиданно спросил Рыжик.

– Полпятого, – я поглядел на потрепанные часы без ремешка, что приходилось носить в кармане, а не на руке. Пора идти домой – то же самое прочел на лице Женьки и хотел сказать ему об этом, но не успел. Рыжик вскочил и принялся прощаться.

– Погоди нас, – Женька протянул ему ладонь, но Рыжик не ответил на рукопожатие.

– Мне нужно идти.

– Мы тоже идем, нам же по пути.

– Извините, у меня дела…

– Какие? – я поднялся с земли, оттряхнул штаны от сухих листьев и травы.

– Мне нужно покормить отца.

– Кого? – переспросил Женька, но Рыжик не ответил. Он развернулся и бросился бежать. Через минуту его и след простыл.

Несколько дней мы его не видели. То ли Рыжик не ходил в школу, то ли по каким-то причинам нас избегал. Но нам и без него проблем хватало: подготовка к контрольной по математике, факультативные занятия по английскому и прочие школьные хлопоты. Мозги кипели; мы заполняли пробелы в знаниях за целый учебный год.

На стенде в вестибюле вывесили списки неуспевающих, и, к глубокому сожалению, наши с Женькой фамилии красовались чуть ли не первыми в списке. Одноклассники прознали про это в тот же день и дразнили нас при каждом удобном случае.

– Что же делать? – сокрушался Женька. – Они меня достали. Хоть вообще в школу не приходи.

Я пытался успокоить друга, мол, все образуется, наверстаем, но он знал меня слишком хорошо, чтобы понять – это ложь. Ничего мы не наверстаем – останемся на второй год, как те ребята из параллельного класса. Без сомнений так бы и произошло, если бы судьба не распорядилась иначе. И после происшествия, весь ужас которого не описать словами, ни директриса, ни завуч не осмелились оставить нас с Женькой на повторное обучение.

А началось все со старшаков из девятого «Е»: Сереги Царенко и Дена Гаврилова. Местная шпана, от которых «стрелялись» и ученики, и учителя. Завсегдатаи педсоветов и детской школы милиции. В общем, те еще «фрукты».

Не знаю, чем им не угодил Женька, но Царенко с Гавриловым постоянно его задирали. Не упускали ни одного удобного случая. Как и в тот злополучный день.

Я шел из буфета, когда услышал в коридоре знакомый ненавистный голос. Хотел повернуть назад, но не мог. Перемена заканчивалась, и необходимо было возвращаться в класс…

Царенко прижал Женьку к двери туалета, сдавив ему горло. Я видел покрасневшее от нехватки воздуха лицо друга, вздутую вену на его виске. Мне было горько на это смотреть, но что я мог сделать? Я испугался. Стоял и сверлил ублюдка взглядом, не в силах вымолвить ни слова.

А еще прикидывал, где прихвостень Царенко, ведь они всегда ходят вместе.

И через пару мгновений огромная лапища опустилась мне на плечо.

– А вот и второй ушлепок, – обрадовался Гаврилов, и только сейчас Царенко обратил на меня внимание. От вида его хищной улыбки мир вокруг меня сжался до размеров спичечного коробка.

– Мы с Тамарой ходим парой? – съязвил Царенко, но Женька – эх, бедный Женька, никогда не умел держать язык за зубами – мгновенно парировал.

– Кто бы говорил.

И сразу же получил кулаком в живот. С тяжелым хрипом выпустил из легких воздух. Стал оседать на пол, но Серега держал его крепко.

– Даже не думай раскисать, я с тобой еще не закончил.

– А с этим что делать? – Гаврилов все еще держал мое полуобморочное тело за плечо.

– Пни ему под сраку, и пусть проваливает, – скомандовал Царенко, и Гаврилов заржал.

Мимо проходили старшеклассники, пробегали малыши, но никто из них не спешил к нам на выручку. Они скользили мимо, опустив глаза, всем видом показывая, что не хотят неприятностей.

Прозвенел звонок. Я надеялся, что как гонг в боксе, он послужит сигналом для окончания потасовки, но Царенко, похоже, плевать на него хотел. А может, в порыве азарта попросту не расслышал.

Начался гул. Десятки ног затопали по коридору; ученики спешили на уроки. В поднявшемся хаосе я не заметил, как Женька получил второй удар. И теперь загибался и кашлял, словно туберкулезник.

Гаврилов подтолкнул меня, чтобы лучше размахнуться, но замер, когда из коридора донесся дрожащий голос.

– Отпустите их, уроды.

Время остановилось. Стихли посторонние шумы: бегущие в классы ученики, их смех и разговоры; ветер, бьющий порывами в окна; скрип досок под ногами. Осталось лишь эхо повисших в воздухе слов: призрачное, невесомое, окутавшее нас четверых, а может, и весь учебный корпус. Как по команде мы оглянулись. В проеме коридора стоял Рыжик. Он сжимал ладони в кулаки так же, как я, несколькими минутами ранее… за одним исключением, мальчишка не ждал, пока нас побьют, а сразу перешел к действиям. «О господи, – подумал я, глядя на Рыжика, – какой же он храбрый». Он трясся от ужаса, но не отступал. Стоял твердо, решительно, не то что я.

Гаврилов поперхнулся от такой наглости. Царенко же был матерым хищником, врасплох такого не застать.

– Быстро подошел! – скомандовал он, не выпуская Женьку.

Рыжик затрясся еще сильнее. Захлопал глазами, но не сдвинулся с места.

– Беги, – прошептал я, в ответ он отрицательно покачал головой.

Поток учеников редел. Опоздавшие обтекали Рыжика, насмерть стоявшего на своем месте. Бедняга побледнел, и его огненные волосы на фоне лица выглядели еще ярче.

– Лучше подойди, выродок, иначе ему хуже будет, – Царенко заскрипел зубами от злости. Схватил Женьку за руку и стал выкручивать ее. От одного вида мучений друга меня бросило в пот. Я представлял, насколько сильную тот испытывает боль, так как проходил через подобное не далее, чем на прошлой неделе.

Женька застонал, из его глаз брызнули слезы. Рыжик, понимая, что ничего другого ему не остается, сделал шаг навстречу Царенко. Тот ухмыльнулся. Я переводил взгляд с Сереги на Рыжика и обратно. Гаврилов меня больше не интересовал, как и я его.

– Не подходи, он тебя побьет, – сквозь зубы процедил Женька.

– Заткнись, – рявкнул Царенко, сильнее сжимая запястье пленника. Снова обратился к Рыжику. – Ты думаешь, я тут с вами шутки шучу? Считаю до трех и, если ты не подойдешь, я сломаю его долбанную граблю, а затем тебе так па́чу вскрою, будешь помнить до выпускного. Раз…

Я с замершим сердцем наблюдал за происходящим. Гаврилов что-то бубнил мне под ухо как старому приятелю, но я не различал ни единого слова. Все мое внимание сконцентрирова-

лось на Женьке и Рыжике. Как им помочь? Я не имел представления. Лезть на рожон – значит, получить по шее. Царенко неважно, избить двоих или троих.

– Два…

Рыжик, кажется, смирился со своей участью. Опустив голову, двинулся к Сереге.

И тут случилось чудо! Открылась дверь кабинета географии, и из класса вышла директриса. Иногда она проводила уроки, замещая основного преподавателя, чей старший сын наркоманил и периодически пропадал из дома, прихватив с собой что-нибудь из ценных вещей.

– Царенко, – властным голосом произнесла директриса, и Серега скривился от досады. Словно лимон в рот положил. Это выглядело бы комично, не будь ситуация столь серьезной. – Быстро отпусти Елисеева, и марш на урок.

– Да, Любовь Константиновна, – повиновался Царенко с напускной улыбкой.

Рыжик облегченно выдохнул и обмяк, едва не свалившись в обморок.

– Гаврилов, – продолжила директриса, – тебя это тоже касается.

– А я-то что? – Гаврилов поднял руки, демонстрируя, что ничего не делал. – Я вообще случайно здесь оказался.

– Бегом в класс, – приказала директриса. – И вы, мальчики, идите на уроки.

Я не мог поверить, что мы спасены. Но надолго ли? После уроков, как пить дать, нас будут караулить за школой. И Царенко не заставил себя долго ждать. Проходя мимо, обратился ко всей нашей троице.

– Пизда вам, – лицо его скривилось от ненависти к каждому из нас, но пристальнее всех он посмотрел на Рыжика, посмевшего обозвать его уродом.

Гаврилов засеменил за своим товарищем, и мы, проводив их глазами, разошлись по кабинетам, предварительно условившись с Рыжиком встретиться после уроков на стадионе.

Как мы вышли из школы и остались живы? На удивление просто. Последним уроком у нас была история. Кабинет располагался на первом этаже, окнами выходил на стадион. Когда прозвенел звонок и одноклассники обступили учителя с вопросами о домашнем задании, мы с Женькой выпрыгнули в окно.

Рыжик уже ждал нас на трибунах.

– Как ты здесь оказался? – удивился я, подсаживаясь рядом.

– Отпросился, – ответил Рыжик. Он попытался улыбнуться, но вышло неважно. – Вы как? Все обошлось?

– Как же, – отмахнулся Женька. – Теперь мы в немилости у Царенко и Гаврилова, а это просто так не обходится. – Он толкнул Рыжика в плечо и засмеялся. – Но ты, конечно, дал: «отпустите их, уроды». Гаврила аж поперхнулся.

На беговой дорожке тренировались физкультурники. Каждый круг они заканчивали, пробегая мимо, и в эти мгновения мы умолкали. Не хотели, чтобы нас подслушали, ведь у Царенко везде были уши.

– Да, Рыжик, ты крут, – добавил я и похлопал мальчишку по плечу. – Ты самый смелый чувак в нашей школе.

– Да бросьте вы, я очень сильно перепугался… просто, когда увидел, что они над вами издеваются, не смог стоять в стороне.

Мои уши покраснели от стыда. Я как раз тем и занимался, что стоял в стороне.

– Тем более есть вещи и пострашнее… – добавил он.

– Ты шутишь? – хмыкнул Женька. – Что может быть страшнее Царенко?

– Например, чудовище в подвале, – прошептал Рыжик.

Мы с Женькой засмеялись. Решили, что наш новый друг хочет разрядить обстановку, но Рыжик почему-то притих. А взглянув на него, в груди моей защемило. Невозможно передать словами ту боль, что я увидел в его раскрасневшихся глазах. Боль ребенка, еженочно сража-

ющегося с монстром в шкафу. Когда гаснет свет и он закрывает глаза, то слышит, как с противным скрипом отворяется постылая дверь – очень медленно, словно притаившаяся среди одежды тварь растягивает удовольствие перед тем, как выскочить из мира кошмаров. В темноте сверкают огоньки демонических глаз, гипнотизируют, а малыш и не пытается кричать: он сотню раз проходил через это и знает, что, как только послышатся шаги мамы или папы, монстр исчезнет. Растворится без следа, оставив после себя лишь приоткрытую дверцу шкафа.

Все это я прочел в глазах Рыжика. И от осознания, что он действительно верит в свои слова, вздрогнул. А Женька продолжал заливаться.

– Нам надо держаться вместе. Так у нас больше шансов остаться в живых, – сказал я.

– А ваши друзья не будут против меня? – поинтересовался Рыжик.

– Отныне ты тоже наш друг, – я приобнял его за плечо. Рыжик расчувствовался, захлопал ресницами, и по щекам его покатились слезы. Он плакал от счастья, не стесняясь своих эмоций.

– Меня никогда не называли другом, – мальчишка всхлипывал и улыбался. А я смотрел на него, такого хрупкого, но безумно смелого, и чувствовал, что сам вот-вот расплачусь.

Физкультурники сделали еще один круг. Один из них помахал нам рукой и широко улыбнулся. Я не знал этого парня, да и на лице Женьки прочел непонимание, отчего внутри меня что-то екнуло и, как оказалось, не зря.

Новость об инциденте с Царенко и его приятелем быстро разлетелась по школе, и нас уже кто-то сдал. Быть может, тот самый парень, что помахал рукой. И пока мы обсуждали, чей это знакомый, на стадионе возникла пара неразлучников – Царенко с Гавриловым.

– Смотрите, – Женька заметил их первым.

Наше счастье, что трибуны располагались с солнечной стороны, и какое-то время старшаки не могли нас видеть. Царенко хищно озирался по сторонам, высматривая добычу, а Гаврилов стучал кулаком об ладонь и время от времени подтягивал сползающие штаны.

– Что нам делать? – Рыжик посмотрел на меня умоляюще. Видимо, каждая его клетка в тот момент агонизировала, испытывая фантомную боль от предстоящей взбучки.

– Они нас увидят, – Женька всполошился не на шутку, заерзал, вцепился в портфель, как в спасательный круг. – Надо бежать.

– Мы не сможем от них убежать, – я покачал головой, – надо спрятаться.

– Куда?

– Не знаю.

– Это моя вина, мне и отвечать, – Рыжик поднялся, но мы с Женькой усадили его на место.

– Даже не думай. Мы все виноваты. Вместе и получим, – я старался говорить уверенно, но голос дрожал. В голову не шло ничего дельного. Страх перед Царенко туманил мозг. Но Женька, мой головастый друг, как всегда, нашел выход.

– «Птичье гнездо», – он подскочил от радости, схватил портфель и волоком потащил его за собой. – Быстро, за мной.

Не раздумывая я бросился следом, пригибаясь, желая слиться с сиденьями трибун. Как я сам не подумал о «птичьем гнезде»! На гостевом секторе трибун, возле прохода, была выломана доска. Взрослому туда не протиснуться, но ребенку вполне по силам. Это место нам показала Витькина двоюродная сестра, она иногда курила там тайком от всех. И сейчас ее тайное логово пригодилось как нельзя кстати.

Мы пробирались к нужному сектору, молясь остаться незамеченными. Рыжик шел последним. Ежесекундно оглядывался то на рыскающих старшаков, то на бегунов, завершающих очередной круг.

Женька слез первым, принял портфели и помог спуститься нам с Рыжиком. Под трибунами стоял полумрак. Солнце едва пробивалось вниз сквозь щели в досках, но мы видели друг друга, и этого было достаточно. Под ногами хрустели пластиковые бутылки и шелестели

пакеты: уборщики туда наведывались крайне редко. А еще мы заметили несколько старых птичьих гнезд, именно по их наличию сестра Женьки назвала свое тайное место соответствующим образом.

Я рассказал Рыжику, как мы оказались здесь впервые, затем мы уселись на портфели и некоторое время молчали. Слушали, как снаружи гуляет ветер.

– Я есть хочу, – прошептал Женька, и мы с Рыжиком улыбнулись.

Он посмотрел на нас как на сумасшедших и уже громче сказал:

– Че вы лыбитесь, я не завтракал. Слышите, как живот урчит?

Мы отрицательно покачали головами.

– У тебя, правда, никогда не было друзей? – не унимался Женька.

– Нет, – ответил Рыжик. – Странно, да?

– Немного. А чем ты занимаешься после школы?

– Учу уроки, помогаю по дому.

– А потом?

– Ищу еду для… – Рыжик звонко шлепнул себя по губам. Я понял, что он расслабился и сболтнул лишнее. То, о чем не хотел говорить. Или не мог. Но Женька уже прицепился к словам, и глаза его заблестели.

– Еду? – переспросил он, подавшись вперед. – Для кого ты ищешь еду?

– Ни для кого, – попытался увильнуть от расспросов Рыжик, но Женька наседал.

– Не гони мне. Рассказывай, для кого.

– Для отца. Отца. Мне нужно кормить отца, – язык Рыжика заплетался, а суетливый взгляд нарезал круги по всему подтрибунному помещению.

– Пиздит, – резюмировал Женька, обращаясь ко мне. – Мы его другом называем, а он нам пиздит.

– Нет, я говорю правду! Я кормлю отца. Он болен. Кого же еще? Вы должны мне поверить, – он смотрел на наши с Женькой каменные лица и понимал, что ложь раскрыта. – Для отца. Сколько времени? Скажите! – Рыжик тараторил без умолку.

– Тише, тише, – я попытался его успокоить. Посмотрел на часы. – Два.

– Ужас, как поздно. Мне надо идти. Искать еду. На вечер ничего нет, – Рыжик рванул к лазу, но Женька перехватил его на полпути.

– Что с тобой? – он держал обезумевшего мальчишку, не зная, как его успокоить. – Тебя же заметят.

– Пусть заметят, – вырывался Рыжик. – Отпусти меня, или будет хуже.

– Кому будет хуже? Да что с тобой такое?

– Моим родителям будет хуже. Потом и мне. А может, всем. Я не знаю, докуда *он* может дотянуться.

– Макс, звони в дурку, у него крыша поехала, – Женька пытался усадить Рыжика на место, но тот сопротивлялся.

– Вы не понимаете. Я забыл, совсем забыл про *него*. Отпусти, прошу тебя.

Но Женька был неумолим. Ни слезы, ни уговоры – ничто на него не действовало. А я сидел, наблюдая за всем этим, и молился, чтобы старшаки нас не услышали.

Через некоторое время Рыжик выбился из сил и затих. Сел на портфель, скрестил руки на груди и уставился в одну точку. Казалось, он выплеснул из себя всю энергию и теперь казался еще меньше и беспомощнее. Мне стало жаль его; отличник – надежда школы – и с подобными причудами. «Умники все такие, – подумал в тот момент я, – ненормальные для этого мира, как море в Сахаре или верблюд в Антарктиде».

Мы просидели в «птичьем гнезде» около часа. Царенко с дружком к тому времени ретировались. Исчезли и бегуны. Рыжик, едва оказавшись на свободе, рванул домой, не попрощав-

шись. У него это вошло в привычку. Сначала он плакал, когда мы называли его другом, а после убегал, не пожав руки.

Последующие две недели в школу нас провожала моя мама, она же встречала после уроков. А на переменах мы ходили хвостом за учителями. Витька фыркал и смеялся нам в спину, Илюха с Сапогом вообще перешли на сторону врага. Женька рассказал, что видел их мило беседующими с Царенко. Видимо, Серега убеждал ребят привести нас с Женькой в какое-нибудь укромное место. Поэтому на все приглашения погулять и поиграть в мяч мы отвечали отказом.

Рыжик снова пропал. Я наделся, что с ним все в порядке; что он не повстречался с Царенко по пути домой в тот злополучный день. И чем чаще я размышлял на эту тему, тем больше странностей всплывало в памяти. Я поделился соображениями с Женькой. Тот поначалу пожимал плечами, но как-то утром прибежал ко мне и заявил, что я прав.

– Помнишь, когда мы познакомились с Рыжиком, я спрашивал его про заброшку?

– Нет, – честно ответил я. – Не до этого как-то.

– Ну и ладно. Зато я кое-что вспомнил. Я видел его там как-то раз, возвращаясь из магазина. Рядом с его домом кто-то сбил кошку. Я еще хотел оттащить ее, но не стал прикасаться. У нее кишки по всей дороге размазало, – Женька смолк, должно быть, вспоминания давались ему с трудом.

– Что дальше? – торопил я друга.

– А дальше я видел, как Рыжик отдирает кошку от дороги, закутывает в какую-то тряпку и уносит…

– Фу, гадость.

– Это точно. Я думал, он хочет убрать ее с дороги, но Рыжик перелез с этим свертком через забор и скрылся в дверях заброшки.

– Ты гонишь?

– Отвечаю, Макс.

И я поверил ему. Каждому слову. И мурашки побежали по моей спине от этой странной истории.

– У меня такое чувство, что Рыжик что-то скрывает, – сказал я. Женька согласился. – Что-то необычное, а может, и страшное.

– Давай спросим у него?

– Думаешь, расскажет? Опять скажет, что нужно кормить отца. Что это за бред вообще такой?

Женька пожал плечами:

– Идем или нет?

– Сейчас?

– А когда? Заодно узнаем, почему он не ходит в школу.

– Ладно, пошли.

Я предупредил маму о своем уходе, и мы отправились к Рыжику. По пути обсуждали странности, связанные с ним. Я поделился соображениями, а еще предложил устроить слежку, если наш новый друг не захочет «сотрудничать со следствием».

Женька постучал в ворота. Прислушался. Тишина. Через пару минут повторил попытку. Мы уже решили, что никого нет дома, как до нас донесся скрип несмазанных петель, а за ним шаркающие по гравию шаги. Калитку открыла мама Рыжика, рыжеволосая женщина с печальными глазами.

Она удивилась, увидев нас, и учинила допрос, кто такие и чего пожаловали. Сказала, что сын болеет и не сможет выйти. Предчувствия меня не подвели, с Рыжиком что-то приключилось. Я был практически уверен, что Царенко добрался до него… из-за нас.

– Мы по очень срочному делу, – убеждал маму Рыжика Женька.

– Ну пожалуйста, – не отставал я.

Но она была непоколебима, как гранитная скала. И все наши попытки увидеть друга разбивались вдребезги о ее суровое категоричное «нет». Пришлось отступить, чтобы наметить план дальнейших действий. Мы уже отошли от дома, когда знакомый голос окликнул нас:

– Подождите. Я иду.

Я обернулся, и в тот же миг улыбка спала с моего лица. Запястье Рыжика было перебинтовано, но ужас в моем сердце вызвало не это. На месте, где должны находиться указательный и средний пальцы зияла пустота…

Моя челюсть отвисла, а из горла вырвался непроизвольный стон. Рыжик перехватил мой взгляд и стеснительно убрал руку за спину.

– Это они сделали? – прошептал я.

– Нет, – Рыжик покачал головой. – Несчастный случай.

Мы стояли и смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Ни в какой несчастный случай я не верил, да и по лицу Рыжика понял, что он врет. Ему отрезали пальцы… эти гады, которых язык не повернется назвать людьми. Я хотел узнать, обратились ли его родители к участковому, но Женька, как всегда, меня опередил.

Рыжик снова замотал головой. Тогда Женька задал другой вопрос, от которого Рыжик стал белее мела.

– Что ты прячешь там? – он кивнул в сторону заброшки.

– Да, – тут же подхватил я, обретя дар речи. – Только говори правду, ведь друзьям не врут…

Мальчишка сглотнул, умоляюще посмотрел на нас, но видя, что настроены мы решительно, сдался.

– Хорошо, – прошептал он, – я вам расскажу. Только давайте уйдем отсюда?

– Куда? – не понял Женька.

– Куда-нибудь подальше.

Мы согласились и двинулись по тропе в сторону поля. Когда отошли на почтительное расстояние и Рыжик убедился, что никто нас не подслушивает, произнес:

– Я вам сказал правду тогда, на стадионе. В заброшке живет чудовище… в подвале.

– Ты нас за придурков держишь? – Женька остановился, скрестил руки на груди. – Ты еще скажи, что это чудовище оттяпало тебе пальцы, а не Царенко с Гавриловым.

– Но так все и было, – Рыжик понизил голос, – я клянусь.

– Макс, он опять нам пиздит.

– Погоди, – я поднял руку, успокаивая друга, – пусть расскажет, – не знаю почему, но какой-то частичкой разума я поверил Рыжику. Ведь всякий раз, проходя мимо заброшки, сам испытывал страх. А иногда ощущал чей-то пристальный взгляд или слышал скрип прогнивших досок, как если бы кто-то отрывал их вместе с гвоздями.

– Это началось в прошлом году. Летом. Я посмотрел мультики и лег спать. Стояла жара, и форточки были открыты. В какой-то момент стало настолько тихо, что я проснулся. Ну, знаете, как это бывает?

Мы с Женькой кивнули одновременно. А Рыжик продолжил.

– Я открыл глаза, еще не понимая, что проснулся, но уже испытывая страх. А вокруг тишина. И время словно замерло, даже занавески не покачивались.

Мы добрались до поля. К тому времени каждый из нас опасливо оглядывался по сторонам, до того красочно описывал Рыжик ту страшную ночь. Бледность сошла с его лица, но голос дрожал.

– Я лежал, боясь пошевелиться. Переводил взгляд с темных углов на дверь, прикидывая, смогу ли добежать до нее… – Рыжик замолчал, собираясь с мыслями. Ни я, ни Женька не нарушали тишины. – Сперва появился запах. Сильный запах. Он напоминал болотную грязь, поднятую со дна. А потом… на лунной дорожке, на полу, выросла тень: горбатая, вся какая-то скрюченная. Ночной гость знал о моем присутствии, и за хриплым дыханием послышался голос, обращенный ко мне. Скрипучий, загробный голос, как у мертвеца из ужастика, – мальчик остановился на том самом месте, где мы познакомились тремя неделями ранее.

– Дальше-то что? – прошептал Женька.

– Дальше? – переспросил Рыжик, рассеянно посмотрев ему в лицо. – Ах да, – казалось, он выпал из пространства и не понимал, где находится. – Подождите, я в туалет схожу, потом продолжу, – и зашагал к деревьям.

Мы с Женькой стояли, переваривая услышанное. Как оказалось, в скором времени нас ожидала развязка всей истории. Я снова подивился своей проницательности, не далее, как две недели назад, сидя в «птичьем гнезде» представлял себе нечто подобное, глядя в перепуганные глаза Рыжика. И оказался прав.

Рыжик скрылся за деревьями, а мы настолько погрузились в фантазии, что не заметили, как к нам подкрались со спины. В последний момент я увидел выросшую перед собой тень (как в рассказе Рыжика), а затем чудовищной силы удар сбил меня с ног. Вскрикнув, я кубарем полетел в траву. Мир заплясал, чувства, отвечающие за координацию, сбились, а когда в живот прилетел гигантских размеров ботинок, в глазах вспыхнули искры. Я приготовился к последующим ударам и сжался в комок, но их, на счастье, не последовало.

– Что, уроды, не ждали? – за знакомым голосом Царенко последовал смех Гаврилова.

Я поднял голову и увидел, как Серега склоняется над Женькой. Нос у бедняги разбит, в глазах стоят слезы. Но он не просит пощады, не умоляет его отпустить – понимает, что пришло время платить по счетам. Я оглянулся в поисках Рыжика, но того нигде не было. Вовремя он ушел отлить, возможно, хоть один из нас вернется домой в добром здравии. Однако, вспомнив про изуродованную руку мальчишки, застыдился своих мыслей.

Царенко достал нож, обычную подростковую раскладушку, но и от ее вида внутри у меня похолодело.

– Где третий пидор? – орал Царенко, слюна летела из его рта, но Женька мотал головой и крепко жмурился. – В молчанку играть удумал? – Серега поднес нож к груди Женьки. – Сейчас я даже до трех считать не буду.

– Не трогай его, – прохрипел я, все еще не в силах отдышаться. – Мы не знаем, где он.

– Заткни-ка его, – Царенко ткнул в мою сторону острием ножа, и Гаврилов, улыбаясь, навис над моим обессиленным телом. – А ты, урод, навсегда меня запомнишь, если не начнешь сотрудничать, – нож прочертил незамысловатую траекторию на груди Женьки. Он заскулил от боли и страха, но не проронил ни слова. Из раны выступила кровь.

Два увесистых пинка выбили из меня оставшийся дух. Будь удары немного сильнее, Гаврилов переломал бы мне все ребра.

И тут голос Рыжика, звонкий, как воскресный набат, заставил наших мучителей остановиться.

– Хватит, – закричал мальчишка, выйдя из-за деревьев. – Я здесь, уроды, попробуйте поймать, – и он заставил себя засмеяться, чем вызвал еще больший гнев у старшаков.

Царенко обезумел. Отшвырнул Женьку, как куклу, и бросился на Рыжика, надрывая глотку от ярости. Но расстояние между ними было приличное, что и спасло нашего нового друга. Он кинулся к тропинке, оставив Царенко в дураках. Гаврилов направился наперерез,

но его огромная туша не могла передвигаться быстро. Жир колыхался в его теле, мешая движениям.

Я смотрел вслед удаляющейся щуплой фигурке и его преследователю – злобному троллю, размахивающему ножом. Последним бежал Гаврилов, обливаясь по́том.

Женька с трудом поднялся, прижал носовой платок к лицу.

– Можешь идти? – донесся до меня его гнусавый голос.

Я кивнул и перевернулся на живот. Мне казалось, из этого положения будет проще встать. Грудь ломило от боли, в животе полыхал пожар. Женька, видя мои безуспешные попытки подняться, пришел на помощь.

– Они его… убьют, – прохрипел я, – нужно… поторопиться.

Женька кивнул, и, поддерживая друг друга, мы как могли быстро зашагали по тропинке. Рыжик и Царенко к тому времени скрылись из виду, и единственным ориентиром для нас оставалась спина Гаврилова. Но как бы медленно ни бежал толстяк, мы упустили его. Когда вышли в поселок, вконец отчаялись их отыскать.

– Пошли к его дому, – предложил Женька, и я согласно кивнул.

Немногочисленные прохожие оглядывались на нас, некоторые интересовались, что случилось, другие предлагали помощь, но мы, никого не слушая, упорно шагали к дому Рыжика. И когда подошли к воротам, Женька вскрикнул и указал пальцем за заброшку. Взгляд мой оставался рассеянным, но хватило и его, чтобы различить огромную спину Гаврилова, мелькнувшую в дверном проеме бесхозного жилья.

Мы переглянулись. Идти туда жуть как не хотелось, особенно после рассказа Рыжика, но выбора не оставалось: друга необходимо спасать. С горем пополам мы перелезли через забор. Женька выбросил насквозь пропитанный кровью носовой платок, высморкался и зашагал к скулящей на ветру двери. Я старался не отставать. Противный шум в голове нарастал, ноги заплетались. Но я шел. Шел со своим лучшим другом выручать Рыжика. Я не знал, что мы будем делать, оказавшись внутри, но это не имело значения. Мои мысли занимал лишь маленький тихий мальчишка, жизнь которого мы просто обязаны спасти. Даже ценой собственных… Безумие, но я считал именно так. Следовало прихватить с собой штакетник от забора, но эта идея пришла слишком поздно: перед распахнутой дверью подвала, из глубины которого вдруг донесся крик невыносимой боли и отчаяния. Не раздумывая мы бросились вниз. Дважды я чуть не свалился со ступеней. В нос бил запах плесени и еще чего-то отвратительного.

Крик более не повторялся, но из черноты подвала поднимались другие, не менее жуткие звуки. Возня, скрип гнилых половиц, едва различимый стон. Что-то рухнуло, загремело, усилилась вонь.

Я ступил на земляной пол, вытянул руки перед собой. Кое-где через щели в заколоченных окнах-бойницах пробивались полоски света, но их было ничтожно мало, чтобы как следует рассмотреть обстановку. Пришлось ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Я слышал оглушительный стук своего сердца, а еще противные шорохи в дальнем углу. Там, куда не проникал ни единый луч солнца.

– Рыжик? – позвал я, не узнав собственный голос.

– Максим? Что вы здесь делаете? Зачем пришли?

– Мы пришли за тобой.

– Где остальные? – опомнился Женька.

– О них можете больше не беспокоиться, – уклончиво ответил Рыжик.

– А кто возится там, в углу? – я боялся этого вопроса, но он сам сорвался с языка.

– Тот, кто однажды ночью явился в мою комнату. Тот, кто грозился сожрать моих родителей, если я откажусь приносить ему пищу. Он не может покидать подвал, но как-то сумел дотянуться до нашего дома, видимо, корнями, которыми опутан с ног до головы. Я испугался

за маму и папу и согласился кормить его. Он любит мясо: живое, мертвое – без разницы, но чтоб с шерстью, потрохами и прочим. Он Хозяин этого дома.

Я вглядывался в угол и постепенно стал различать движение. Что бы там ни находилось, оно шевелилось, набухало и оседало, удобнее устраиваясь на своем чудовищном ложе. Прогнившие отростки, которые Рыжик назвал корнями, больше напоминали щупальца, но я понимал, что в земле щупальцам взяться неоткуда. Это корни, опоясывавшие монстра, вступившие с ним в симбиоз.

– Так где все-таки старшаки? – спросил я, и Рыжик сокрушенно потряс головой.

– Я не мог придумать, как спасти вас, и привел их сюда…

– Он их сожрал? – Женька тоже разглядел живую клумбу с человеческим остовом.

– Вам нужно уходить, пока он не закончил со старшаками.

Я уставился на Рыжика как на чокнутого.

– Он прав, – Женька толкнул меня в плечо и побежал вверх по ступенькам.

– Это сделал он? – я имел в виду покалеченную руку Рыжика, пока мы шагали к лестнице.

– Да, – кивнул мальчишка. – Я забыл приготовить ему еду, и он рассердился. Это, – он поднял руку, – наказание.

Женька выскочил из подвала и теперь стоял в проеме, призывая нас с Рыжиком поторопиться. Мы добрались примерно до середины пролета, как дверь вдруг с грохотом захлопнулась. В воздух поднялись клубы пыли, стены задрожали, а дверное полотно загородили извивающиеся отростки.

– Мы не успели, – в ужасе прошептал Рыжик.

Женька колотил дверь с обратной стороны, звал нас, но более ничего не мог предпринять.

– Я же говорил, чтоб вы уходили…

– Что теперь делать?

– Я не знаю. Он не выпустит тебя. Блин…

По ступеням навстречу нам поползли отростки. Они походили на змей и, казалось, выползали из стен. Их было очень много.

Мы отступили.

– Не трогай его, – прокричал Рыжик в темноту, но движение не прекратилось. – Пожалуйста, я сделаю все, что ты скажешь. Он мой друг! Прошу тебя.

Я вцепился в Рыжика, как в спасательный круг, до крови расцарапав ему кожу. Чудовище загудело, и я чуть не свалился в обморок. Рыжик верно подобрал слова, это напоминало загробный гул, ничто живое не в состоянии издавать подобные звуки.

– Помогите, кто-нибудь, – завопил я, хотя кто, кроме Женьки, мог меня услышать. Да и тот был отрезан дверью.

– Ты должен уйти без меня, – Рыжик повернулся, и в сумраке подвала я смог разглядеть его влажные глаза.

– Нет. Только вместе.

– Я его задержу, – стоял на своем Рыжик. – Мы же друзья… ты сам говорил.

Теперь и по моим щекам катились слезы, и я не скрывал их. Рыжик отстранился и шагнул в темноту.

– Я останусь с ним. Он одинок, как и я – до недавнего времени – мы друг друга сто́им.

– Нет, – я попытался ухватить Рыжика за рукав, но он оказался проворнее – шагнул в объятия монстра, что раскрылись ему навстречу, и последнее, что я услышал от моего нового друга, было:

– Вы были хорошими друзьями – лучшими в моей жизни.

– Я не… уйду…

– Ты можешь приходить ко мне, я буду здесь. Обязательно приходи, но только с едой.

А затем голос Рыжика стих, и в то же мгновение распахнулась дверь подвала. В свете прямоугольника я увидел до смерти перепуганного Женьку. Он не знал, как поступить: дверь открылась, однако еще раз спуститься в подвал друг не решался. Я не стал терять время, бросился наверх, превозмогая боль в груди и животе. В спину дохнуло отвратительной смесью гнили и сырой земли.

Прошло много лет, но я до сих пор живу в нашем маленьком поселке. Женька уехал в город лет пятнадцать назад, с тех пор мы не виделись. У меня жена и прекрасные дети, которых я люблю больше всего на свете. А также тайна, о которой не знает ни одна живая душа, кроме Женьки (это и стало нашим яблоком раздора).

Но у меня нет выбора. Рыжик спас мне жизнь, и я не мог поступить иначе. Каждый вечер я прихожу к нему в подвал, кормлю его и, пока он и тот – другой – поедают очередную собаку или кошку, рассказываю Рыжику о своей жизни и о том, что происходит снаружи. Удивительно, но, когда пропали трое ребят, полиция перевернула весь дом, однако в подвал так никто и не спустился. Словно что-то отпугивало людей от гнезда Хозяина и моего друга. Оно и к лучшему, подобное не должно открываться человеческому взору.

Возможно, когда-нибудь мы с семьей уедем из поселка, но не сейчас. Мне необходимо выполнять свой долг, иначе Рыжик зря пожертвовал собой. Он был самым смелым и преданным человеком из всех, кого я знал. Дорожил дружбой как никто иной просто потому, что для него она всегда являлась роскошью.

И я дорожу дружбой с ним. Делаю все, что в моих силах, чтобы он не голодал. Однако все чаще задаюсь вопросом: что буду делать, когда в поселке не останется животных?

Ответ приходит сам собой, и с каждым днем он кажется все более разумеющимся.

Светлана Катеринкина

Лихо для лиходея

Погожий летний день радовал людей ярким солнцем. Тёплый ветерок ласкал кожу и шептал о том, что жизнь бывает так прекрасна, особенно когда выезжаешь на рыбалку с друзьями после трудовой недели. В эту пятницу несколько мужчин, закончив пораньше работу, сели в одну вместительную машину. Автомобиль тронулся с места и повёз своих пассажиров по разбитой дороге прочь из одного небольшого посёлка Тверской области. Мужчины ехали, весело переговариваясь и смеясь, предвкушая отличный отдых на природе.

– Эх, люблю рыбалку! Отдыхает душа, когда сидишь с удочкой на берегу нашего водохранилища, – мечтательно и почти нараспев проговорил седовласый старик.

– Ты, Петрович, тот ещё романтик, – смеясь обратился к старику водитель.

– Да, Влас, ты прав, – согласился Петрович.

В салоне машины заиграла модная мелодия – звонил мобильный телефон. Красивый молодой мужчина, сидевший за водителем, достал мобильник из кармана широких зелёных штанов. Он посмотрел на дисплей и сбросил входящий звонок.

– Что, Артём, не отвечаешь на звонок? – поинтересовался сидевший рядом толстяк.

– Да опять Катька звонит, – ответил красавец, – а тебе-то что, Олег?

– Счастливчик ты, Артём, – с завистью в голосе отозвался Олег, – бабы по тебе сума сходят, выбирай любую! Что же я таким красавцем не уродился? Я бы с Катькой по телефону поболтал. И не только по телефону.

– Ну не всем же быть таким совершенством, как я, – засмеялся Артём, – меня ещё в школе Красавчиком прозвали.

– А наглости тебе, Артём Красавчик, не занимать, – невесело заметил Петрович.

– И это правильно, – вмешался Влас, крутя руль, – женщины таких любят, и везёт таким во всём.

– Во всём, не во всём, а нехорошо быть наглым, – пробубнил Петрович.

– Да брось, Петрович, ты просто завидуешь, – произнёс Артём Красавчик с улыбкой, обнажившей его ровные белые зубы. Серые его глаза, красивые и жёсткие, искрились от веселья. Красавчик поправил рукой жгуче-чёрные волосы, стриженные по последней моде.

– В конце концов, я не виноват, что природа одарила меня столь привлекательной внешностью, – философски заключил молодой мужчина.

Петрович ничего на это не ответил, только покачал неодобрительно головой.

Через несколько десятков километров Влас, управляющий машиной, свернул с магистрали на грунтовую дорогу. Поехали по этой дороге через лес.

– И когда только асфальт здесь проложат! – сетовал Олег.

– Да никогда, – изрёк Влас.

– Тем лучше. Меньше народа будет ездить на наше рыбное место, – уверил спутников Петрович.

– Меньше народу – больше кислороду! – поддержал его Красавчик.

Мужчины проехали ещё километров пять, и внезапно лес расступился, и их взору предстала безупречно блистательная водная гладь.

– Мужики, приехали, – сообщил Влас, остановив машину, – вылезайте.

Друзья бодро вышли из машины, размяли ноги, попрыгав на месте, и принялись разгружать багажник.

– Артём! Палатку неси вон под ту сосну, видишь? – обратился Петрович к Красавчику.

– Вижу, – отозвался тот и направился к указанной цели.

– Олег, Влас, помогите-ка мне лодку достать, – попросил старик товарищей.

Закипела работа. Друзья недавно облюбовали эту стоянку на лесистом берегу Вышневолочковского водохранилища. Теперь они частенько здесь рыбачили, отдыхая от повседневной жизни.

Когда палатка была поставлена, дрова для костра наготовлены, большая резиновая лодка надута с помощью насоса, мужчины приготовили свои рыбачьи снасти. Вечерело.

– Пора! – скомандовал Петрович, – вечерний клёв вот-вот начнётся.

Они сели в лодку и отплыли от берега. Вода искусственно созданного, но всё же прекрасного водоёма отражала закатное солнце. Ветерок, прилетевший под вечер с запада, чуть тревожил поверхность водохранилища, и мелкая рябь казалась розовой из-за отражающегося в ней неба. Похолодало. Петрович поёжился.

– Мужики, вы хоть горячительного чего взяли в лодку для обогреву? – встревожился старик.

– Не боись, Петрович, всё при нас, – весело ответил Артём, – и закусон тоже.

– Уф… – облегчённо выдохнул Петрович, – я уж заволновался. Давайте-ка обогреваться. Где одноразовые стаканчики?

– Вот, держи! – протянул Олег ему прозрачный стаканчик.

Телефонный звонок прервал начавшуюся попойку. Красавчик посмотрел на свой мобильник и раздражённо буркнул:

– Опять Катька! Вот пристала!

– Да ты ответь девушке, Артём, объясни ей, что ты на рыбалке, – посоветовал Влас.

– Не хочу я с ней говорить, – недовольно ответил Артём.

– А что так? – поинтересовался Олег, – помнится, ещё месяц назад ты только и делал на рыбалке, что болтал с Катериной по телефону.

– Дело в том, что я назначил ей на сегодня свидание, – объяснил Красавчик, – и забыл про это.

– Хорош жених… – прокомментировал Петрович.

– А я не жених, – огрызнулся Артём, – ещё чего не хватало!

– Так зачем же ты девушке голову морочишь? – возмутился старик.

– А то ты не знаешь зачем! – отозвался Красавчик.

– И как? Получил, что хотел? – спросил старик.

– Да, – самодовольно сообщил Артём, – поднадоела теперь мне Катька, и другую крепость намерен взять я приступом.

– Какую же? – удивился Олег.

– Это Оксана, подруга Катюхина, – пояснил Артём.

– Во даёт! – воскликнул Влас, – молодец!

– Ничего не молодец, – проворчал Петрович, – сколько девок страдало от тебя, Артём?

– Не знаю. Не считал, – небрежно ответил тот.

– И Катерина наверняка слёзы сейчас проливает из-за тебя, – укорял мужчину старик.

– Да пусть проливает, – заявил Артём, – как сказал классик, «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».

– Ух, какой начитанный! Пушкина цитирует! – поразился Петрович, – да только пушкинского героя с этой философией трудно назвать счастливым.

– А я счастливый, – отозвался Красавчик.

– Ты лиходей, Артём, – проговорил старик, – а таковых счастье обманчиво, потому что нельзя так к людям относиться.

– К людям? – отозвался Артём, – курица – не птица, женщина – не человек.

– Да ну тебя, лиходей! – махнул рукой Петрович.

Несмотря на выпитое спиртное, улов удался на славу. Уже в сумерках рыбаки вернулись на берег, разожгли костёр и, почистив несколько рыбин, занялись приготовлением ухи. Ночь мягко окутала прибрежный лес. Огонь весело трещал, взметая время от времени в тёмное время ярко-оранжевые искры. Мужики, отведав ухи, совсем разомлели.

– Ладно, ребята, – заплетающимся языком промямлил Петрович, – спать пора. А то так утренний клёв проспим.

– Ты прав, Петрович, – согласился Влас и, с трудом поднявшись на ноги, поплёлся к палатке.

Олег ушёл молча. Только Артём ещё оставался сидеть у костра. Он был трезвее своих товарищей, и потому не особо его клонило в сон. Наоборот, не хотелось ему спокойствия. Если бы сейчас он находился в баре или в каком-нибудь клубе, обязательно затеял бы с кем-нибудь драку. Но здесь, на берегу водохранилища, драться было не с кем. Поэтому Красавчик решил просто прогуляться вдоль берега. Он встал на ноги, почувствовал, как кровь, подогретая алкоголем, разносит тепло по всему телу. Из-за облака выглянула полная луна. Её бледный лик в окружении звёзд отображался в тёмных водах. Неожиданно в кустах за палаткой раздался хруст лежащих на земле веток. Молодой мужчина силился разглядеть, кто из его товарищей ещё не спит.

– Петрович! – позвал он, – это ты?

Ответа не было.

– Олег?

Молчание.

– Влас?

И вновь никто не ответил. Но кто-то продолжал наступать на ветки. Артём был не из трусливых, к тому же желание подраться никуда не делось. Он, немного шатаясь, пошёл в сторону, откуда доносился звук.

Артём зашёл за палатку и остановился как вкопанный. Его пьяные глаза различили тёмный силуэт. Приглядевшись, Красавчик понял, что это женщина, одетая в какие-то лохмотья и стоящая к нему спиной. Луна ярко освещала стоянку рыбаков, и Артёму показалось, что у женщины неестественно костлявые руки. Мужчина решил, что перед ним лицо без определённого места жительства. Он достал из кармана небольшой фонарь.

– Эй! – крикнул рыбак подозрительной гостье, – вам чего тут надо? Может, помощь нужна?

Женщина издала какой-то стрекочущий звук, что немало удивило Артёма.

– Я к вам обращаюсь, дамочка! – сердясь крикнул он и направляя на неё включённый фонарь, – если я могу вам чем-то помочь, скажите. Если вам помощь не нужна, проваливайте отсюда!

Женщина начала медленно разворачиваться к мужчине лицом, но лица её он так и не увидел. Вместо лица у загадочной женщины оказалась отвратительная морда! На серой коже зияла окровавленная пасть с острыми клиновидными зубами. Женщина таращила на Артёма единственный глаз, располагавшийся во лбу. Рыбак дико закричал, но закашлялся от собственного крика. Он отскочил назад, споткнулся о еловый корень и упал. Чудище приблизилось к нему и протянуло свои костлявые руки. Воздух наполнился отвратительным смрадом, от которого Артём чуть не потерял сознание. Он почувствовал, как из его груди вытекает что-то невидимое, как будто внутренние силы покидали его. Ужасная женщина открыла свой кровавый рот, показав свой чёрный раздвоенный, как у змеи, язык.

– Что ты такое?! – заорал Артём, – пошла вон!

Он отчаянно шарил руками по земле. Его дрожащие пальцы нащупали полено. Артём схватил полено и запустил его в чудовище. Послышалось ужасающее рычание.

– Эй! Что случилось? – донёсся из палатки голос Власа, разбуженного шумом.

Чудище моргнуло глазом, зашипело и стало удаляться к лесу. Сердце Артёма колотилось, его трясло. Ужас выгнал весь хмель из головы. Жуткая женщина скрылась за деревьями. Красавчик не мог встать, так как ноги его налились свинцом. Он на четвереньках пополз к палатке.

– Мужики! Мужики! – орал он, – просыпайтесь! Чудовище!

– Ты что, спятил? – недовольно проворчал Влас, – что орёшь посреди ночи?

– Там жуткая тварь! Там, в лесу!

– Что у него, «белка», что ли? – сонно пробормотал Олег, – и пили ведь не так много…

– Придурки, вставайте! – истерично вопил Артём, – сюда что-то приходило из леса!

Влас и Олег вылезли из палатки, прихватив с собой фонари и ругаясь.

– Где твоё чудище? – спросил Влас.

– Вот за теми деревьями скрылось, – указал Артём на высокие сосны.

– Пойдём, Олег, посмотрим, что за диво дивное здесь бродит, – сказал Влас.

Мужчины, включив фонари, принялись обшаривать опушку леса. Петрович настолько был пьян, что даже громкие вопли молодого товарища его не разбудили.

– Да нет там никого! – вернувшись к палатке, сообщил Влас.

Олег покачал головой и сказал:

– Слушай, Тём, давай спать. Никаких чудищ в лесу нет, по крайней мере, в этом месте. Если страшилище и было, то только в твоём воображении.

– Тебе пить точно нельзя, – сказал Влас.

Артём сел на бревно у потухшего костра. Друзья постояли у палатки какое-то время, потом им удалось уговорить Артёма залезть внутрь. Все трое укутались в спальники. Мужчины прислушивались к ночным шорохам, пока их не сморил сон.

Страшная ночь подходила к концу. Тусклый свет коснулся макушек деревьев.

– Сони! Подъём! – послышался голос Петровича, – я что-то совсем вас разбудить не могу. Говорил я вам, что рано спать надо лечь.

– Да Красавчик орал ночью, – раздражённо отозвался Влас, – спать не дал.

– Заткнись! – воскликнул Артём, – ты бы сам заорал, если бы увидал эту страхолюдину.

– Какую ещё страхолюдину? – удивился Петрович.

– Это ты у этого припадочного поинтересуйся, – ответил Влас, кивнув на Артёма.

– Артём, что произошло? – полюбопытствовал старик.

Красавчик рассказал старшему товарищу о ночном происшествии. Петрович, нахмурившись, внимательно выслушал его, а потом сказал:

– Ну-ка, пойдём, покажешь, где оно стояло.

Они вышли, обошли палатку, и Кравчик указал место, где накануне произошла ужасающая встреча. Старик стал внимательно осматривать место происшествия. Вдруг что-то привлекло его внимание. Он нагнулся, вглядываясь в землю.

– Смотрите-ка, – произнёс он.

Мужчины увидели, что на земле валяются какие-то грязные тряпки.

– Вот! Я же говорил! – воскликнул взволнованно Красавчик, – эта страшная женщина была одета в такие же лохмотья!

– Что за хрень? – поразился Влас.

– Вчера тут этого трепья не было, – добавил Олег.

– Плохо дело, – тревожно озираясь, произнёс Петрович.

– Что это значит? – удивился Влас.

– Наш Тёмка попал в неприятную ситуацию, – ответил старик, – он повстречал самого настоящего демона, беса уныния и ужаса. В народе это существо зовётся лихо одноглазое. Злой дух, питающийся человеческими пороками и крадущий жизненные силы своей жертвы.

– Ну всё! Петрович тоже рехнулся! – раздражённо заявил Влас, – филиал психушки какой-то.

– А как ты объяснишь вот это? – указал Артём на лохмотья.

– Да мало ли здесь стоянок? – ответил Влас, – сейчас выходные, людей на водохранилище много. Пошутил кто-то. Малолетки какие-нибудь развлекались. Сейчас без труда можно купить страшную маску очень реалистического вида.

На этот разумный аргумент нечего было возразить.

Позавтракали быстро, открыв банки тушёнки. Сели в лодку, отплыли подальше от берега. Но рыбалка не заладилась. Настроение у не выспавшихся друзей было плохим, и дело не клеилось. К тому же погода стала портиться, набежали тёмные тучи.

– Всё! Поехали домой, – сказал Влас.

Все молча повиновались, понимая, что это разумное решение. Они высадились на берег, собрали палатку, загрузили вещи в машину и уехали.

Вечером того же дня в посёлке в частном доме Красавчик сидел на крыльце и курил. Он размышлял о ночном происшествии. Что это было? Галлюцинации? Но он не был алкоголиком, да и вчера они не так уж много выпили. Хотя, с другой стороны, были, несомненно, пьяны. Артём хотел верить, что всё ему просто померещилось. Он сплюнул на землю, затушил окурок и зашёл в дом. Зазвонил телефон. Красавчик не глядя нажал кнопку приёма вызова.

– Тёмочка! Тёма, – послышался плачущий женский голос, – ты не пришёл на свидание… Мы же договаривались встретиться. Я прождала тебя полночи!

– Катька, не звони мне больше, – безразлично произнёс Артём и отключил телефон.

Сгущались сумерки. Тёмные вечерние тени выползали из леса, окружавшего посёлок. Артём заглянул в холодильник.

– Блин, пива не осталось, – с досадой пробормотал он, – придётся тащиться в «Пятёрочку», пока она не закрылась.

Красавчик накинул куртку и вышел из дома.

Купив пива, Красавчик задумчиво побрёл домой. Ему предстояло пройти узкой дорожкой, укрытой от глаз кустами сирени. Он вступил под свод высоких кустарников и тут же почувствовал отвратительный запах, такой же, как и предыдущей ночью во время страшного происшествия. Артём замер, зажав нос. Он взглянул вперёд и с ужасом увидел тёмный силуэт и уже знакомое скрежетание. Трясущимися руками мужчина включил фонарик на мобильнике и направил его на жуткую фигуру. И вновь крик вырвался из его горла, потому что в метрах десяти от него стояла та самая ужасная женщина с одним глазом во лбу!

Артём бросился бежать. Он бежал не оглядываясь домой другой дорогой. Когда он достиг цели, то забежал в здание и запер дверь на засов. Отдышавшись, он всё ещё дрожащими пальцами стал нажимать кнопки телефона.

– Алло, – раздался голос Власа.

– Влас! – закричал Красавчик, – она в посёлке!

– Кто? – недоумевал его друг.

– Эта жуткая женщина! Лихо одноглазое!

– Артём, успокойся, – ответил Влас, – выпей пива, и всё пройдёт.

– Ты не понимаешь! – со злобой ответил Артём, – она в нашем посёлке! Я из «Пятёрочки» шёл и нарвался на неё, еле ноги унёс.

– У нас в посёлке и не такие страшилы по вечерам бродят, – засмеялся Влас, – а сейчас извини, у меня вечер с любимой супругой. Утром расскажешь продолжение твоего триллера.

– Влас! – прокричал Артём.

Но ответа не было. Влас отключился.

Внезапно Красавчик услышал, что Альма, немецкая овчарка, охранявшая дом, заскулила. Красавчик посмотрел в окно. Ему хорошо был виден двор и собачий вольер. Альма, прижавшись к стенке вольера, трусливо скулила. На неё это было не похоже, ведь Альма была очень агрессивной и бесстрашной собакой. Артём открыл окно.

– Альма, ты чего? – спросил он.

И вдруг из-за угла дома медленно выплыла фигура. Её освещал фонарь, висевший на крыльце. У Красавчика замерло сердце. На него уставился жуткий глаз кошмарной женщины. Артём мигом закрыл окно и отпрянул вглубь комнаты. В неописуемом волнении прислушивался он к зловещей тишине. Он смотрел в окно и увидел, как сквозь стекло на него глядит отвратительная одноглазая морда. Существо протянуло руки к стеклу и заскрежетало по нему длинными когтями костлявых рук. Артём бросился вон из комнаты. Он забежал в свою спальню, находившуюся на противоположной стороне дома, выпрыгнул в окно, перелез невысокий забор и пустился прочь.

Ночь сделалась совсем непроницаемой. Красавчик, тяжело дыша, барабанил в ворота металлического забора.

– Петрович! – орал он, – Петрович! Открывай!

Ему долго не отвечали. В конце концов на крыльце появился сонный Петрович.

– Ты знаешь, который сейчас час? – недовольно проворчал старик, но всё же впустил Артёма.

– Там оно! – простонал Артём, – оно! Лихо одноглазое возле моего дома!

– Быстрее в дом! – потребовал Петрович. Когда они зашли в дом, Артём рассказал, что произошло.

– Вот что, парень, – обратился к нему Петрович, усаживая незваного гостя за стол, – это лихо от тебя так просто не отстанет.

– Да на фига я ему сдался-то? – взволнованно возмутился Красавчик.

– А это тебе лучше знать, – промолвил старик, – лихо одноглазое питается отрицательными человеческими эмоциями. Оно даже может сожрать человека, вокруг которого веет печалью и горем.

– Но это точно не про меня! – возмутился Артём, – я молодой здоровый мужчина, жизнерадостный человек, живущий на полную катушку…

– Живущий на полную катушку? – прервал его Петрович, – и скольких людей задела твоя эта «катушка»? Сколько слёз из-за тебя выплакано? Ты не думал об этом? Катька наверняка всю ночь проплакала, пока ты на рыбалку с нами ездил. И скольких девушек ты обидел? А мать свою ты давно навещал? Сдал её в дом престарелых, как только лишилась она возможности ходить.

Красавчик молчал, потом, подумав, сказал:

– Но это просто такие обстоятельства жизни…

– Но Олег же заботится о своём немощном отце, не бросает его и не сдаёт в казённое учреждение.

– Ха! А о ком ему ещё заботиться? – усмехнулся Артём, вспомнив о своём полноватом и немного неуклюжем друге, – девушки-то у него нет. Он простофиля совсем и внешностью не вышел.

– А у тебя, я гляжу, много девушек, но ни об одной ты не заботишься, – упрекнул Артёма старик.

– Да это просто… это так… победы на любовном фронте… для галочки, – замялся Красавчик.

– Победы? – гневно переспросил Петрович, – а ты вспомни о победах во время Великой Отечественной войны. Вот это победы! И какой ценой! А ты кого победил? Доверчивые сердца? Чем ты гордишься? И не стыдно тебе?

Артёму нечего было возразить.

– Вот что, Красавчик, – решительно заявил Петрович, – завтра в церковь пойдём, как раз праздник большой.

– Ты смеёшься? Ты что, в церковь ходишь?

– А что тут такого? – с достоинством ответил старик.

– А! Алкоголик-праведник, да? – съязвил Артём.

– Если ты готов только насмехаться над всеми и замечать лишь недостатки окружающих, можешь возвращаться домой и составить своему лиху компанию.

При упоминании о чудовище Артём побледнел.

– Ладно, – угрюмо согласился он, – пойдём завтра в церковь.

Рассвет озарил посёлок золотом солнечных лучей. Бледнеющее небо начало приобретать лазурно-голубой цвет. Колокольный звон плыл в утренней дымке, возвещая о православном празднике. Люди спешили в новую церквушку, построенную несколько лет назад. Петрович провёл Красавчика поближе к алтарю. Артём, не привыкший к участию в богослужении, растерянно смотрел по сторонам. Вдруг его внимание привлекла молодая женщина с красивым, но печальным лицом.

– Ксюша? – ошарашено проговорил он.

Женщина, услышав своё имя, обернулась и изумлённо посмотрела на Красавчика.

– Артём… – сказала она сдавленным голосом, – ты как здесь?

– Да вот… – замялся Артём, – беда привела…

Ксения посмотрела на него испуганно.

– Что-то случилось? – пролепетала она, – что-то с твоей мамой?

Артём заглянул в её бездонные синие глаза. Он хорошо помнил эти глаза. Сколько раз он врал, глядя в них!

Память перенесла Артёма на семь лет назад. Тогда Красавчик встречался с Ксюшей и очень гордился, что рядом с ним такая милая и симпатичная девушка. Память вновь и вновь рисовала перед ним картинки из прошлого. Артём вспомнил, как он впервые признался Ксюше в любви, вспомнил их романтические свидания и совместные поездки. Вспомнил он и тяжёлый разговор.

– Ксюш, выходи за меня, – сказал тогда Красавчик, доставая из кармана коробочку с золотым колечком.

Ксюша, расплакавшись от счастья и лучезарно улыбаясь ответила:

– Конечно, я выйду за тебя замуж! Спасибо, любимый, за прекрасный подарок. Это кольцо я буду носить до самой смерти. Знаешь, милый, у меня ведь тоже для тебя подарок.

Девушка достала какую-то бумажку, свёрнутую в трубочку и перевязанную красивой ленточкой.

– Что это? – удивился Артём.

– Это тебе подарок на всю жизнь, – дрожа от волнения, ответила Ксения.

Красавчик развернул загадочный свёрток. Это оказалась медицинская справка. В полном недоумении молодой мужчина начал её изучать и прочёл заключение врача: «Беременность, семь недель». Холодный пот проступил у него на лбу. Взглянув на его прекрасное лицо, Ксения испугалась.

– Ты что, не рад? – проговорила она.

– Я просто в шоке, – пробормотал Артём, хмурясь, – надо же, перед свадьбой такое случилось… но это исправимо… Ксюш, всё будет хорошо, мы решим проблему.

– Проблему? – переспросила девушка.

– Современная медицина позволяет быстро решить такие дела, – ответил Красавчик, – поедем в крупный город, в частную клинику… Родные и друзья ничего не узнают.

– О чём ты? – бледнея, выговорила Ксения.

– Ксюша, – взяв себя в руки, отозвался Артём, – мы только начинаем жить. Мы молоды, красивы, полны планов на будущее. А какое будущее ожидает нас с ребёнком? Нет уж! Я не готов вступить в ряды несчастных папаш, ломающих голову, как прокормить своё чадо.

– Но ты же сделал мне предложение! Ты говоришь, что любишь меня! – со слезами на глазах воскликнула девушка.

– Вот именно, что люблю, – ответил Артём, – поэтому не хочу, чтобы ты связывала себя узами материнства.

Красавчик многозначительно замолчал. Ксения расплакалась.

– Но я хочу ребёнка, – заявила она, когда рыдания ненадолго прекратили сотрясать её тело.

– Значит, так, – жёстко ответил Артём, – тебе придётся выбирать: или я, или ребёнок! Ты сейчас не в себе. Отоспись, успокойся. Уверен, ты сделаешь правильный выбор. Я уйду, не буду мешать тебе прочувствовать, какого жить без меня. Через пару дней я позвоню.

Красавчик вышел из помещения, оставив свою невесту, раздавленную горем.

Через несколько дней к одному из коммерческих медицинских центров крупного города Тверской области подъехала машина. Из неё вышли молодой мужчина и заплаканная девушка. Это были Артём и Ксения.

– Всё будет хорошо, дорогая, – подбадривал Артём свою подругу, – врач сказал, что срок маленький, последствий не будет. Ты приняла правильное решение. Теперь я вижу, что ты действительно меня любишь.

Прошло два месяца. Метель завывала за окном, наводя тоску на измученную душу Ксении.

– Артём, – тихо позвала она, – Артём.

– Чего тебе ещё? – грубо ответил Красавчик.

– Ты сделал мне предложение, помнишь? Когда же мы пойдём в загс подавать заявление? Все спрашивают, когда свадьба…

– Слушай, Ксюша, – раздражённо ответил Артём, – думаю, мы поторопились, поклявшись друг другу в любви и объявив всем о своём намерении пожениться.

– То есть как? – возмутилась Ксюша, – ты же говорил! Ты же признавался в любви!

– А теперь всё изменилось, – ответил Красавчик, – я не уверен, что хочу стать твоим мужем, и вообще, нам лучше пока прекратить наши встречи. Мне нужно всё обдумать.

– Ты не можешь так со мной поступить! – разрыдалась девушка, – я же ради тебя пошла на всё! Я ради тебя убила…

– Кого ты убила, Ксюш, сгусток клеток? Не говори глупостей!

– Я уже любила его! – сквозь рыдания прокричала Ксения, – ты… ты жесток! Ты любишь только себя!

– Раз я люблю только себя, тогда зачем я тебе такой нужен? Всё! С меня хватит этих истерик! Наши отношения зашли в тупик. Прощай! Не звони мне.

Артём, гневно сверкая глазами, начал одеваться.

– Тёмочка! – взмолилась Ксюша, – Тёмочка, перестань! У нас всё ещё наладится.

– Нет, не наладится, – ответил Красавчик и, открыв дверь, вышел навстречу снежной пурге.

– Будь ты проклят! – в отчаянии закричала девушка ему вслед.

Все эти картины из прошлого колыхались теперь в сознании Артёма болезненными воспоминаниями. Громкий возглас священника вернул его к реальности. Красавчик растерянно оглядывал толпу людей, ища Ксению, которая уже успела куда-то уйти. После окончания праздничного богослужения взгляд Артёма всё ещё блуждал, пытаясь отыскать Ксюшу. Подошёл Петрович.

– Ну как ты, Тёма? – участливо спросил старик.

– Не знаю, – буркнул Артём, – я тут знакомую встретил. Ксению…

– Я видел, как вы разговаривали, – ответил Петрович, – хорошая она женщина. Жена одного состоятельного прихожанина, спонсора нашей церкви. Отличные они люди, беднякам помогают. Только омрачена их семейная жизнь отсутствием детей. Не может Ксения забеременеть. Изболелась душа у неё. Каждое воскресенье в церковь приходит и плачет, плачет.

– Жаль, – растерянно проговорил Артём, – а врачи что же?

– А что врачи? – переспросил Петрович, – врачи тут ничем помочь не могут, коли бездетность – наказание за аборт…

– Аборт? – ужаснулся Артём.

– Ну да, – подтвердил старик, – говорят наши бабульки, что бедная Ксюша с подонком каким-то встречалась раньше. Что пожениться будто бы они собирались. Да только парень непорядочный оказался, как узнал, что она беременная, заставил её аборт сделать. А потом, искалечив несчастной девушке и душу, и тело, бросил её да и был таков.

Артём, тяжко застонав, опустился на резную скамью, стоявшую под иконами. Ему казалось, что лики святых грозно взирают на него со всех сторон.

– Петрович, – дрожащим голосом произнёс Артём, – ведь этот подонок я.

– Ты?! – поразился старик, – тогда это многое объясняет. Что же ты наделал, Артём?

– Пойдём отсюда, – мрачно ответил Красавчик, – мне тяжко находиться в церкви, как будто все святые готовы покарать меня. Тьма объяла мою душу.

– Ты сам пустил её туда, – задумчиво проговорил Петрович.

Мужчины вышли из церкви. Артём, безразличный ко всему окружающему, брёл по дорожке.

– Пока, Петрович, – уныло сказал он и, оставив старика, отправился в магазин.

– Привет, Красавчик, – кокетливо обратилась к Артёму молоденькая продавщица.

– Здравствуй, Оксана. Дай-ка мне бутылку.

– Как всегда, пивка?

– Нет. Водки.

– Ты что-то не весел. Катя тоскует по тебе. Она тебе разонравилась? Может, я приглянусь? – сверкая глазами, спросила Оксана.

– Оксана, – обратился к ней Артём, – передай Катерине, что я очень виноват перед ней. Пусть простит меня, если сможет…

Вечером Артём был пьян. Он сидел на полу, уставившись на входную дверь. В полночь дверь со скрипом отворилась, и на пороге появилась та самая одноглазая женщина-монстр. Она страшно таращила свой единственный глаз. Гнилые зубы её жутко скрежетали, пронзая тишину. В окровавленных руках лихо держало какой-то грязный свёрток. Вдруг свёрток зашевелился, и к ужасу Артёма раздался пронзительный младенческий плач!

– Нет! Не надо! – заорал Артём, вскочил и бросился к окну. Он разбил стекло и выскочил на улицу. Стояла темень. Артём помчался, не разбирая дороги, а в ушах у него звенел детский крик и жуткий скрипучий смех. Он споткнулся, упал и потерял сознание.

Артём очнулся и не сразу понял, где находится. Он захотел пошевелить рукой, но с удивлением обнаружил, что руки его привязаны к больничной койке. То же самое было с его ногами. Мужчина огляделся. Пустынные стены давили со всех сторон. Он попытался вспомнить, как он сюда попал, но память его не могла выдать такую информацию. Вдруг дверь отворилась, и в помещение зашёл человек в белом медицинском халате, а вместе с ним пожилой мужчина.

– Петрович! – воскликнул Артём.

– Вот видите, Степан Михайлович, он меня узнаёт.

– Да, – согласился врач, – но белая горячка так просто не пройдёт. Рано его ещё выписывать. Он только очнулся.

– Артём, – взволнованно сказал Петрович, когда врач оставил их одних, – ты как?

– Бывало и получше, – вздохнул Артём.

– Ты его снова видел? Лихо это?

– Да, видел, – подтвердил Красавчик, – оно теперь никогда от меня не отстанет. Лучше уж петлю на шею…

– Но-но-но! Ты это брось! – грозно предостерёг Петрович, – оно только этого и ждёт. Ведь лихо одноглазое питается человеческими негативными переживаниями, злобой, обидой, отчаянием и унынием. Оно пристаёт к какому-нибудь человеку и пожирает его, пока совсем не погубит. Человек либо спивается, либо на себя руки накладывает.

– И за что мне всё это! – вознегодовал Красавчик.

– Я думаю, ты знаешь, за что, – отозвался Петрович, – прекрати себя уже обманывать! Зовёшься ты Красавчиком, потому что внешность твоя – хоть в голливудских фильмах снимайся. Да! Внешностью ты можешь гордиться, но как выглядит твоя душа? Уж не является ли страшное чудище отражением твоего внутреннего мира?

Артём не говорил ни слова.

– То-то и оно, – горестно вздохнул старик, – вот и прицепилось к тебе лихо одноглазое.

– А делать-то что? – затравленно спросил Артём.

– Исправляться, – ответил Петрович.

Прошла ещё неделя. Артёма выписали из больницы, и теперь стоял он перед зеркалом в своём доме и не узнавал себя. Куда делся Красавчик? В зеркале отображался усталый изнурённый человек с впалыми, заросшими щетиной щеками и воспалёнными глазами.

– Вот кто лихо… – пробормотал Артём.

Он посмотрел на часы, день был в самом разгаре. Артём встрепенулся и решительными шагами направился в баню. Побрившись и переодевшись, он покинул дом.

Через два часа Артём с замиранием сердца заходил в одну из многочисленных комнат областного дома престарелых. Возле окна в инвалидной коляске сидела пожилая женщина.

– Здравствуй, мама, – дрожащим голосом обратился к ней Артём.

Женщина подняла глаза на сына, и её лицо озарилось улыбкой.

– Сынок! – обрадовалась она, – а я уже не чаяла с тобою свидеться перед смертью.

– Я пришёл к тебе, мама, – плача, ответил Артём.

Мать и сын долго беседовали, роняя горькие слёзы.

– До встречи, мама, – уходя, сказал Артём, – готовься скоро поехать домой!

Солнце склонялось к горизонту, устав за целый день обогревать поля и леса. Артём, вернувшись к вечеру в посёлок, отправился к дому Ксении. Он долго не решался постучать в дверь. Наконец, набравшись храбрости, всё-таки постучался. Дверь отворил бородатый мужчина.

– Здравствуйте, – промямлил Артём, а с Ксенией поговорить можно?

– А вы кто? – поинтересовался бородач.

– Я… старый знакомый… а вы, должно быть, её муж?

– Совершенно верно, – подтвердил мужчина догадку Артёма, – меня Фёдором зовут.

– Я Артём.

– Ксении нет дома, – сообщил Фёдор, – сегодня она поздно будет, поехала в город очередной раз проходить обследование. Измучилась она у меня совсем. Вот скоро пойду её на станцию встречать с электрички. Машина наша в ремонте, надо идти за ней, чтобы не одна она шла пешком через лес в потёмках.

– Фёдор, разрешите мне пойти с вами Ксению встречать, – взмолился Артём, – не подумайте ничего плохого. Мне надо прощение у вашей жены попросить. Я очень виноват перед ней…

– Ну раз виноват, пошли.

В сгущающихся сумерках мужчины подходили к железнодорожной станции. Раздался гудок подъезжающего электропоезда. Когда электричка остановилась, из вагона вышла Ксюша. Она застыла в изумлении, увидев рядом со своим мужем Артёма.

– Вы поговорите, коли так надо, – сказал Фёдор и деликатно отошёл в сторону.

– Послушай, Ксюша, прости меня за всё, – запинаясь, проговорил Артём.

Ксения молча глотала слёзы. Она ничего ему не ответила, а подошла к мужу и сказала:

– Пошли домой, Фёдор.

Артёму ничего не оставалось делать, как только поплестись следом за семейной парой, проклиная своё прошлое.

Они шли лесной дорогой.

– Кто-то идёт нам навстречу, – сообщил Фёдор, включая фонарь, – странно, зачем кому-то идти на станцию, ведь электричек сегодня больше не будет.

Артём задрожал. Он почувствовал, что ноги его подкашиваются.

– Это женщина какая-то, – сказала Ксения и стала вглядываться во тьму, пронзённую лучами фонаря.

– Это за мной, – глухо выговорил Артём.

– Ну ничего себе! – удивился Фёдор, – я свою жену встречаю, а тебя, Артём, значит, женщина встречает.

– Это чудовище! – выпалил Артём, – уходите!

– Ты что, мужик, сбрендил? – недоумевал Фёдор, – пить меньше надо…

Но его речь прервал истошный крик жены. Посмотрев вперёд, Фёдор увидел жуткое существо. Оно, щёлкая окровавленным ртом и протянув вперёд скрюченные руки, двигалось прямо на Артёма.

– Ксюша! Прости меня! – заорал Артём, – мне, похоже, конец пришёл! Хоть умирающего прости! Я так виноват!

Лихо, услышав отчаянные возгласы своей жертвы, хищно ухмыльнулось и зачавкало, пуская зловонные слюни и предвкушая трапезу. Фёдор, схватив какую-то палку, подбежал к страшной женщине-монстру и заорал:

– Пошла прочь, нечисть!

Но лихо, устремив на него единственный глаз, криво улыбнулось и продолжило надвигаться на Артёма.

– Господи, помоги! – взмолился Артём.

Жуткое лицо чудовища исказилось смертельной злобой. Оно, зашипев и совершив прыжок вперёд, оказалось совсем рядом со своей жертвой. Но Фёдор, размахнувшись, шарахнул чудище палкой по спине. Однако лихо даже не обратило на это внимания, оно пожирало Артёма своим взглядом, находясь от него на расстоянии двух шагов. Окровавленная рука с длинными когтями протянулась к Артёму…

– Артём! Я тебя прощаю! – вдруг раздался голос Ксении.

Артём уже приготовился умереть, но, как только Ксюша прокричала о том, что он прощён, лихо резко замерло. Оно издало жуткий замогильный вой, от которого у всех троих чуть сердце не остановилось. Чудовище повалилось на землю и закорчилось, как полураздавленный червяк, царапая почву когтями. Артём видел, как лихо начало сморщиваться и уменьшаться в размерах, пока совсем не исчезло. Ошарашенные Фёдор и Ксения долго не могли пошевелиться.

– Что это было? – проговорил наконец Фёдор, придя немного в себя.

– Это лихо, – запинаясь, ответил Артём, – лихо одноглазое. Оно приходит к лиходеям, чтобы забрать их жизнь.

Прошёл год с небольшим с той страшной ночи. После воскресной службы в церкви Артём подошёл к Петровичу и сказал:

– Сегодня девять дней со дня кончины моей мамы.

– Да, Артём, я помню, – ответил старик, – ты хорошо сделал, что забрал её из дома престарелых. Она провела последний год своей земной жизни, почувствовав заботу и любовь сына.

Артём вздохнул и сказал:

– Жаль, что я раньше был таким чудовищем.

– Теперь ты всё понял и, слава богу, исправляешься, – подбодрил его старик и прошептал, хитро подмигнув, – знаешь, что по секрету поведала мне моя жёнушка? У Фёдора и Ксении скоро будет малыш!

– Это поистине лучшая новость, что я слышал за последнее время! – прослезился от радости Артём.

Спустя несколько месяцев Артём продал свой дом и уехал. Кто-то рассказывает, что он пожертвовал все деньги от продажи дома кризисному центру для женщин с детьми и принял монашество. Другие утверждают, что он просто поменял место жительства. Так или иначе, но больше Артём Красавчик в посёлке ни разу не появился.

Юлия Лихачёва

Сумеря

– Чёрт! Вот идиотка! – Наташа с досады дёрнула большой навесной замок на калитке.

Затем снова внимательно перебрала ключи на связке с брелочком-сердцем. Будто надеялась обнаружить ранее незамеченный, который подошел бы к замку. Не нашла. Девушка тряхнула головой, откидывая с лица пряди рыжих волос, озадаченно закусила губу и огляделась по сторонам. Дневной свет медленно уходил, уступая место мягким сумеркам. В дачном посёлке стояла безмятежная тишина, нарушаемая лишь пением сверчков да свистом соловьёв в небольшой рощице на окраине. Ни голосов людей, ни лая собак. Посёлок словно вымер в столь ранний вечерний час.

Наталья посмотрела на старый деревянный дом, темнеющий за забором. Нахмурилась, размышляя о том, как же так вышло, что на связке ключей от родительской дачи не оказалось самого главного – отпирающего калитку. Что же ей, Наташе, теперь делать? Не возвращаться же обратно по темноте. Она живо представила пустую платформу, окруженную густыми зарослями кустов. Как долго она простоит там в ожидании электрички, и насколько это может быть опасно? Проверять она не хотела. Равно как и возвращаться домой после того, как вдрызг разругалась с мамой и соврала ей, что едет в общагу, чтобы не слышать больше нравоучений. Но и в общежитие девушка не поехала. Меньше всего она желала общаться с соседкой по комнате, разболтавшей всем о том, что Наталья встречается сразу с несколькими парнями. Дура набитая, болтающая ерунду о других лишь потому, что у самой жизнь не клеится. Единственное место, где Наташа могла укрыться ото всех и побыть наедине с собой – эта дача, на которую не попасть из-за запертой калитки.

Девушка набрала в грудь воздух и с шумом выдохнула, пытаясь унять раздражение и злость. Потом воровато огляделась по сторонам, высматривая, не наблюдает ли кто за ней. В доме напротив вроде шевельнулась занавеска, точно кто-то, украдкой подглядывающий, резко отпрянул от окна. Или же это была лишь игра воображения? «Да какая разница, – сердито подумала девушка. – Пусть смотрят, если больше нечего делать. Я же не в чужой дом лезу, а в свой». Она ещё раз оглянулась по сторонам. Тёмные окна домов равнодушно взирали на неё, топчущуюся в нерешительности у ворот. Словно застеснявшись этого мнимого взгляда, Наталья перекинула небольшой рюкзачок через забор и шагнула в сторону, под защиту буйной зелени разросшихся у калитки кустов сирени. И только там скрытая от посторонних глаз девушка ловко перемахнула через преграду и мягко приземлилась в густой траве. Навстречу ей вылетел десант комаров, закружился вокруг лица, радостно пища. Наташа разогнала их рукой, поднялась на ноги и шагнула к лежащему на дорожке рюкзаку. Что-то дернуло её за ногу. Лодыжку обожгло болью. Девушка потеряла равновесие и, взмахнув руками, неуклюже упала на землю. Комары вернулись, торжествующе кружа над поверженным противником. Наталья села и оглянулась назад, желая понять, что держит её. Вокруг щиколотки обмоталась толстая нить, которая вместе с длинной травой образовала нехитрую ловушку для недотёп. Вымещая на ней всю свою досаду, Наташа дёрнула нить изо всех сил, и та лопнула с еле слышным хлопком. Поднявшись на ноги, девушка отряхнула налипший на одежду сор и, подхватив рюкзачок, поспешила к дому.

Старый замок входной двери поддался не сразу. Поупрямился немного, явно недовольный тем, что его потревожили впервые за несколько лет отсутствия хозяев, но потом всё же сдался, неохотно щёлкнул и пропустил Наталью внутрь. Переступив порог, девушка нащупала выключатель на стене, безрезультатно пощёлкала им, а затем, осенённая внезапной догадкой,

подкрутила электрические пробки. Под потолком вспыхнула тусклая лампа в пыльном абажуре. Мгла испуганно шарахнулась прочь из дома, обиженно сгустилась за окном.

– Наконец-то! – выдохнула Наташа и захлопнула за собой входную дверь.

Не разуваясь, она прошла в кухню, зажгла свет и села на табурет. Поймала растерянный взгляд своего отражения в пыльном зеркале старого шифоньера, стоящего у стены напротив. На фоне ярко-рыжих волос лицо выглядело бледным и усталым, в голубых глазах притаились растерянность и страх, уголки по-детски припухлых губ были скорбно опущены. Девушка поймала себя на мысли, что уже жалеет о своём необдуманном решении сбежать на дачу тайком ото всех. Случись с ней что-нибудь в этой глуши, никто не придёт на помощь. Никто даже не знает, где её стоит искать. А в следующее мгновение Наталья, сердито передёрнув плечами, прогнала эти мысли прочь от себя. Кто сказал, что с ней должно что-то случиться? Что за странные мысли лезут ей в голову?! Она просто переночует здесь, а завтра утром решит, куда ей направиться дальше.

Удобно расположившись за кухонным столом, Наташа раскрыла рюкзачок и, порывшись в нём, выкинула на стол пачку чипсов, маленькую упаковку сырных крекеров, заколку для волос, мобильник. Наконец, извлекла наружу сигареты, вытащила одну и с облегчением закурила, наслаждаясь тем, что может делать это абсолютно свободно, не опасаясь быть пойманной мамой.

В доме стояла непривычная напряжённая тишина. Никогда ранее Наталья не бывала на даче одна. Пока была жива бабушка, девушка приезжала сюда вместе с родителями. Небольшой деревянный дом наполнялся звуками: шагами, бормотанием работающего телевизора или радиоприёмника, стуком молотка, разговорами и смехом. А когда родители уезжали, оставляя дочь на попечении бабушки, звуки редели, но были не менее разнообразными благодаря пожилой женщине: шарканье ног в старых мягких тапочках, покашливание, бормотание себе под нос. Телевизор подвергался жестокой опале: «Нечего сызмала глазки ломать!», а радиоприёмник транслировал только радиостанцию «Маяк», верность которой бабуля сохраняла до конца своих дней. Всё это так живо вспомнилось Наташе в плотной тишине давно пустовавшего дома, что на короткое мгновение показалось, она чувствует незримое присутствие этой крепенькой старушки: запах недорого шампуня, мази от радикулита, дешевого туалетного мыла «Сирень». Будто бабуля совсем рядом, в соседней комнате, и сейчас выползет оттуда, шаркая тапочками, бормоча что-то под нос, неспешная, как старая мудрая черепаха. Та самая, которая держит весь мир на своём панцире. По крайней мере, маленький мирок Наташиной семьи она точно держала. Не прошло и полгода с бабушкиной кончины, как родители развелись, словно страх перед этой суровой женщиной сдерживал их. В тот же год они прекратили приезжать на дачу. По поводу последнего Наташа совсем не переживала. Она, проводя здесь каждое лето, воспринимала всё как ссылку, куда её отправляли, чтобы не мешалась под ногами.

Девушка невесело усмехнулась и затушила сигарету в старой жестяной крышке, одиноко лежащей перед ней на столе. На автомате, не отдавая себе отчёта, вскрыла упаковку чипсов, достала один ломтик, остро пахнущий приправой, повертела его и задумалась. Она, несомненно, хотела есть. Прошло несколько часов с тех пор, как она покинула дом. Однако сейчас, в данный момент, она гораздо сильнее хотела пить. Нестерпимо хотела выпить горячего чая или кофе, или, на худой конец, сделать пару глотков обычной воды. Следующая мысль, пришедшая в голову, заставила Наталью раздосадованно хлопнуть ладонью по поверхности стола. Вот ведь дура набитая! Чипсы и крекеры в магазине рядом со станцией она купила, а про бутылку воды даже не подумала, будто рассчитывала, что на даче её ждёт бабуля с горячим чайком. Помирать теперь ей от жажды всю ночь. Или нет?

Пока была жива бабушка, она всегда занималась садом и огородом, ухаживала, поливала водой из шланга. А раз есть вода для полива, она вполне сгодится и для питья, нужно лишь хорошенько её прокипятить. Наташа порывисто встала, полная решимости устроить себе чае-

питие, вытащила из кухонного шкафчика кастрюлю, взяла со стола свой мобильный и направилась на поиски воды. После неяркого уютного света маленькой кухоньки вечерние сумерки показались девушке слишком плотными, точно кто-то пролил густо-синие чернила. Из окна дома на растущую возле него траву падал зыбкий желтоватый свет, очерчивая квадратный островок. Далее всё скрывала тёмная завеса грядущей ночи. Сильно заросший, запущенный за несколько лет сад, тихий и угрюмый, больше походил на непролазные лесные заросли. Девушка невольно поёжилась, чувствуя, как беспричинная тревога осторожно тронула душу. Пощелкав клавишами телефона, Наташа выбрала нужную программу и включила на мобильнике маленький, но довольно яркий фонарик. Мрак вежливо расступился прочь, безмолвно обещая взять реванш чуть позже, когда на западе угаснут последние отсветы ушедшего за горизонт солнца. Освещая себе дорогу, Наталья шагнула в заросли высокой травы.

На шланг она наткнулась почти сразу, едва сделав десяток шагов. Он лежал чуть в стороне, у ствола старой яблони, свернувшийся кольцами, как жутковатая затаившаяся перед прыжком змея. Чуть зазеваешься – и она ринется на тебя и стиснет в смертельных объятиях. Наташа тряхнула волосами, отгоняя назойливые мрачные мысли. И без них ей было не слишком уютно одной на запущенной даче. Подсвечивая фонариком телефона, девушка проследила, куда уползает шланг, и двинулась за ним, продираясь сквозь траву. Вскоре она наткнулась на водопроводную трубу, с которой соединялся шланг, с усилием открутила вентиль и не без удовольствия прислушалась к шуму воды.

Возвращаясь обратно в спешке, девушка наступила в образовавшуюся возле яблони лужу, промочила ноги, обутые в новенькие туфельки-балетки, но почти не обратила на это внимания. Гораздо больше её занимала возможность выпить горячего чая, сидя за столиком в кухне или в комнате на диване, подтянув к себе ноги. Ярко представляя себе кружку горячего ароматного напитка, Наталья подняла конец шланга и разочарованно-испуганно вскрикнула, отшвырнув его подальше в кусты. Вместо воды текла зловонная красно-коричневая жижа, похожая на спекшуюся кровь. От тяжёлого железистого запаха затошнило. А в следующий миг девушка нервно рассмеялась, поняв, что вода в трубе успела застояться за несколько лет и надо лишь подождать, пока она сольётся.

– Как в дешёвом фильме ужасов! – вслух объявила Наталья, чтобы окончательно прогнать нервное напряжение.

Она шагнула к кустам, снова наступила ногой в бегущий ручеёк, извлекла оттуда шланг-змею. Вода, вот счастье-то, текла теперь светлая и без запаха. Наполнив кастрюлю и перекрыв воду, Наталья осторожно пошла к дому. Немного расплескала по пути, в том числе и в многострадальную обувь, но совсем не расстроилась. В доме она походит и босиком, зато у неё появилась возможность напиться чаю. У порога ей пришлось поставить кастрюлю на землю, чтобы открыть дверь. За спиной, где-то в глубине сада, раздался осторожный шорох, треснула ветка и всё смолкло. Наташа испуганно вздрогнула и оглянулась, всматриваясь в окружающие её заросли кустарника и деревьев. Но звук не повторился, и она в который раз уже упрекнула себя в излишней нервозности. «Это, наверное, кошка, – успокоила девушка саму себя. – Или птица». Совсем некстати вспомнилось, как бабушка стращала её, маленькую, по вечерам: «Хватит гулять, темно уже! Вот сумеря тебя схватит!» Она никогда не утруждала себя объяснениями, кто такой сумеря и почему он обязательно схватит, но от этого было лишь страшнее. Бабуля была сильна на всякие деревенские страшилки. Наталья усмехнулась. Взглянула на тёмно-синее небо, с проступившими на нём яркими звёздами. С запада на небесную гладь будто кто-то медленно натягивал одеяло: широкой полосой небосвод затягивала туча, обещавшая изменение погоды на более влажную и безрадостную. Лица девушки коснулось лёгкое дыхание ветра, несущего прохладу и дождь. В нём почудились еле уловимые неприятные нотки, напоминающие о болоте и мелких пузырьках, поднимающихся со дна трясины, где тысячи лет что-то гниёт, разлагается, превращаясь в зловонный газ. Едва ощутившись,

запах исчез, унесённый новым, более явным вздохом ветра. Тот прошёлся по кронам деревьев, заставляя их встревоженно шептаться, сдул прядь волос со лба Наташи. Над ухом уныло запищал комар, она сердито прихлопнула его и, подняв кастрюлю, зашла в дом.

Пока закипала вода, девушка обыскала сервант в поисках заварки. Картонная коробка с чайными пакетиками обнаружилась в самом дальнем углу, за старым сервизом и вазочкой, заполненной пожелтевшими квитанциями. Слегка выцветшая, припудренная пылью, с нарисованной ежевикой на крышке. Чёрный с фруктовым ароматом. Бабулин любимый. Открыв коробочку, Наташа вдохнула запах чая, сдобренный пылью и отдающий сыростью. Ну, чем богаты, как говорится. Выбирать ей не приходилось. А вот сахар найти так и не удалось. Тщетно она заглядывала во все коробочки, открывала крышки жестяных банок. Во всех обнаруживала лишь пустоту. Только в одной на дне оказался моток красных толстых ниток наподобие тех, в которых запуталась её нога при штурме забора.

– Хреново, – недовольно объявила девушка в пустоту и захлопнула дверцы серванта.

Безо всякого удовольствия Наташа отхлебнула несколько раз невкусный чай, уныло сжевала пару сырных крекеров и снова закурила. За окнами конденсировалась ночь, оседала мелкими каплями тумана на оконные стекла. Густо синяя, безлунная, с редкой россыпью звёзд, которые медленно поглощала наползающая с запада туча. Непривычная тишина как в доме, так и за его пределами угнетала ещё сильнее. Наталье вдруг отчаянно захотелось домой, к шуму города за окном, к монотонному бормотанию телевизора в соседней комнате, к мерному тиканью настенных часов, скрипу половиц под чьими-то шагами. Она была согласна даже на общагу с неприятной сплетницей-соседкой. Сделала бы вид, что не замечает её присутствия. Послушала бы музыку или книгу почитала. Какой чёрт понёс её в это богом забытое место? Она промочила ноги, озябла, пила невкусный чай. Ради чего всё это? Только чтобы побыть одной? Да она уже сыта по горло своим одиночеством. Наталья кинула взгляд на своё отражение в старом зеркале шифоньера. В волосах запутался листок. Девушка вытащила его, пригладила как могла рыжие пряди руками и попыталась ободряюще улыбнуться отражению. Лучше бы этого не делала. Улыбка вышла какой-то жалкой и унылой. Промокшие ноги сильно озябли, и теперь холод медленно пробирался вверх. Тревожно сосало под ложечкой, словно своеобразный голод, потребность в общении и безопасности.

Прихватив пачку чипсов, Наталья перебралась в комнату на диван. На столе лежал старый номер журнала «Вог». Обложка выцвела и слегка покоробилась. Не бог весть какое чтиво, но развеять скуку и скоротать время перед сном – вполне сгодится. Девушка вытащила мобильник из заднего кармана джинсов, кинула его в стоящее недалеко кресло и, удобно устроившись на диване, закуталась в старый плед и углубилась в чтение глянцевых статей многолетней давности.

Шлёп… Шлёп… Шлёп…

Наташа отложила старый журнал и настороженно прислушалась. Снова тишина. Ночь будто насторожилась в ожидании чего-то.

Шлёп… Шлёп-шлёп… Тихий осторожный звук крадущихся шагов, отчётливо различимый на фоне тишины. Девушка испуганно замерла, чутко вслушиваясь в происходящее. Кто-то осторожно крался вдоль стены дома под покровом ночи. В горле пересохло, и, когда Наташа попыталась сглотнуть, словно что-то оцарапало её изнутри. Сердце забилось гулко и часто, и теперь эта пульсация страха заполнила собой тишину. Кто-то по-прежнему осторожно ступал по заросшей травой садовой дорожке, вкрадчивым звуком шагов будя лихорадочные мысли в голове Наташи. Она никак не могла взять в толк, как неизвестный визитёр проник внутрь через запертую калитку. Разве что тоже перемахнул через забор? Но мог ли он сделать это абсолютно беззвучно? Нет, наверняка были бы слышны звуки вторжения: шорохи, треск сучьев растущих у забора кустов смородины.

Дом дрогнул под резким порывом ветра, где-то жалобно звякнуло стекло в оконной раме. Звук осторожных шагов за окном стал чаще, словно там забегало на цыпочках, заплясало по садовой дорожке. Что-то стукнулось в жестяной отлив окна, заставив Наталью подпрыгнуть от неожиданности. Следом раздался приглушённый рокот, похожий на рассерженное ворчание потревоженной собаки. Напуганная девушка облегчённо выдохнула, поражаясь своему не в меру разыгравшемуся воображению. Это был всего лишь дождь, первые капли которого она приняла за чьи-то шаги.

Наталья облизнула сухие губы языком, попыталась сглотнуть кисловатый привкус пережитого страха. Получилось с большим трудом. Обмотав плед вокруг себя, она встала с дивана и прошлёпала босыми ногами на кухню, где сделала несколько глотков тёплой воды из чайника, а потом вернулась назад. Прилегла, плотно завернувшись в плед. За окном шелестел дождь, порывы ветра иногда швыряли капли пригоршнями в стекло, рассерженно рокотала далёкая гроза. Тишина перестала быть мёртвой и тревожащей. Дом, казалось, ожил, наполнившись звуками. В шуме дождя Наташе слышались и мерное тиканье часов, и тихие голоса других людей, и звуки их шагов совсем рядом. Те самые звуки, что дом запомнил за долгие годы присутствия в нём хозяев. Особенно шаркающие шаги бабули и её беззлобное ворчание. Того и гляди покажется на пороге комнаты и что-нибудь выскажет.

– Непутёвая ты, Наташка! – бабушкин голос почему-то оказался грубым и хриплым. – Неужто по-людски нельзя было через калитку войти? Что тебя через забор-то понесло, как шпану?! Всё мне нарушила там! И чего ты всё в потёмках-то шастаешь, сумеря тебя забери!

Последние слова бабуля выкрикнула как некое изощрённое деревенское проклятие. Наташа испуганно подскочила на диване, села, дико озираясь по сторонам. Кровь гулко стучала в висках, комната плыла перед глазами. За окнами по-прежнему шумел дождь, бормотала гроза, уже ближе и яростнее. Наталья поняла, что задремала за чтением, успела даже увидеть короткий яркий сон. Однако какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что к привычному шуму непогоды добавилось нечто новое. Что-то, заставляющее сердце биться часто и тревожно. Девушка замерла на диване, стараясь не дышать, превратившись в слух. Ветер, налетая на дом, дребезжал стеклом в оконной раме, шумел в кронах деревьев, гремела гроза, освещая окна вспышками небесного огня. Ночь заглядывала в дом, стекала каплями дождя по стеклу. Наталье вдруг показалось, что за каждым окном стоит кто-то невидимый, укрытый плотным покровом ночи, и наблюдает за ней. Глупый детский страх, но он оказался невыносимым, усиленный одиночеством. Не выдержав, она вскочила с дивана и поспешно задёрнула шторы на окнах. Стало уютнее и будто бы безопаснее. Обратное расстояние Наталья преодолела бегом, как маленькая девочка, спасающаяся от ночного чудовища, и запрыгнула на диван. Тот жалобно скрипнул, а она вдруг рассмеялась, удивляясь собственной впечатлительности.

А в следующее мгновение смех замер на губах, остановленный новым приступом страха. Тихий, вкрадчивый звук добавился к шуму непогоды за окном. Наташа прислушалась, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, стараясь определить, откуда он доносится. Потом осторожно встала и двинулась к выходу из комнаты. На пороге кухни снова замерла, вслушиваясь в ночь. Осторожные скребущие звуки доносились со стороны прихожей. «Мыши, – попыталась успокоить свои расшалившиеся нервы Наташа. – Наверное, мыши. Или крысы. В таких домах они часто селятся. Тем более никто не приезжал сюда уже несколько лет». И тем не менее такое вполне невинное соседство крайне напрягало. Вкрадчивые осторожные звуки заставляли кожу покрываться мурашками, вызывали внутренний трепет. Не выдержав, Наталья шагнула в прихожую и, громко топнув, крикнула в темноту:

– Кыш! Убирайтесь вон, мерзкие твари!

Звук смолк, и девушка уже было поздравила себя с лёгкой победой в войне против грызунов, когда с улицы раздалось то ли неясное бормотание, то ли глухое ворчание, а затем в дверь что-то гулко стукнуло. Наталья подпрыгнула на месте, шарахнулась в сторону, больно

ушибла ногу обо что-то. Дыхание перехватило от ужаса, осевшего горьковатым привкусом на языке. Ноги подкосились, и девушке пришлось вцепиться в дверной косяк, чтобы не упасть. Сердце трепыхалось у самого горла, мешая свободно дышать. Она судорожно вздохнула, набираясь храбрости, и спросила:

– Эй, кто там? Что вам нужно?

В ответ снова донеслось глухое ворчание и настойчивый стук в дверь.

– Я сейчас полицию вызову, если вы не уберётесь! – выкрикнула Наташа, в голосе послышались истерические нотки.

Ужас поднялся к горлу, сдавил его ледяной рукой. Замерев посреди прихожей, девушка отчётливо поняла, что встревожило её сразу, едва она проснулась. По дому, вползая под дверь со сквозняком, медленно плыл запах болота. Затхлый, гнилостный, от которого перехватывает дыхание и сводит желудок. Наташа отступила в кухню, поколебавшись, осторожно, стараясь не шуметь, шагнула к окну и выглянула из-за пыльной занавески. Разгулявшаяся непогода сгустила ночную мглу до плотной непроницаемой завесы. Но в следующее мгновение яркая вспышка молнии резко разорвала её надвое, обнаруживая то, что пряталось под ночными покровами. Ослеплённая ею, девушка прикрыла глаза, но всё равно на внутренней стороне век, как негатив, отпечатался силуэт крыльца и застывшая на нём бесформенная куча. Словно сама ночь материализовалась возле двери. Всё ещё не веря себе, Наталья продолжала стоять возле окна, всматриваясь в непроглядный мрак. Ей казалось, что она смутно видит очертания чего-то очень большого на крыльце. Или это была лишь игра её воображения? Жуткая, вышедшая из-под контроля фантазия? Будто отвечая на этот невысказанный вопрос, в ночи вспыхнули две красноватые искорки, на мгновение пропали, когда нечто моргнуло, и снова уставились на неё, застывшую возле окна. Бесформенная куча оживилась, по её бугристой поверхности побежали тусклые белёсые огоньки. Что-то длинное и вязкое выстрелило в стекло, прилипло к нему тёмной дрожащей массой с другой стороны, нетерпеливо заелозило. Наталья всхлипнула, отступая вглубь кухни, поспешно прижала ладонь ко рту, опасаясь, что будет услышана. Ноги стали ватными, первобытный ужас попавшего в западню зверя собрался внизу живота, потянул к полу, лишая последних сил. Точно уловив волны страха, существо настойчиво завозилось под дверью. Наталья кинулась к своему рюкзачку, лежащему на кухонном столе, запустила туда руку в поисках телефона, но никак не могла нащупать его. Девушка переместилась в комнату, перевернула рюкзачок вверх дном и вытряхнула всё его содержимое на диван. Порылась в щедрой россыпи всяких мелочей, обычно лежащих в дамских сумочках. Телефона не обнаружила. Наташа вцепилась себе в волосы от отчаяния, закусила губу, чтобы не расплакаться, а потом облегчённо выдохнула и шагнула к креслу, где лежал, поблёскивая в свете лампы, её мобильник. Не глядя она выбрала первый попавшийся в списке контактов номер. Наплевать, что она кого-то разбудит, напугает, только бы дозвониться и попросить помощи.

– Пожалуйста… Пожалуйста, пусть здесь будет устойчивая связь, и я дозвонюсь, – прошептала девушка, поднося трубку к уху.

Вместо ожидаемого, такого необходимого гудка телефон жалобно пискнул. Не веря, Наталья уставилась на помертвевший чёрный экран, затем яростно встряхнула мобильное устройство, словно это могло реанимировать его.

В дверь яростно ударили. От этого решительного натиска содрогнулся весь дом, что-то коротко сухо треснуло. Мощным взрывным эхом ему ответила гроза, расколовшая мир надвое. Свет испуганно мигнул, но не погас. Наталья сжалась в комок, закрыла уши руками, отгораживаясь от жутких звуков. Она теперь слышала собственное дыхание: частое, прерывистое, со всхлипами. Ужас захлёстывал её яростной волной. Нечто снаружи рвалось в дом, становясь всё наглее и настойчивей. Оно почуяло добычу, унюхало её страх и беспомощность. Наташа оглянулась по сторонам, ища спасение. Страх, что недавно лишал её сил, теперь гнал её прочь от неизведанной опасности в поисках укрытия. Ноги сами понесли её на кухню, к расположен-

ной там лестнице, ведущей в мансарду. Она споткнулась обо что-то в темноте, неуклюже распласталась на ступеньках, почти на четвереньках одолела оставшееся расстояние до двери и тяжело ввалилась в комнату наверху. Потянувшись к выключателю, Наталья тут же отдёрнула руку, прижала её к себе. Нельзя включать свет и тем самым обнаруживать себя. Кажется, она совсем потеряла голову от страха. Девушка торопливо прикрыла дверь и сдвинула шпингалет, запирая её. Потом замерла, буравя дверное плотно взглядом. Слишком уж ненадёжной была эта защита от того, кто ломился в дом. Оставалась надежда, что жуткое существо, кем бы оно ни было, потеряет, в конце концов, к ней интерес и уберётся восвояси. Точно опровергая её жалкую надежду, в дверь ударили снова с такой силой, что она жалобно скрипнула. Наталья отступила вглубь мансарды, понимая, что если существо вломится в дом, то без труда ворвётся наверх.

Яркая вспышка осветила комнату, очерчивая находящиеся в ней предметы. Наталья разглядела громоздкий комод у окна. Вцепилась в него со всем отчаянием, яростно налегла, толкая к двери. Тяжёлый неповоротливый предмет подался не сразу, а когда всё же сдвинулся, издал такой душераздирающий скрежет, что у Наташи заломило зубы. Будто в ответ на этот звук снизу донеслись удары в дверь. Старый деревянный дом каждый раз вздрагивал, позвякивал оконными стёклами. Стиснув зубы, девушка снова навалилась на комод. Пот мелкими бисеринками выступил на лбу, пряди волос налипли на лицо. Наталья толкала и толкала громоздкую штуковину к двери, не замечая, что сломала под корень три ногтя на руках, отбила большой палец на ноге. Она вся превратилась в стремление придвинуть комод к двери, перегораживая доступ наверх тому, что стремилось к ней из мрака ненастной ночи. Вспышки молний то и дело освещали её напряжённую фигуру, будто небесный фотограф решил запечатлеть её действия для хроники. Наконец неимоверными усилиями ей удалось подвинуть комод к двери, и Наталья обессилено опустилась грудью на его гладкую крышку, прикрыв глаза от усталости и тяжело дыша. Сердце бешено выстукивало рваный ритм у горла, струйка пота поползла по спине между лопаток. В горле при каждом глотке точно скребли наждаком. Девушка горестно всхлипнула и тут же зажала рот влажной горько-солёной от пота ладонью. Слишком громким показался ей этот звук в густой ночи. «Уйди! – мысленно взмолилась она. – Пожалуйста, уйди! Оставь меня в покое! Или пусть это будет сном. Пусть это закончится. Как угодно, но закончится». В ответ на её немую просьбу дом потряс новый удар. Входная дверь издала скрежет, перешедший в оглушительный треск, распахнулась с размахом, ударилась обо что-то в прихожей. Эхом ей вторила разбушевавшаяся гроза. Сквозняк хозяином прошёлся по дому, беспрепятственно проник в мансарду, лизнул холодным языком босые ноги девушки. Её окутало смрадное дыхание болота, забилось в ноздри, проникло внутрь, вызывая рвотные позывы. Наташа метнулась в сторону от комода, замерла посреди комнаты, глядя во тьму. Прислушалась. Ночь наполнилась новым звуком: шаркающий, булькающий, омерзительный, словно по полу тащат мешок гниющей картошки. Девушка огляделась, заламывая руки в отчаянии. Она была в ловушке. Некуда бежать, негде больше скрываться. Существо проникло в дом, хозяйничало там и в любой момент могло вломиться в мансарду.

Шуршащий и чавкающий звук приблизился к лестнице и замер. Кто-то там внизу прислушивался, а может, принюхивался в поисках добычи. Наталья застыла, слившись с ночью. Новая вспышка молнии озарила всё вокруг, резко очерчивая квадрат окна. «Окно! – подумала она. – Если это чудище поползёт наверх, я открою окно, которое выходит на калитку, выпрыгну из него, перелезу через забор и убегу. Буду бежать и кричать, звать на помощь. Должен же быть хоть кто-то кроме меня в этом дурацком посёлке». Пыльный душный воздух смешивался с запахом гниения, льнул к лицу, лез в горло. Наталья задыхалась, тонула в смраде. Желудок судорожно сжимался, из глаз текли слёзы. Девушка зажала рот ладонью, борясь с собой, мысленно уговаривая тело не предавать её в такой жуткий момент. От статичной позы ныли спина и ноги. Очень хотелось поменять положение, опереться на что-нибудь или сесть, но она боялась

сделать малейшее движение, боялась, что любой, даже еле слышный шорох выдаст её пребывание ночному гостю.

Сильный порыв ветра сотряс дом, внизу что-то оглушительно стукнуло, возможно, распахнутая настежь дверь. Наталья вздрогнула, покачнулась, теряя равновесие, неловко взмахнула руками и задела стоящую на столе банку с давно высохшим букетом полевых цветов. Стеклянная ёмкость плавно скользнула к самому краю, замерла, будто в раздумьях: срываться вниз или нет. Девушка вытянула руку, торопясь поймать её. Банка, покачнувшись, соскользнула с края и прыгнула точно в подставленную ладонь. Наташа стиснула пальцами её стеклянные бока. Слишком сильно и поспешно. Гладкое стекло упрямо выскользнуло из объятий, и банка, кувыркнувшись, грохнулась на пол, разлетаясь осколками в разные стороны.

В глазах потемнело. Мир, состоящий из густых теней, расплылся и исчез, зато звуки стали чётче, словно невидимый звукорежиссёр добавил громкости. Снова зашуршало и зачавкало, и девушка поняла: нечто, ворвавшееся в дом, поднимается к ней. Ползёт по ступенькам, как огромный слизень. Её обнаружили, и нет больше смысла сохранять тишину. Если это существо смогло вынести входную дверь, то тонкая фанерная, ведущая в мансарду его не остановит. Всхлипнув, Наталья развернулась и бросилась к окну, наступая на осколки стеклянной банки, но не чувствуя, что режет ступни. Сорвав пыльную тюлевую занавеску, она нащупала шпингалеты. Верхний нехотя подался, а нижний не сдвинулся с места, как она его ни дёргала. Наталья со стоном обернулась назад, к неведомой опасности. Шуршание и чавканье было совсем близко, возле двери. Девушка шагнула к столу, схватила стоящую возле него табуретку и, зажмурившись, кинула в окно. Раздался звон разбитого стекла, и одновременно с ним позади послышался скрежет отодвигаемого вместе с дверью комода. Наташа подскочила к окну, отшвырнула в сторону табурет, дрожащими руками принялась вытаскивать осколки стекла, застрявшие в оконной раме. Позади что-то настойчиво ломилось внутрь, почуяв близость жертвы.

– Не хочу… – всхлипнула девушка, липкими от крови пальцами расчищая себе путь к бегству. – Пожалуйста, не хочу… не надо…

Комод сдвинулся ещё, открывая брешь для ночного кошмара, воплотившего самые мрачные фантазии. Нечто бесформенное медленно и упрямо ввалилось в комнату, издавая злобный протестующий клёкот, предчувствуя бегство добычи в последние мгновения. Вонь стала невыносимой. Её не мог ослабить даже врывающийся в разбитое окно ветер, напоенный свежестью и влагой. Нечто, не имеющее названия, гадко булькало и чмокало позади.

Не смотри назад. Не оглядывайся.

Наташа медленно повернулась, встретилась взглядом с рдеющими яростью глазами существа. Оно издало низкое утробное урчание, каким мог бы разразиться голодный желудок огромного зверя в предвкушении долгожданной трапезы. По узловатому телу побежали белёсые огоньки, когда нечто пришло в движение, окончательно вваливаясь в мансарду. Над маленькими красными глазами существа раскрылась расселина, наполненная тусклым свечением. Оттуда, подобно змее, медленно выползло что-то длинное, жадно трепещущее, с влажным шлепком опустилось на пол и заметалось, громко шурша. Девушка заставила себя отвести взгляд, схватилась за оконную раму изрезанными в кровь, немеющими пальцами, просунула голову наружу, под хлёсткие струи ливня, потом перекинула ноги, уселась на раму, оттолкнулась и…

Что-то гибкое и сильное неумолимо обвилось вокруг талии и резко дёрнуло девушку внутрь. Хрустнуло в шее от резкого рывка назад, ночь вспыхнула миллиардами ярких ослепительно-белых искр. Деревянная рама, которую Наташа сжимала руками, куда-то исчезла. Стало вдруг тепло и влажно, а внутренности сжались в комок. Дыхание перехватило, точно кто-то разом выкачал весь воздух их лёгких. Что-то огромное, влажное, пульсирующее навалилось на неё, удовлетворённо урча, поволокло вперёд. Девушка попыталась оттолкнуть это от себя,

избавиться от удушающего плена, но ослабевшие пальцы только скользнули по мокрой поверхности, похожей на густой болотный мох, а потом всё исчезло, угасло, как искорка во мраке.

* * *

К рассвету туча, излив весь свой гнев, уползла дальше, уступила место солнечному утру с птичьими трелями, с еле слышным шорохом капель, срывающихся с умытой зелени деревьев на землю. Жужжали пчёлы и шмели, торопясь напиться утренней росы. Солнечные лучи играли в каплях воды, вспыхивая крошечными радугами.

У запертой на навесной замок старой калитки стояли двое. Пожилая женщина с коротко стриженными седыми волосами и настороженными серыми глазами, одетая в старенькую брезентовую куртку прямо поверх ситцевого домашнего халата, и мужчина в свитере и линялых джинсах, заправленных в резиновые сапоги. На голову он натянул коричневую кепку, отбрасывающую тень на его светло-карие глаза.

– Ой, Коля, Коля… – вздохнула женщина, вытянув вверх голову и заглядывая поверх калитки внутрь заросшего сада. – Что ж теперь делать-то?

– Ну что делать? – буркнул в ответ её муж. – Пойду в управление, там телефон. Вызову этих… блюстителей порядка. Вот пусть они и разбираются во всём. Мы тут ничем не поможем, иди в дом, Тоня!

Его жена будто не услышала. Всё также стояла, впившись руками в штакетник с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

– Может, сказать надо было? Предупредить? – вздохнула она.

Мужчина в ответ хмыкнул:

– Ну и что? Ну сказала бы ты, и дальше что? Кто б тебе поверил-то? Никто ж не верит, пока сам не увидит. Да и у Васильевны, ты вспомни, всё всегда по правилам было. И гвозди под калитку вбиты, и нитки заговоренные протянуты. Не шастал он тут никогда, знал, что вешки человеческие стоят. Видно, повредила что-то девчонка, когда через забор лезла, вот сумеря до неё и добрался. Не любит он, когда впотьмах по его земле кто-то шастает.

– Ой, горе-то какое… – простонала женщина, прижимая ладонь ко рту.

– Ну, будет причитать. Пошли уже. Надо ж ещё в контору сходить, позвонить, чтобы полиция приехала. Теперь их дело разбирать, что да как вышло. Только пустое это, конечно…

И мужчина, обхватив жену за плечи, увлёк её за собой прочь от соседского дома. Она напоследок кинула взгляд через плечо на заросший участок, где на мокрой от ночного ливня траве, раскинув в сторону руки, в ужасе распахнув глаза, лежало бездыханное тело Натальи. Ночь ушла, а вместе с ней исчез и тот, кто является её полновластным хозяином.

Елизавета Аристова

Твари божьи и не божьи

Ночное метро – подарок мегаполиса своим жителям. В поздний час здесь почти безлюдно: нет посторонних глаз, и можно наконец снять улыбку с лица и молча сидеть в полупустом вагоне до своей станции.

А ведь когда-то Алену печалило, что дома никто не ждет. Это были хорошие времена, хорошие и почти забытые.

– Ну что? – хриплый голос прокатился по тишине квартиры. – Продуктивно?

Она намерено задержалась, вешая пальто в коридоре дольше обычного. Вдох-выдох. Поворот в сторону темной кухни и максимально сокрушенный вид.

– Прости меня. Но этот не подходит, – Алена зажмурила глаза, не в силах совладать с собой: тварь приближалась и пребывала в гневе. Сильнее, чем обычно, это было ясно по тому, как завибрировал пол.

– Ты, – хриплый голос резанул ее, по телу разлилось онемение. – Глупое живое. Бесполезное, неумелое, неучтивое. Неужели не можешь разглядеть в них то, что когда-то разглядела во мне?

Алена задрожала. Онемение отступило, но глаз она открыть не посмела. Тварь стояла прямо перед ней, обдавая запахом жженой резины.

– Я клянусь, попадаются только обычные! То есть да, они плохие, но не совсем. Будут еще свидания! Сегодня меня пригласили двое, иду на неделе в кафе и кино.

Внезапно включился свет. Алена несмело открыла глаза – на кухне никого не было. Чистые тарелки ровными стопками высились на столе, таком же стерильно чистом. Ее всегда поражало то, как тварь любила порядок. Под мойкой в мусорном ведре лежал трупик мыши и пакет из-под молока. Мышей и молоко тварь любила тоже, а еще – мучить ее, Алену, заставляя презирать саму себя все больше с каждым днем.

Первое время обкусанные мыши казались невыносимыми, но теперь и они стали привычными. Алена достала из сумки рекламный проспект, прихваченный у метро, и разорвала на четыре части. Куски дешевой бумаги легли поверх объедков, скрывая их от глаз.

Глазам стало легче – небольшая подмога душе.

* * *

Если бы можно было так же разорвать четыре последних месяца жизни, Алена сделала бы это без колебаний. Ее вполне устраивала скучная, но стабильная работа логиста, которая оставляла достаточно времени для безмятежной жизни вне офиса. Шоппинг в одиночку или с подругами, кофейни и просто вечерние улицы – милые сердцу моменты, пазлы ее досуга. В последнее время, правда, подруги разбрелись по парням, совместные прогулки потерялись под извиняющими смс, но Алена понимала. Она и сама не раз была в романах, необременительных и быстрых. Из тех, что легко начинаются и гаснут, не оставляя шрамов на душе.

Вниманием не обделена, а что-то настоящее – успеется. Пока ей нравилось жить без мыслей о будущем. Без обязаловки приходить домой вовремя и без нужды заботиться о ком-то.

Кроме Джерри, конечно. Маленькая мышь-полевка, купленная на рынке за полтинник вместе с клеткой. Молчаливый и преданный друг с умными темными глазами. Покупка была

импульсивной, но Алена всерьез привязалась к зверьку. Возвращаясь домой, она делилась с ним ужином и своими планами.

Планов было много, как и веры в то, что лучшее – впереди. Обязательно ждет за углом, а разве бывает иначе.

Оптимизму пришел конец в тот день, когда, придя домой, она увидела нечто. Это нечто сидело за кухонным столом и спокойно поедало Джерри, а когда повернулось к ней, то Алена упала без чувств.

* * *

Трудно было разглядывать черный силуэт, похожий на человека, только крупнее. Еще и говорящий всякие гадости, наподобие той, что Алена сама этого захотела.

– Ты каждую ночь приходишь в мой дом, живое. Три визита – желание быть слугой. О не-е-ет, – хриплый голос проехался по ней пилой, – у тебя это потребность, самая настоящая.

Поначалу гнев от погибели Джерри придал Алене сил, чтобы осмелиться на ответ.

– Убирайся отсюда! – вырвалось у нее. Тварь все также сидела за столом, наблюдая. – Оставь меня в покое! Я не знаю, о чем ты говоришь!

Когда тварь подошла к ней, по телу разлилось онемение. В нос ударил запах жженой резины. Алена инстинктивно закрыла глаза, ей вовсе не хотелось разглядывать это существо получше. Больше всего ей хотелось, чтобы оно оказалось галлюцинацией.

– Оставлю, конечно, – неожиданно спокойно отозвалась тварь. – Но мне кое-что нужно. Раз ты теперь моя слуга, хочу, чтобы ты познакомилась с кем-то, кого будешь бояться больше меня. Найди его и приведи сюда. И я верну тебе твою мышку, пи-пи-пи, – тварь засмеялась.

Теперь Алена вспомнила. Тот сон, что иногда повторялся, в котором она бродила по заброшенному дому. Дом казался знакомым и притягивал теплом и запахом старой мебели. В этой атмосфере брошенной кем-то жизни хотелось задержаться и забыть о времени. На чердаке было особенно уютно, вдоль стен стояли коробки со старыми вещами. Каждый раз Алена увлеченно бросалась в них копаться и только потом замечала кресло в углу, в котором сидела темная фигура. И хотя сумрак чердака скрывал направление взгляда, внезапный холод по коже не оставлял сомнений, кто здесь объект, а кто наблюдатель. В свою очередь, попытки рассмотреть фигуру выбрасывали из сна в реальность. Пробуждение было внезапным, словно разряд электричества, и жгучим – от необъяснимого приступа страха. В такие ночи Алене больше не хотелось засыпать, она просто лежала в ожидании утра или вставала и садилась на подоконник, глядя на ночной двор. Это успокаивало, и сон уходил на задворки памяти.

Все же не слишком далеко, чтобы теперь не узнать эту тварь. Не чувствовать ее присутствие на кухне так же остро, как и во сне. И разглядывать не надо, достаточно не закрывать глаза.

И просыпаться больше некуда.

* * *

С тех пор тварь появлялась в квартире регулярно, примерно дважды в неделю. Откуда она брала мышей, Алена не знала, наверное, приносила с собой. Убирала за собой всегда, иногда и за Аленой, но от этой чистоты хотелось выть.

Однажды после очередного визита Алена взяла себя в руки. Если единственным способом избавиться от твари и вернуть Джерри было выполнить поставленное условие, она сделает это. Будет знакомиться и искать, в мире полно опасных людей. Нужно просто нарваться на мерзавца.

Сайты знакомств показались хорошим вариантом. Полный сток разных личностей, засилье аферистов и лжецов. Алена вдохновилась и составила короткую анкету, из которой следовало, что полная дура ищет приключений на свою красивую голову.

Знакомства посыпались на Алену градом. Половина из них оборвалась на разговорах в чате. С несколькими Алена сама прервала общение, не сумев пересилить отвращение к пошлым остротам. Первое свидание случилось уже через три дня – тот мужчина казался вспыльчивым и грубоватым.

Свидание прошло шаблонно. Алена сидела за бокалом шампанского и старалась не терять нити разговора. Что? Да, у нее своя квартира. Нет, замужем не была. То, что этот вариант провалился, стало ясно уже на первых минутах. Пусть мужчина был неприятен и вел себя довольно бесцеремонно, но и только. Опасным он совсем не показался.

Алена тогда распрощалась, заплатив за свою половину ужина. И, шагая по вечернему городу, думала, что требования оказались труднее, чем на первый взгляд. Бояться, а чего она боится? Физической силы, агрессии? Да, пожалуй. Непредсказуемости?

«Себя надо бояться, – вдруг подумалось ей. – Я что, правда хочу из кого-то сделать жертву?»

Уже дойдя до дома, Алена остановилась. В квартале отсюда располагался клуб. Дешевая забегаловка для молодежи, но отчаяние накрыло с головой и погнало вперед.

В клубе было накурено и очень людно, звуки резко били по ушам. Стараясь выглядеть уверенно, Алена заказала коктейль и села в одиночестве у стойки бара. За час она успела познакомиться с компанией молодняка, что упорно тянула ее на танцпол, и среднего возраста потеющим мужчиной, который намекал на интим за деньги.

Она их втайне презирала, отчасти жалела, но только не боялась.

А по возвращении домой ее ждали. Засмеялись, поздравляя с началом поисков, и потребовали не затягивать.

«Если не хочешь, чтобы твоя собственная петелька затянулась», – недвусмысленно намекнула тварь и исчезла, оставив смрад в квартире и на душе.

* * *

К исходу четвертого месяца Алена успела познакомиться с тремя десятками парней, с половиной из них сходить на единственное свидание и побывать в трех почти что отношениях – с теми, кто заинтриговал ее больше остальных. Поначалу страх не давал ей расслабиться и знакомства не складывались. Ощущение, что она сознательно ищет опасность, сводило с ума, Алена невпопад отвечала и спешила закончить разговор. Раз она почувствовала, что вот-вот расплачется, и улизнула в туалет прямо из-под носа очередного кандидата.

Но постоянный стресс все же закалял. Алена флиртовала, не показывая внутренней тревоги, научилась поддерживать разговор на десятки тем и подстраиваться под стиль общения собеседника. Ее новые знакомые в большинстве своем были хорошими людьми. Многие даже нравились ей, но как раз такие отношения скрепя сердце Алена решительно прерывала.

Да, были и с недостатками – зануды и развязные хамы, но никто из них не пугал ее настолько, насколько хриплый голос дома в ожидании жертвы.

Не надеясь только на сайты знакомств, Алена прогуливалась поздними вечерами в парке и даже ездила на окраины. Отныне вне работы она была девушкой в активном поиске – всегда при макияже, в платье и на каблуках. В меру броском образе, чтобы обращать внимание, но не отталкивать. Это работало – знакомства продолжали завязываться и гаснуть. Но даже ставка на тех троих, с кем Алена встречалась больше одного раза, в итоге не оправдалась.

Тварь выражала недовольство по-разному. Помимо грубой брани, иногда она переходила к действиям – основная причина, по которой Алена продолжала бояться ее так же остро. Раз

ночью тварь объявилась в комнате, и Алена почувствовала, что задыхается. Тварь устроилась в углу и начала считать вслух. Сделать вдох никак не получалось, Алена отчаянно цеплялась за простыни, внутри нарастала паника. Вместе с первыми судорогами вернулась и способность дышать.

– Шестьдесят семь, – закончила считать тварь, глядя, как Алена жадно хватает ртом воздух. – Ты продержалась всего шестьдесят семь секунд. Это так, на будущее. Было любопытно, – и, оскалясь на прощание, она исчезла.

Однажды тварь просто перебила посуду, уходя. Ущерб казался не таким пугающим, пока Алена не заметила, что в каждом из осколков отражается Джерри. Тусклые мертвые глаза следили за ней, и тогда она впервые испугалась, что сходит с ума.

Тварь сознательно изводила ее, требуя результата, и Алена мечтала теперь об одном: найти хоть кого-нибудь, привести к этому отродью и до конца жизни быть одной.

* * *

Алена шла по парку, рассеянно листая сообщения на смартфоне. Все они были от подруг, и отвечать им не хотелось. Алена давно уже устала притворяться и писать, что все в порядке и ей просто некогда. Проще было выбросить эту часть ее жизни, чем прийти в свою компанию затравленным зверем, как ни в чем не бывало. Страх плотно въелся в Алену, делая почти заразной. Наличие твари и поставленной задачи стояло стеной между ней и нормальной жизнью, где остались и подруги, и общение без цели.

Островком прежней жизни осталась работа. Алена успевала много больше обычного, выводя безошибочные цифры и графики. Эта внутренняя собранность держалась на постоянном стрессе, но начальство все чаще хвалило, а коллеги, пользуясь случаем, подбрасывали свои обязанности. Впрочем, Алена выполняла и их тоже, механически и стабильно-вдумчиво. Бесперебойно, как смартфон в ее руках.

Два других сообщения были от мужчин с сайта. Оба готовы встретиться, хорошо. Один из них – обладатель тяжелой челюсти и мрачного взгляда. Может, он тайный сектант? Адепт темной магии в поисках невинной жертвы или просто психопат. Как бы хотелось верить.

Телефон вылетел из рук, ударившись об асфальт – Алена врезалась в кого-то рослого и потеряла равновесие. Сильные руки подхватили ее, не давая упасть.

– Вот и попалась, – дружелюбно рассмеялся парень.

Алена невольно рассмеялась в ответ. У парня были такие же серые глаза, как у нее, и просто невероятно-бахромчатые ресницы. А еще смешной пучок из перетянутых резинкой на макушке коротких волос. Он сразу обескуражил Алену тем, что совершенно естественным образом отряхнул ее пальто, словно они были сто лет знакомы. Затем так же невозмутимо подобрал телефон и протер его платком. Было в этих простых действиях что-то такое, чего Алене очень не хватало.

– Тут есть кафешка неподалеку, – сообщил он, возвращая ей телефон. – Если ты не против.

За следующий час они успели много узнать друг о друге. Артем тоже работал в офисе, но мечтал о собственном кондитерском деле, любил боевое фэнтези про попаданцев и наблюдать за поездами. Предпочитал зеленый остальным цветам, как и Алена, а еще они, оказывается, отдыхали в детстве на одном курорте с родителями. За пролетевший час кафе опустело, близилось время закрытия.

«Он совсем не опасный, пустая трата времени. Попрощайся и исчезни».

– Там, за углом, через дорогу, есть еще кафе, круглосуточное, – выпалила Алена. «Боже, что я несу». – Может, переместимся туда? Поговорим… еще.

Ответом была улыбка и радостные глаза под пушистыми ресницами. На улице совсем стемнело, и Артем взял ее за руку, сославшись на неровность дороги. Дорога была без единой ямы, но Алена совершено не возражала.

* * *

Вернувшись домой, Алена не застала твари. Она прислушалась к тишине квартиры и с облегчением вздохнула. Бояться в такой вечер не хотелось.

Артем позвал ее на свидание! Пойти ли? Можно ли забыть о своей поганой миссии и просто начать жить? Алена лежала, глядя в потолок, ощущая непривычный прилив храбрости. Да что, в конце концов, может эта тварь? Сегодня вот даже не решилась прийти и высказать свои претензии! Ночное удушье… совпадение. Посуда? Мелочи, ерунда! Вот только Джерри, но Джерри умер, ему не помочь.

Решено, она пойдет на свидание. Достаточно страха в ее жизни, теперь пришло время бороться.

* * *

Уже три недели Алена постоянно встречалась с Артемом. С милым и обаятельным парнем, который умел так смешно болтать и так трогательно молчать. С каждой встречей у них находилось все больше общего: взгляды на жизнь, любимые фильмы и места в городе. Иногда Алене казалось, что Артем – ее собственный подарок от судьбы, компенсация за страхи и страдания.

И все эти три недели она возвращалась в пустую квартиру, сперва с опаской, затем все увереннее. Тварь исчезла, словно ее никогда и не было. Только пустая клетка Джерри на столике в углу отдавалась в душе легкой болью – Алена так и не решилась убрать ее с глаз.

После прогулок Артем провожал ее до дома, но никогда не напрашивался в гости. И это было облегчением, ведь полной уверенности в безопасности такого визита не было. Но Алена потихоньку начинала мечтать о том, как сама пригласит его домой. Потом, когда точно почувствует, что худшее позади.

* * *

В один из таких вечеров, когда Артем проводил ее до дома, настроение было особенно уютным. Алена нырнула в постель, устроясь с книжкой поудобнее. Чтение не задалось, под теплой тяжестью одеяла она незаметно для себя уснула.

Во сне был дом, заброшенный и, кажется, знакомый. Кажется, даже опасный. Вот только вспомнить бы чем. На чердаке призывно зажегся свет и зазвучали колокольчики. Звук был добрым, почти сказочным. Алена неуверенно взялась за ручку входной двери и вздрогнула: за ее стеклянными панелями угадывался силуэт. Выше человеческого роста, темный и расплывчатый. Хозяин дома? Он медленно взялся за ручку с другой стороны.

Ладонь пронзило острой болью. Алена попыталась закричать, но не смогла издать ни звука, из глаз потекли слезы. Ручка плавилась в ее ладони вместе с дверным стеклом, которое медленно сползало вниз, открывая лицо того, кто стоял за дверью.

– Привет, – хрипло поздоровалась тварь, растягивая в улыбке кровавую прорезь рта. – Как тебе мое рукопожатие? Так у нас встречают старых друзей. Переместимся в твой тесный мирок?

Алена проснулась.

Рука безвольно повисла вдоль кровати. Кожи на ладони не было, кровь закапала на пол. Слезы текли по щекам, не замеченные за болью. В углу комнаты стояла тварь. Опять здесь, опять возвышается над ней и ее надеждой, что все наладилось. Алена продолжала плакать и трястись, тем временем тварь заговорила:

– Я жду свой заказ. Надеюсь, ты активна в своих поисках?

– Нет, – выдавила Алена, не опуская мокрых глаз. – Не в этот раз. Я больше в этом не участвую!

Тварь шагнула к кровати, боль в руке отпустила. С опозданием Алена поняла, что она онемела, как и всегда от присутствия твари.

– Конечно, участвуешь. Либо я приму участие куда большее – в твоей жизни. Тогда и попробуешь настоящего страха.

* * *

– Эй, Аль, что с рукой?

Артем озабоченно коснулся перевязанной ладони. Алена вздрогнула и опустила взгляд. Сегодня они недолго посидели в кофейне: их встреча не заладилась. События ночи никуда не ушли, продолжая снова и снова потрошить ее почти залеченный мир.

Тварь не уйдет, пока не получит желанное. Мысль о том, чтобы вернуться на сайты знакомств, теперь казалась Алене отвратительной. Ведь рядом шагал Артем, такой родной и безопасный. Бесполезно, но бесценно безопасный. Может, стоит решиться и рассказать ему? Вдвоем они выстоят против твари. Только поверит ли он? Алена и сама бы в такое не поверила.

– Да знаешь, неудачный кулинарный подвиг, – Алена через силу улыбнулась.

Они брели по улице, Артем опять провожал ее домой. Первый снег замел серость тротуаров, и все вокруг казалось слишком светлым, слишком чистым для таких тяжелых мыслей.

– Вот и пришли, – Артем отпустил ее здоровую руку и слегка развернул к себе. – Не хочу наглеть, – он замялся. – Но, может, угостишь чашечкой кофе? В меня еще одна вполне поместится! Э… перед обратным странствием.

Алена оцепенела. «А вдруг она там, сидит и поджидает?» И пусть Артем не тот, кто нужен твари, но ведь она может разгневаться. И причинить ему боль, им обоим. Снегопад зачастил и казался белой завесой между ними. Секунды шли, Артем смотрел на нее не отрываясь.

– Извини, – наконец выдавила Алена. – Я пока не могу.

Артем словно и не удивился. Лишь смахнул рукой снег со своих длиннющих ресниц.

– Что ж, ну это ничего. Я понимаю. Слушай, а может, ко мне пойдем? Если хочешь, конечно. Посмотрим фильм, угощу тебя шарлоткой. А то я так часто хвастаюсь своей выпечкой, пора уже мастеру доказать это на деле!

Алена благодарно кивнула, и Артем подхватил ее под локоть. В самом деле, отличная идея! Сегодня твари опять ничего не обломится. Алена почти засмеялась. На душе стало легко, как никогда за последние месяцы. Решено, она расскажет Артему, и будь что будет. Он сильный, он сможет ее спасти. Он один на это способен – других для этой роли нет, и не надо. А если Артем дрогнет, она будет рядом. Вместе им любая тварь по зубам.

Алена шла, улыбаясь во все лицо, радуясь упруго бьющей по нему снежной крупе.

* * *

Отомкнув дверь, Артем пропустил Алену в квартиру, где действительно пахло выпечкой и еще чем-то неуловимым. Они немного похихикали в коридоре, раздеваясь. А потом Артем вдруг толкнул ее из светлого коридора в темноту квартиры.

– Располагайся, тебе здесь рады.

Это было так неожиданно, что Алена заскребла рукой по стене, торопясь нащупать выключатель. Нашла его и включила. И увидела.

На кухне стояла тварь, головой цепляя люстру. Алену сковал ужас, она открыла рот, собираясь крикнуть, чтобы Артем убегал, но не смогла издать ни звука. Ее нашли, но как!? Внезапно до Алены дошло, что тварь была другой – крупнее, и выглядела иначе. Лицо напоминало месиво почти без очертаний, и, глядя на него, Алена ощутила тошноту. Тварь источала холод и вонь протухших яиц. Алена вцепилась в дверной косяк, но Артем сбросил ее руку и прошел на кухню как ни в чем не бывало.

– Я нашел! – спокойно сообщил он твари. Та всхрапнула и пошевелилась.

«Это что, – отупело подумала Алена, – все происходит взаправду? У Артема дома такая же тварь, это что, не совпадение? Что же это, что происходит, почему он так уверенно смотрит на чудовище?»

Наверное, они просто двое невезучих людей, оттого нужных друг другу больше обычного. Просто один из них оказался слабее. «Он решился привести меня сюда, потому что побоялся рассказать. Побоялся, что я не поверю ему». Алена заметалась взглядом по кухне, пытаясь не видеть то, что возвышалось в центре. Может, еще не все проиграно? Не без труда ей удалось сосредоточиться на Артеме. На его таком знакомом лице, на серых глазах в бахроме ресниц. Глазах, которые смотрели сейчас не на Алену.

– Артем…

– Я нашел, – повторил Артем, показав рукой на Алену. – Она влюбилась в меня с первого взгляда, отвечаю! Все по твоим условиям – запала сразу, и по-настоящему. Я не мог ошибиться на этот счет, ты ведь видишь, что я прав?

Внутри у Алены что-то оборвалось. Так вот какие у него были условия. Тварь повернула к ней голову, обдав запахом тухлятины. По полу мимо прошмыгнуло что-то рыжее, и Артем, ловко нагнувшись, подхватил это на руки.

– Герман! – обрадовался он, разглядывая хомяка. – С возвращением, старина.

Тварь то ли кашлянула, то ли хихикнула и поманила Алену пальцем. Воздух словно застыл в горле, но когда нога против воли шагнула вперед, Алена вскрикнула и попыталась вернуть ее на место. Она чувствовала волны, исходящие от твари – радостное ожидание, почти ощутимое физически. И голод. «Это происходит не со мной, – билась внутри мысль, – сопротивляйся, ты сможешь!». Еще шаг и еще. Ну как же, как это могло случиться! Тварь была уже совсем близко и продолжала манить ее пальцем.

– Артем, – прошептала Алена, ужас захватил ее полностью, и слова давались с трудом. – Помоги.

Серое месиво «лица» подобралось совсем близко. Руки твари схватили Алену за волосы и дернули так, что она упала ей под ноги, ударяясь о пол больной ладонью. Через бинт начали проступать капельки крови, словно в замедленной съемке. Тварь продолжала держать ее за волосы, не торопясь и словно наслаждаясь ситуацией. Пока Алена, теряя способность думать, оцепенело смотрела, как пара вырванных светлых волос опустилась на линолеум. Вот и все, кажется. Сопротивляться бесполезно, как же давно ей стоило это понять.

Глаза безвольно закрылись. Все должно было быть иначе. И то, что хуже жизни, и то, что хуже смерти.

– Эй! – хватка ослабла, а секунду спустя Алена поняла, что свободна.

Значит, Артем все-таки решил спасти ее! Силы вернулись, Алена рванулась в угол кухни к Артему, который стоял там, уже серьезный, держа в руках маленького рыжего хомяка. Питомца, которого взяли залогом, как и Джерри. Хватая ртом воздух, Алена пыталась смотреть на любимого через наплывающие на глаза слезы. Наверное, у него с самого начала был план. Наверное, он знал, что делает, и теперь сможет спасти их обоих. Тварь, казалось, тоже была заинтригована, временно потеряв интерес к брошенной жертве.

– Я выполнил твои условия, но помнишь, о чем я просил? Я хочу быть, как ты, – Артем медленно поднес хомяка ко рту. – Обладать подобной силой и властью в твоем и в нашем мире. Быть тем, перед которым трепещут остальные. Посмотри, я могу, как ты! Я докажу, что мы ровня!

Сдавленный писк хомяка прервался хрустом. Обезглавленное тельце зверька забилось в руках Артема, пока тот перемалывал зубами голову. Сосредоточенно и торопливо, словно боялся не успеть. К окровавленным губам Артема прилипли шерстинки, и он закашлялся, обдав свою рубашку красноватыми брызгами слюны.

– Забери меня с собой, – выдохнул он, шагая к твари. Труп хомяка глухо шлепнулся на пол. – Я достоин!

Алена истерично закричала.

– Вкусненько, – констатировала тварь, покосившись на Алену. Затем опять уставилась на Артема. – А здесь вкуснее.

Тварь протянула к Артему длинную руку, и в следующий миг они исчезли. И только когда кровь под тем, кто был Германом, начала сворачиваться, а по батарее застучали соседи, Алена поняла, что все это время продолжала безотрывно кричать.

* * *

Она бежала по улице, оскальзываясь на нелепых теперь каблуках. В руках Алена держала то, что осталось от хомяка – оставить его в той квартире было невозможно, только не там.

Она снова споткнулась и, не устояв на ногах, упала в сугроб. Ей нужно было отдышаться и прийти в себя. Раскопав небольшую лунку, Алена опустила туда тельце и присыпала снегом. Вот так, словно ничего и не было. Выбросить четыре месяца из жизни или пять, какая теперь разница. Забирайте хоть всю.

Теперь ей некуда идти, кроме дома. А ведь когда-то ее печалило, что там никто не ждет. Теперь вот ждет наверняка. Ждет и жрет, предвкушая возвращение Алены. От этой мысли почему-то стало легче. Алена вдруг поняла, что хочет вернуться домой.

Уйти от погребенного в этом сугробе, от всего того, что не получится развидеть. Ее собственные робкие надежды на счастье навсегда останутся здесь, под слоем примятого снега.

Алена медленно поднялась на ноги. Пора возвращаться к своей личной твари.

* * *

– Нашла, – Алена остановилась в дверях кухни.

Страха перед тварью больше не было. Девушка смотрела на нее невидящим взглядом: запах жженой резины приелся и стал почти терпимым.

– Нашла, – повторила Алена, не узнавая свой голос. – Только я тебе его не привела. Его забрали. Но я поняла недавно, что по-настоящему боюсь этого человека. Больше, чем тебя.

Тварь шумно втянула воздух. В этот раз мыши на столе не было, только недопитый стакан молока. «Теперь она убьет меня, – равнодушно подумала Алена, – как и обещала». Пусть так, это уже неважно.

– Задание засчитано, – хрипло объявила тварь. – Не привела и ладно, найду его там.

Темная фигура поднялась. Алена замерла, не в силах поверить. Она уходит?

– Ухожу, – подтвердила догадки тварь. – Ты свободна.

– Постой! – воскликнула Алена. То, что так долго копилось, прорвалось потоком слов и слез. Алена тихо всхлипывала, вцепившись в старенький косяк. – Почему это случилось со мной? Почему именно я, за что?! Зачем все это было?

Тварь повела головой.

– Почему? – она, казалось, удивилась. – Ты ничем не примечательна, просто попалась под руку. Старый дом во сне, колокольчики и прочее – пустышка, они здесь ни при чем. Повелась на истории про визиты и слугу? Да это я забавы ради, – тварь довольно захихикала.

– Кто ты? – спросила Алена, вытирая щеки. Вопрос прозвучал так по бытовому, словно не жег ее изнутри все эти месяцы.

Тварь по-прежнему стояла в центре кухни, от нее все также несло резиной, но Алена поняла, что теперь они разговаривают на равных.

– Есть твари божьи, как твоя беззащитная мышка, например. А есть и не божьи. Как я.

«А есть, как Артем», – мысленно добавила Алена. Слезы высохли внезапно, как и начались. Внутри все казалось замороженным.

– Я о нем позабочусь, – продолжила тварь, прочитав ее мысли. – Он теперь на равных с нами. Мы пососТязаемся, я выем из него достаточно, чтобы восполнить твою боль. Отличное будет развлечение.

Расщелина под глазами твари искривилась в подобие улыбки. И Алена внезапно для самой себя ощутила чувство благодарности. Совершенно неуместное, как и ее улыбка в ответ.

Она наблюдала, как темная фигура начинает меркнуть в воздухе.

– Спасибо тебе, что все закончилось, – вырвалось у Алены.

– А я не говорю, что закончилось, – тварь снова расплылась в улыбке, почти что ласковой. Она вдруг замерла, услышав что-то в тишине, а затем улыбнулась пуще прежнего. – Скоро к тебе придут другие, пострашнее.

* * *

Алена сидела на полу кухни, обхватив себя руками. За окном темнело, девушка раскачивалась взад и вперед, беззвучно шевеля губами. Часы тикали, вторя исчезнувшей твари – скоро-скоро, скоро-скоро. Скоро будут здесь.

Внезапно из мусорного ведра под мойкой раздался тонкий писк и копошение. Под шуршание полиэтиленовых пакетов за край зацепились тонкие когтистые лапки, затем показалась узкая мордочка.

– Джерри!

Алена подбежала, подхватив мышонка на руки. Прижимаясь к нему лицом, зарываясь носом в теплую шерстку на загривке. Живой и невредимый!

– Джерри, – Алена взглянула на питомца, свой внезапный повод для радости. – Мы убежим от этого. Уедем, ты и я. Правильно?

Джерри согласно пискнул.

Безнадежно. Алену снова накрыло удушьем и отчаянием. Никуда они не уедут, от них не уехать. Они везде найдут ее, свой случайный лотерейный билет. И заберут нечто большее, чем Джерри.

Есть ли место, где можно спрятаться от этих тварей? Убежать или суметь бороться с ними на равных? Или просто быть на равных. Как это сделал Артем.

Мышонок завозился в руках. Алена продолжала оцепенело вглядываться в знакомую, такую родную мордочку. Медленно обретая единственный верный ответ.

Затем перевела взгляд на хрупкую мышиную шейку.

Ольга Вербовая

Семь чёрных кошек

Ночной город спал. Придорожные фонари провожали взглядом одиноко шагающую по двору девушку. Марина знала этот район с детства и не боялась ходить вечером одна. Хулиганы и пьянь здесь особо не шастали, сумочек не вырывали.

Он вынырнул из темноты неожиданно – в мундире с надписью «Росгвардия», с сильным запахом перегара. Марина его знала – Пётр Филиппов из соседнего дома. Она хотела было пройти мимо, но он преградил ей дорогу.

– Далеко собралась, цыпа? – спросил он, обнимая её.

– Пустите, пожалуйста! Вы пьяный! – запротестовала Марина, пытаясь сбросить его руки со своей талии.

– Не груби старшим, девочка! – пьяно ухмыльнулся Филиппов. – А то найдут у тебя целую сумку марихуаны. Хрен докажешь, что это не твоё!

– Что вам от меня нужно?

– Ну, ты же знаешь! Знаешь!

Руки Филиппова уже не лежали на талии девушки – теперь они бесстыдно шарили по её джинсам в поисках застёжки.

– Пустите! Я буду кричать!

– Давай! Кричи! А я тебе наркоту в карман суну – и в отделение. Сядешь по двести двадцать восьмой. Так что давай раздевайся – и без фокусов…

– Мариш, ну покушай! Хоть немного!

Ласковый голос матери, запах свежеиспечённых блинчиков. Раньше Марина набросилась бы на них и, намазав клубничным вареньем (мама его и сейчас не забыла поставить на стол), уплела бы почти полстопки. Это раньше. А сейчас она искренне не понимала, зачем мать их испекла. Какое отношение эти блинчики имеют к тому, что произошло? Как они теперь могу помочь её горю?

Снова и снова сознание девушки прокручивало кадры произошедшего в тот вечер, который разделил всю её жизнь на до и после. До была настоящая жизнь обычной молодой девушки. Была учёба в институте, мечта стать экономистом, встретить достойного молодого человека, были встречи с друзьями и подружками, вечеринки. А что после? Ничего. Только боль, стыд, грязь. И нет от этого спасения, как нет выхода. Жизнь сломалась, покатилась под откос.

– Ты бы встала, прогулялась. Чего целыми днями на диване лежишь?

Марина не ответила. Если бы мама знала, что с ней случилось! Но она не узнает, как не узнает никто другой. Филиппов ясно сказал, что, если она кому-нибудь пикнет, сядет за наркотики.

Мать тем временем включила телевизор, чтобы послушать последние новости. Вот активисты опять устроили в центре Москвы несогласованный митинг, который разгоняет полиция и Росгвардия. Вот трое росгвардейцев схватили молодого парня в футболке с надписью «Россия будет свободной!» и ведут в автозак.

Как ошпаренная, девушка вскочила с дивана и принялась исступлённо колотить костяшками пальцев по экрану телевизора, крича:

– Сдохни, тварь! Сдохни! Сдохни!

– Что же он тебе сделал, что ты его так ненавидишь? – спросила мать, с удивлением и испугом таращась на Марину.

Но не задержанному парню предназначались эти слова. Одним из тех, кто его задерживал, был не кто иной, как Пётр Филиппов. Депрессия и безнадёга сменилась жгучей, как огонь, ненавистью.

Новости уже закончились, а Марина продолжала повторять как заклинание одно лишь слово:

– Сдохни!

«Наказать врага», «отомстить насильнику», «навести порчу» – Интернет выдавал одну ссылку за другой. Порча на смерть по фотографии, которую после наговора зарывают на кладбище… Порча криком в окно, когда, позвав врага со двора, нужно быстрее убегать на то же кладбище и читать заговор… Булавки и восковые куклы… Земля с кладбища под порогом дома врага… Или более современные – порча по телефону на могиле тёзки, порча через компьютерную программу, кодирующая врага на смерть. Мозг кипел от обилия информации. Если первые Марина читала с интересом и любопытством, то следующие она уже бегло просматривала, сравнивая с уже знакомыми. Проштудировав около сотни способов наведения порчи, она решительно не знала, за какой ухватиться.

Ритуал «Семь чёрных кошек». Хотя девушка порядком устала от обилия способов магическим путём свести врага в могилу, странное название не могло не привлечь её внимания.

«Если враг мешает вам жить, семь чёрных кошек помогут вам избавиться от него раз и навсегда».

Ритуал оказался несложным, ровно как и подготовка к его проведению. За три дня нужно купить на птичьем рынке голубя (только не белого!). Это будет кровавая жертва, которую нужно принести кошкам. Также до проведения ритуала нужно сшить балахон из чёрной ткани с прорезями для головы и для рук. В день проведения ритуала ни с кем не разговаривать…

«Отлично!», – подумала девушка, дочитав до конца.

Впервые за неделю она почувствовала себя не раздавленной и униженной жертвой, а человеком, у которого есть силы действовать. Такие подонки недостойны того, чтобы жить! И она избавит мир от этой гниды!

Чёрная ночь давно уже опустилась на спящий город. Где-то внизу свет фонарей вырисовывал фрагменты улиц, домов, дорог со спешащими куда-то автомобилями, которые сверху казались маленькими, словно муравьи.

На крыше девятиэтажного дома стояла девушка с распущенными волосами, одетая в чёрный балахон. В её руке трепыхался, пытаясь вырваться на волю, сизый голубок. Но Марина держала его крепко. Маме так и не удалось узнать, для чего он понадобился. Иначе она бы непременно выпустила птицу из клетки и испортила бы весь ритуал.

Балахон, голубь… Всё есть… Все слова заклинания выучены наизусть… Осталось начертить круг мелом и встать вовнутрь, что Марина тотчас и сделала.

Ветер разносил над городом слова заклинания, которые девушка старалась произнести как можно громче, чтобы семь чёрных кошек её услышали и явились на зов.

Услышали. Вот они по балконам карабкаются на крышу. Первая… вторая… Но останавливаться нельзя, иначе могут разорвать. Вот уже семь пар зелёных глаз глядят из темноты, ожидая жертву.

– Замбара, яви! – закончила Марина.

С этими словами она резким движением свернула голубку шею. Тот дёрнулся в последний раз и затих.

Кошачьи глаза смотрели не мигая. Марина бросила безжизненное птичье тело за круг. Семь чёрных, как сама ночь, кошек тотчас же набросились на него, кромсая своими острыми

зубами нежное мясо и урча от удовольствия. Хороший знак! Теперь осталось три раза назвать имя врага и трижды его проклясть.

Только девушка это сделала, как раздалось дружное мяуканье в семь кошачьих голосов. Это значит, демонические кошки приняли заказ и враг будет уничтожен. Теперь можно спокойно уходить с крыши, оставив их доедать птицу.

На следующий день по району разнеслась новость: Петра Филиппова нашли мёртвым в собственной квартире. Притом его тело было настолько изуродовано зубами и когтями неизвестного животного, что на нём буквально не осталось живого места. Собственно, и опознали Филиппова после тщательной экспертизы. По факту его гибели возбудили уголовное дело, но что за животное его убило, и как оно проникло в квартиру на двенадцатом этаже, ответа эксперты так и не нашли.

Марина была счастлива. Душа её, избавленная от груза стыда и ненависти, пела и порхала. Сама она чувствовала себя бабочкой, пробудившейся от тяжёлого сна с первыми лучами весеннего солнца. Хотелось пуститься в пляс, как в детстве, когда под ёлочкой оказывался подарок, о котором она мечтала.

Пребывая в самом радостном расположении духа, девушка пошла на рынок, купила утку, апельсинов, после заскочила в супермаркет за красным чилийским вином и любимым тортом с суфле и черносливом «От Палыча».

– Ой, Мариш, у нас что, сегодня праздник? – удивилась мать.

– Да, притом большой.

– И какой же?

– Да какая разница?

– И вправду никакой, – согласилась мама, впервые за долгое время увидевшая дочь в прекрасном настроении. – Если ты счастлива, это уже праздник.

Запечённая с апельсинами утка в этот раз была особенно вкусной. Вино источало такой приятный аромат, что казалось божественным нектаром. Торт был сладок как никогда. А итальянская группа «Рикки и Повери», которую включила Марина, своими бодрыми весёлыми песнями делала атмосферу ещё более праздничной.

Ванна с ароматом персика действовала расслабляюще, и заснула Марина в самом что ни на есть прекрасном расположении духа.

– Просыпайся, просыпайся, сестра Батильда! Иди к нам!

Сотни кошачьих глаз светились в темноте зелёными лампочками.

– Вы ошиблись, – испуганно шептала девушка. – Я не Батильда. Меня зовут Марина.

– Ты была Мариной. Теперь ты Батильда, наша сестра. Просыпайся и иди к нам!

– Нет!

Открыв глаза, Марина вскочила. Остатки сна мигом улетучились.

«Фу! Приснится же такое!»

Но что это? Девушка вдруг обнаружила, что прекрасно видит в темноте, так, словно за окном не тёмная ночь, а ясный солнечный денёк. А звуки, а запахи! Прежде не слышимые и не ощущаемые, они врывались в мозг Марины с неистовой силой.

Неожиданно её взгляд упал на руки… Руки… Не может быть! Вместо них, таких знакомых и привычных, девушка увидела покрытые шерстью чёрные лапы с острыми, выглядывающими из-под подушечек когтями.

«Мама, что это?» – хотела было закричать Марина, однако вместо слов из горла вырвалось испуганное мяуканье.

«Не может быть! Этого просто не может быть!»

Соскочив с кровати, девушка опрометью бросилась в прихожую, заметив, что бежит на четвереньках, и запрыгнула на трюмо. В большом зеркале отразилась кошачья морда со светящимися зелёными глазами. Шерсть с головы до хвоста была чёрной, без единого пятнышка.

«Я стала кошкой! Но как же так?»

«Ты вызывала нас, – услышала она вдруг голос в своей голове. – Ты принесла нам кровавую жертву. Мы расправились с твоим врагом. Теперь ты наша сестра, и имя твоё Батильда – Огненная Битва. Иди к нам!»

«Иди к нам, сестра! Иди к нам!» – вторили в её голове тысячи голосов.

Марина хотела было спросить, куда идти, но в следующую минуту поняла, что в этом нет необходимости. Она и так знает куда.

Выпрыгнув в открытую форточку, новоиспечённая кошка слезла по балконам на землю и побрела по ночной улице к своим новым братьями и сёстрам – демонам, среди которых ей теперь предстоит жить.

Арина Жукова

Тринадцатый сон

I. Пульсация

В распятой пятерне черных веток снег кажется еще более белым, чем днем. Ночь дышит надсадно, выкашливая сгустками туман, и болезненной россыпью светящихся точек – звезды.

Речная топь у берега – влажно-засасывающая. Вдох, еще вдох – и так просто потеряться в этом гулком размеренном плеске, приглушенном, как любое движение зимней опустошенной бездны.

Куришь нервно, ссыпая искры в темноту.

– Ну где же, где?

Часовая стрелка лениво кружит по циферблату, ты повторяешь ее путь – языком по губам.

– Черт, обветрятся.

За спиной – немое пространство. Стоит опустить плечи, расслабить спину – вопьется под лопатки, будет терзать, истово, с леденящим морозным предвкушением, проникая под кожу и глубже, пока не растечется по венам, меняя привычный цвет на стынущий чернильно-алый.

Делаешь шаг в сторону.

– Что ж, когда-то это должно произойти.

Еще шаг.

Пустота за спиной настораживается, замирая в предвкушении.

Резко разворачиваешься и застываешь, не успеваешь закрыть глаза от летящих пригоршней снежных сюрикенов.

Пульс замирает на полутакте.

II. Лед

Сегодня ломко и безжизненно. Ветер застывает на полувдохе.

Выйти на улицу – еще один способ нырнуть в собственную бездну: пьянящую, с россыпью серебристо-белых кристаллов на глубине.

Еще один повод.

Чувствуешь горечь на языке.

Взгляд становится гуще, отрешеннее. Ночь прокатывается по гортани, проникает в вены, струится с тихим шепотом:

– Тс-с-с-с!

Лижет змеиным языком, заглядывает в глаза.

Обжигающие касания наверняка отпечатаются шрамами – потустороннее заявляет свои права на место на твоем теле.

Опускаешь в темноту ладони, пытаясь нащупать… себя?

Вывернутая наизнанку шкатулка с остатками гранул – границы, через которые нельзя переступать.

Шаг. Тело прошивает судорога.

Шаг. Тень приближается танцующей походкой, кладет пальцы на шею.

Треск.

Обломки осыпаются на пол.

III. Парный танец

Перезвон осколков похож на приближающиеся шаги.

Замираешь в азартном предвкушении – показалось или нет? Игра воображения, шутки замкнутого пространства, где вне границ – безмолвное ничто, способное породить любое видение, или украдкой просочившаяся на другую сторону реальность?

Тяжелые капли падают на пол, мерно, глухо – совсем не так, как впечатываются в стекло дождевые.

Ты точно знаешь, что спешить нельзя. Затягиваешь манжеты потуже, заполняя пустоты идеально очерченных прорезей-петель тяжелыми штангами запонок.

Белизна теряет свою безгрешность, прорастая изнутри ядовито-алыми разводами.

Звуки шагов раздаются все ближе, входят в резонанс, превращаются в парный танец: шаг – капля, шаг – капля.

Чем ближе один, тем дальше другой. Парадокс, который кажется идеальной закономерностью.

Ключ проворачивается в замке. Ты выкручиваешь из манжет серебристые прямоугольники.

Шаг.

Поток.

Всхлип.

Касание теплых пальцев, сухих на влажном.

– Пора завязывать.

IV. Под напряжением

Ты жив. Вопреки логике, запретам, истерике, накрывающей, подобно морскому приливу, обрушивающемуся тоннами воды, сметающему на своем пути все, что изначально могло говорить, реагировать, дышать.

Пульс грохочет за глазными яблоками, разрывает мелкую сеть капилляров, окрашивает белки, превращая их в растресканно-красную скорлупу.

Моргаешь, с усилием – в попытках отгородиться от жгучей нехватки кислорода, погрузиться с головой – бездумно, полуобморочно – в звенящую темноту.

Звуки проталкиваются через зажатую гортань медленно, хрипло, как после тяжелой болезни.

Впечатываешь кулак в стену, сбивая костяшки. Боль отрезвляет лишь на мгновение, вспыхивает в нервных узлах, завораживает, подчиняет своему ритму, превращается в музыку.

На карте в этот раз – всего две локации.

Растягиваешься между ними, как ток в проводах – присутствуя одновременно везде и нигде конкретно, несешься на скорости и замираешь в неподвижности, сжигаешь в одно касание и равнодушно отворачиваешься, скользя взглядом мимо.

Знакомая рука опускается на припорошенный теплым пеплом рубильник – и с силой опускает его вниз.

Пора домой.

V. Напролом

Вдох – всего лишь движение ребер. Стоит замереть в крайней точке – и захватывает дух.

Цедишь воздух медленно, с отстраненной незаинтересованностью.

– Ты повернутый!

– …в себя.

– Если бы. Каждый раз – наизнанку, до хрипа в саднящем горле, до искусанных костяшек обеих рук.

– Не препарируй!

– Это должно стать девизом, предшествующим каждой встрече.

Ведешь раскрытой ладонь по мрамору стен. Прохлада ласкает разгоряченные пальцы. Прорисовываешь узоры и прожилки, касаешься губ – словно перенося отпечаток с неодушевленной поверхности на мягкую податливую плоть.

Смена текстур и ракурсов.

Застывшие плечи, напряженная фигура, стиснутые зубы.

– Ну что опять случилось?

– Он не помнит меня!

– Это не навсегда, ты же понимаешь…

– Нет! Я потерял его, между молчаниями и песнями взахлеб – не о нем.

С размаху впечатываешь кулак в клавиши. Комнату под самый потолок накрывает диссонансным гудением. Оно проникает в рамы и стекла, впивается в балки, как рассерженный рой.

– Просто играй.

– Я… не могу. Я не знаю о чем.

– Вот об этом.

Пальцы касаются клавиш и бессильно соскальзывают вниз. Еще раз, еще. Беззвучие приобретает ритм, выверенность и четкость.

На стене прорисовывается знакомый силуэт. Аплодирует. Посылает воздушный поцелуй. Скользит тенью к твоим ногам.

VI. /Не/подвижность

Шаг /за раму/.

– Ну что тебе вечно не сидится?

– Я только посмотреть.

– … Только спросить, только добавить пару штрихов. А потом доморощенные критики интересуются, что символизирует двойная луна над лесом. И что я должен им отвечать?

– Ну подумаешь, просто неудачно сел в краску.

– Еще скажи, что это я во всем виноват, приложив тебя о мольберт.

Пожимаешь плечами:

– С кем не бывает.

– С луной. Жопской. Цвета индиго!

– А по-моему, концептуально получилось.

– Ни слова больше, или я за себя не ручаюсь!

Визави яростно накладывает новый цветовой слой, словно нанося точечные удары. Подставляешь ладонь – на границе с подрамником. Кисть замирает и после паузы перекидывается на новый объект.

Запястье, локоть, скулы.

– Раздевайся.

– Испортим шедевр.

– Тебя ничем не испортишь.

– Ну да, поздно уже, – смеешься, запрокидывая голову – и замираешь, почувствовав отточенный мастихин под подбородком.

Медленно стягиваешь футболку, вздрагиваешь, когда кисть щекотно пробегает по ребрам.

– Вдохни еще раз. Сильнее. Не дыши. Выдохни. Смотри!

Поворачиваешься к зеркалу: нарисованное пламя пульсирует в такт дыханию.

– Я хочу это оставить!

– Какой жадный портрет.

– Пожалуйста! – снова смотришься в зеркало. – Ты же знаешь, при очередном выходе кожа снова будет девственно чистой. А вот внутри рамы… я буду гореть для тебя. Всегда.

– Уговорил.

Целует языки пламени, запечатывая рисунок касаниями губ.

Замираешь в привычно-выверенной позе, успев украдкой приподнять край камзола до того, как тяжелая деревянная оправа зафиксирует тело.

VII. S

Половина вечности на твоем теле. S – бесконечность мебиуса, с открытым/альтернативным финалом.

Легкие жжет. Колкий воздух впивается в гортань, просачивается внутрь снами, о которых нельзя рассказывать, нельзя произносить вслух – чтобы не сбылись.

Все ощущается как никогда остро. Звуки, краски… Движение ребер под чуткими пальцами. Искусный мастер, вдыхающий жизнь, но отнимающий что-то другое. Каждый раз – разное: тень, отпечаток ладони на покрытом изморозью окне, голос…

Точка отсчета/уязвимости – дверь в запретное, темное, покрытое серебристой фольгой… которая меняет цвет, как лакмусовая бумага – на слова-ключи.

Связка – всегда на бедре. Позвякивает при ходьбе, словно метроном, отмеряющий время «до».

Перебираешь их медленно, вдумчиво – который отзовется? Тот и вставляешь в податливую впадинку, расходящуюся на две половины – взаимодополняющие и взаимоисключающие. Рядом, но не вместе.

Это по-своему красиво. Это твой подарок – возможность говорить, соприкасаясь лишь тонкими гранями, между которыми – /ино/родное тело, шифр. Подберешь нужные буквы – и ключ исчезнет, провернувшись напоследок, меняя изнанку с лицевой стороной, фантом – с живой плотью.

Округлые завитки S наконец-то находят свое зеркальное отображение. Вечность, замкнутая в себе, самопроникающая, самоотождествляющаяся, стихийная и неостановимая, как и все явления вне законов времени, жанра, сюжета.

Одобрительно киваешь, нащупываешь новый ключ – и подносишь к кругу, затачивая край затейливой резьбы.

VIII. Изнутри

I.

Он заходит в комнату так, словно бросается в пламя – прикрыв глаза и задержав дыхание. Опускается на колени, приникает к полу.

– Не спеши.

Подтягивает колени к груди, замирает… Неровное дыхание – рваные вдохи и выдохи – как код из точек и тире.

Каменный пол холодит кожу. Смотрит на пальцы, выискивая следы ожогов – кожа чистая, с тонким рисунком капилляров.

– Успокоился?

II.

Огонь преследует тебя с детства. Возникает внезапно, охватывая руки, лицо, тело. Сжигает дотла так, что не остается сил даже на крик.

Взрослые говорят, что это последствие травмы: однажды тебе довелось увидеть сильный пожар. Они не понимают… Нет, они просто не знают, каково это – гореть заживо, приходя в себя через несколько суток, веков, бесконечностей.

Иногда тебе 15 в следующее возвращение, иногда – 30. Никогда не угадаешь, куда вывернется спираль и сработает ли она вообще как пружина, выталкивая из небытия – наизнанку, наружу.

Ты никогда не покупал зажигалок. Резкий щелчок бойка – каждый раз как приглашение к пытке. Обычно помогает зажмуриться и не смотреть. Но не в тот раз.

Его пальцы, казалось, ласкали пламя, властвовали над ним. И ты подумал – нет, всего лишь разрешил себе подумать:

– Он усмирит мою боль.

Ты шел в его руки, как приговоренный к казни. Оттолкнет? Схватит, ломая под себя, выпустив безвольной игрушкой? Выжжет дотла – или?…

Он научил тебя видеть за пламенем пепел и дым. Разжигая сперва вейп, позже – сигареты. Пережидая истерики и попытки сбежать. Расстояние от двери до тлеющей красноватой точки сокращалось медленно, шаг за шагом, день за днем.

– Возьмешь? – протягивает дымящий «Lucky Strike», словно револьвер, фильтром вперед.

Кажется, что пламя дышит внутри ненадежной бумажной оболочки. Стоит сжать – и оно вырвется наружу, привычно пожирая все вокруг.

Берешь с отчаянной решимостью, прижимаешь к ладони – и с удивлением понимаешь, что ожога нет.

– Ничего удивительного. Ты горишь, мой хороший. Внутри, всегда. Как тебе может навредить тривиальный портативный пожар?

Касаешься фильтра губами, втягиваешь леденцовый дым. Играешь с ним языком, пытаясь расшифровать, словно змея – на ощупь.

– Нравится? Ну наконец-то ты не будешь голодным! Я уже извелся в попытках тебя накормить.

Непреложный факт: обычная еда давно не насыщает.

– Хочешь сказать, что я?… – недоговариваешь очевидное и получаешь в ответ: – Предпочитаешь иное меню? О да.

Смеется облегченно впервые за долгое время.

Расслабленно откидываешься назад, устраиваясь в знакомых объятиях.

– Спи, мой феникс. Все хорошо.

IX. История на тысячу шагов, рассказанная в переулке

Ты живешь на стыке двух реальностей: города, с его выматывающей геометричностью, и мрачного ночного леса – сырого, дышащего, зыбкого. Бетонная гладь тротуара с желтыми пятнами фонарей – границей между видимым и забытым. Стоит схлопнуть крылья-ладони, и миры смешаются, прорастая друг в друга, словно корни старых деревьев.

Твой выход. Словно в первый раз… за эту вечность. С лаковых ботинок стекают струйки тумана, шаг за шагом становятся плотнее, превращаясь в молочно-белую пелену. Движения смазанные, расплывчатые, плавные – настигающие с неотвратимостью детских кошмаров.

Обыденность привычных действий ломает, лишь оттенки вкусов добавляют новые штрихи к безвременью.

Туман жесток в своем равнодушии. Он окутывает, скрадывает контуры, растворяет – до призрачных невесомых капель. Тебе не нужно открывать глаза, чтобы чувствовать – и проникать. Между стен и стекол, слов и пауз, под язык – и глубже.

Ты вдыхаешь многоэтажки с яркими леденцами окон, неподвижные черные ветки, шорох шин по асфальту. Детей и взрослых, кошек и собак, звон бьющегося стекла и отражения в лужах.

Смех замирает взвесью, оседает на волосах невесомыми поцелуями.

Ты привык смотреть чужие сны, не различая моментов пробуждения. Твое существование – упорядоченный хаос /не/бытия. До момента, пока острым скальпелем тело не вспарывает ЗВУК. Он пробегает электрическими разрядами от центра к периферии, выстраивая контуры и границы.

Ритм проникает в сознание, отдается глухими сдвоенными ударами… о ребра.

Открываешь глаза.

Знакомая рука на груди согревает давным-давно остывшее сердце.

X. Подменыши

Держишь бокал небрежно, шепчешь горячечно жгучими от алкоголя губами:

– Сегодня мир рухнет.

За окном – сырость, привычно нежданная в декабре. Свечи лижут ночь сквозь леденец стекол.

– Да и пусть его!

Обнявшись, закутавшись в плед, кажется, что это неважно. Совсем неважно. Пусть рушатся империи, пусть мир растворяется в белесом тумане, порождаемом паром от традиционно зажатого в левой руке вейпа. Пусть наступит полная тишина – там, извне.

Главное, чтобы не смолкал привычный бинарный ритм.

Прижимаешься к его груди, вслушиваешься, чувствуешь, как теплая рука опускается на грудь. Взаимное проникновение… до последнего звука.

Растворяешься – на долю мгновения, на короткое «ах!».

Краски меркнут, только пульс – вспышками в венах.

Ваша сказка не предполагает счастливого финала. Впрочем, ты по-прежнему не фиксируешься на избыточности слов, пропуская середину и удовлетворяясь возможностью длить дыхание – и сюжет – до очередного сбрасывания кожи. Чтобы, переродившись и сменив амплуа, продолжить повествование – от лица иного персонажа.

Тонкие пальцы ловко нащупывают чешую «змейки» на джинсах.

– Ты готов еще раз умереть?

Свечи вспыхивают – и гаснут, истекая дымом. Тень мягко касается волос, тянет, заставляя запрокинуть голову назад, и впивается в губы.

Сердечный ритм замирает – на короткое мгновение – и раздается снова.

В свете пляшущих отблесков фонарей в комнате истаивают два силуэта.

XI. Сновидец

Ты любишь сны. В них боль, радость, отчаяние, злость миксуются в самые причудливые коктейли. Можно цедить или выпить залпом. Можно выбрать моно-вариант – по желанию.

Эмоции яркие и убедительно натуральные. Настоящие, живые. Почти как ты сам. По крайней мере, тебе приятно думать, что это на самом деле так.

Вне заданных рамок ты механическая кукла с удобным набором опций. Ходишь, говоришь, поешь и даже танцуешь. С милой улыбкой на лице, за которую тебя так любят клиенты.

Морок настолько хорош, что никто не догадывается, что скрывается за невинным взглядом. Шелк неслышно падает на пол, шаги – привычно бесшумны, глаза – в пол. Нельзя спугнуть потенциальную жертву раньше времени.

Ты мил, невинен и делаешь то, что тебе говорят.

– Пой.

«Что ж, ты сам этого захотел. Даже намекать не пришлось, какой подарок».

Саркастичность внутреннего монолога контрастирует с мягким голосом. Затемненная комната с множеством зеркал обладает отличным эхом, которое откликается на твой зов, отражается от стен, усиливает эффект – и вот уже взгляд посетителя плывет, а воротник рубашки внезапно кажется очень плотным. Слишком плотным. Не пропускающим ни глотка воздуха.

Удивление застывает маской на покрасневшем лице, когда ты привычно подхватываешь тень – и растворяешься в переулках.

Беззвучие крадется следом, как стая прикормленных псов. Твое молчание – щедрый дар тем, кто встречается на пути в темное время суток.

Они не знают, насколько велик соблазн: парой фраз увести за собой туда, где эмоции электризуют пространство, а сказанное вслух – всего лишь ни к чему не обязывающий разговор.

Запястья расцвечиваются разводами. Ты сидишь на подоконнике, по привычке свесив ноги наружу. На стыке неба и старых крыш появляется первая алая полоса – такая же, как на твоих запястьях.

«Самое время».

Привычно отталкиваешься от рамы – и шагаешь в сон.

XII. Игра на три счета

Он притягивает тебя за руку, целует запястье и опрокидывает в бархат ночи – резко, на выдохе, словно выпуская пар после первой долгожданной затяжки.

Темнота танцует в его зрачках, словно черное пламя, сжигающее не просто дотла – до вскинувшейся в произвольном па тени.

…

– Поймай меня!

Делаешь шаг назад, еще и еще, резко поворачиваешься – и сталкиваешься со своим отражением в зеркале. Двойник небрежно опирается плечом о раму, являя собой образ изящной безделушки, которую уместно разместить скорее в гостиной на шикарном диване /только для избранных глаз/, а не в холле заброшенного особняка.

– Нравится?

– Слишком приторно. И – он опять подглядывает! И как только ухитряется перебраться с холста на стекло? Мне всегда казалось, что там теплее.

– Была бы подходящая рама, а уж обжить ее – дело нехитрое.

Отражение показывает перемазанный бело-золотым акрилом fuck, голос рядом смеется: – Кажется, ты себя недооцениваешь. Как всегда.

Копируешь жест, незаметно смещаясь к стене.

Он двигается за тобой с грацией опытного танцора, задавая ритм и скорость. Направляя в нужную точку комнаты – не касаясь руками, только пластикой тела и собственным дыханием.

Мало кто знает, кто учил его самым первым необходимым движениям, чьи отметины скрыты под длинными рукавами и высоким воротником. Тонкие полумесяцы шрамов – как конспект-напоминание: здесь нужно было выгнуться сильнее, тут – сделать более резкий выпад, на следующем такте – откинуть голову назад.

Он вплетается в реальность на привычные три счета /следы – изнаночным швом/, кружит, сворачивая то ли лассо, то ли спираль. Он словно узел-обманка: стоит потянуть за нужную нить – и распуститься, оставляя обрамленную кружевом пустоту.

Его реальность сегодня – ты. Улыбка похожа росчерк зеркального осколка.

– Попался! Потанцуем?

XIII. Мишень

Ты ловишь подачу так же легко, как глотаешь очередной коктейль – прикрыв от удовольствия глаза, улавливая скорее движение воздуха, чем отслеживая происходящее визуально.

– Ты уверен, что хочешь продолжать?

Его голос тих и насмешлив, он точно знает, что к рассвету в комнате вас будет или трое, или один. Как карта ляжет.

Эхо за кадром смеется на разные голоса:

– Флеш рояль?

– Кир рояль.

– В кустах.

– А вот там у нас еще не стояло.

– Избавьте меня от графичных подробностей!

Прячешь глаза под отросшей челкой:

– Да, хочу.

В руки ложится кольт со стершимся клеймом – поверхность на удивление теплая. Впрочем, это закономерно: оружие сохраняет не только память о касании рук, но и энергию выпущенной пули.

– С кем это ты играл до меня?

Вопрос провисает в воздухе, подобно струне, нагревшейся в комнате после морозной улицы.

Он улыбается без неловкости, кивая на собственную тень.

– Ну и развлечения у вас!

– А у нас? – указывает на коробку с остроконечными конусами у твоих ног.

Неспешно, отточенно-привычными движениями вкладываешь пули в ложе барабана.

– Что ж, моя очередь.

Мишень в зеркале неподвижна – впрочем, как и всегда. Преломление граней делает траекторию непредсказуемой, но ты помнишь о зеркальном отображении и целишься, глядя прямо в коньячного цвета глаза.

Она ловит первую пулю губами, сглатывает, прокатывая металл по языку – и извечное, по законам жанра, молчание разбивается хриплым: «Еще два выстрела».

Становишься вплотную к стеклу, прижимаясь грудью, и выпускаешь вторую пулю – в сердце. Фигура мишени идет рябью, словно судорогой – и делает первый шаг в твою сторону.

– Еще один.

Голос сзади подрагивает от предвкушения.

– Ты совсем не боишься? – спрашиваешь скорее по привычке и слышишь в ответ знакомое: – Какая разница, где мы вынырнем! Главное, не промазать с локацией, а то ищи вас потом по всем старым особнякам и их отражениям.

Мишень откидывает челку со лба и протягивает раскрытую ладонь. Касаешься ее – почти – и стреляешь через двойной отпечаток так, чтобы капли крови проникли на ту сторону. Чувствуешь, как трескается лед на пальцах двойника, а кожа из холодной алебастрово-белой становится теплой, окрашиваясь в розовый, – хватаешь и втягиваешь его в комнату.

– Три выстрела, три… фигуранта. Ну, наконец.

– На чей? – голос нового персонажа сочится сарказмом.

Смеешься: – О, я скучал по этому. Сколько ночей, приличных до приторности…

– Я вернулся и не буду молчать! А то так и умрете девственниками.

– Не в этой жизни.

– Определенно, не в этой!

Трое закольцовываются, слово звенья цепи, обретая единый ритм и дыхание. Тени, разочарованно сверкая голодными глазами, бесшумно растворяются в предрассветной мгле.

Галина Евдокимова

Белая марь

Это была ночь полной луны. Она висела над лесом, яркая, как новенький флорин, и большая, как мой живот, – живот женщины, готовой скоро родить. Где-то в чаще жалобно тявкала лисица. Старые деревья скрипели, умоляя о смерти. Если бы не луна и не выпавший накануне первый снег, ничего не было бы видно на расстоянии вытянутой руки. Но этой дорогой я пройду и с закрытыми глазами. За годы служения приноровилась и к тяжелой ноше, и к подлым рассохшимся пням, и к тайным извилистым тропам. Каждой осенью, с тех пор, как мне исполнилось двенадцать, в канун Андреева дня отправлялась я к Мозглому пруду исполнять зарок. Слушала воду, предлагала Бледной Госпоже обрядовую еду: вареную репу, морковь, кисель и оладьи.

Но этой ночью всё было не так, как обычно. В моей торбе лежали не оладьи и не морковь, а остро наточенный нож. То, что я собралась сделать, и выговорить-то трудно, но коли пришла – так начинай, начала – так заканчивай.

Быстро разделась донага. Опустилась на колени. Взяла нож, – где нужно разрез делать, мне хорошо известно – и, стиснув зубы, распорола собственную плоть, как брюхо дохлой рыбине. Сверху вниз, от пупка до лона. Рассечённая утроба разошлась. На снег кровь брызнула, перед глазами всё поплыло, а боли почти не было. Сок черной бузины и дьявольская трава сделали своё дело.

Ну, теперь зарок. Слова немудрёные, запомнить их нетрудно:

– У бездонного болота под луной посреди леса для владычицы погибели я проливаю кровь! Пей, Темная Мать! Пибэ, Кало Дай!

Госпожа приняла жертву – земля пила жадно, кровь впитывалась быстро, и, пока вместе с ней не вытекла из умирающего тела оставшаяся жизнь, я погрузила руки в тёплые внутренности. Нащупав скользкий, вымазанный слизью кусок плоти, вытащила его и положила на пропитанный кровью снег. Одним движением ножа отсекла последнюю нить, связывающую нас, и упала сама.

Мы лежали рядом, я и мой ребёнок. Мягкий, как замусоленная мочалка, он даже не походил на человеческое дитя: длинная морщинистая шея, плоская голова, выпуклые глаза, вращающиеся в плёнчатых мешках. Он смотрел на меня взглядом, который был мучительней, чем боль.

Вдруг на землисто-сером тельце с противным мокрым звуком забились маленькие перепончатые крылья, и из широко открытого беззубого рта вырвался крик.

Я прижала ладонь к его плоскому темени – жест глупый и неуместный, – но он успокоился.

Всё. Больше я к нему не прикоснусь.

Шипя и морщась от боли, накрываю живот подолом юбки. Я ничего не могу для себя сделать. И не хочу.

По телу волнами катится прохлада…

Я погружаюсь в жемчужно-белую марь…

Белая марь – трава холодная, опасная. Растёт на старых дворищах, порожних землях, бесплодных пустошах. Но мы с бабушкой знали, что с ней делать. Весной её нежные и мягкие листочки можно есть сырыми, посыпав мелко нащипанным диким луком и укропом. К июлю марь подрастает, густо ветвится, но из неё еще можно сварить суп или душистый кисель, доба-

вив горсть лесной малины. Осенью марь багровеет, а после первых морозов становится очень красивой, покрываясь бусинами кроваво-красных ягод. Только в пищу совсем не годится. Так и стоит – нетронутая, одеревенелая, горькая.

Глядя на осеннюю белую марь, которую больше нельзя есть, невольно думается о скорой зиме, о долгих ночах, когда не можешь заснуть от голода. Это время злое, несущее беды и наваждения, когда по чахлым пустошам, мшистым болотам и чёрным лесам Валахии бродят неприкаянные, неупокоенные души. Осенняя пора – время подведения итогов, когда прошлое настигает тебя, стоит лишь остановиться.

Но, оглядываясь назад, видишь всё гораздо яснее.

Меня звали Джана. И я была шувани, так цыгане называют своих колдуний. Странно говорить о себе «была», но этого уже не исправишь. Бросая взгляд в прошлое, замечаешь в цепи событий скрытые закономерности. Почему мы с бабушкой оказались именно в том заброшенном молотильном сарае на окраине Тырговиште, что возле урочища Белая Марь? Кто-то скажет, мол, цыгане, фараоново племя, что с них возьмёшь! Да, за годы соседства горожане так и не научились нам доверять. Внешне дружелюбные, а чуть отвернёшься, на кончики пальцев плюют, подолами детей прикрывают от сглаза. И в Белую Марь никто не совался. Да если бы кто и решился, то ни за что не вошёл, не смог бы зарок нарушить. Но случись такое, появился бы у человека помощник сильный – дух или ещё кто из невидимых, то все знают, что будет с тем, кто ступит туда, где первые легли.

Ещё при воеводе Мирче Старом чёрный нарыв превратил в могильник весь Валахский край. Мор косил всех без разбора. Но образованные лекари служили только при княжеских да боярских дворах, а простолюдины вымирали семьями. Переполненные кладбища не вмещали всех умерших, поэтому в урочище Белая Марь и вырыли тот самый могильник.

Собрав обильную жатву в Арджешском жудеце, чума затаилась в гиблых болотах да заброшенных селеньях. Но ненадолго, и вскоре вернулась. Наш табор она настигла как раз под Тырговиште. В том могильнике лежат они все: мой отец, моя мать, сестры, братья… Когда похоронили первых, их ещё помнили по именам, очередность смертей, но, когда к зиме число умерших достигло трёхсот, все они стали просто мертвецами.

Нам с бабушкой чудом удалось выжить и перезимовать в холодном сарае. Жизнь в Тырговиште едва теплилась. Мор набирал силу, и никто уже не пытался противопоставлять ему свою волю. По окрестностям шастали могильщики-некрофору, обирая мёртвых. Иногда убивали сами, а могли и живьём закопать, если было чем поживиться. Зарывали без отходных молитв, без оплакивания.

Той зимой в округе появились стригои. Мертвецы бродили в темноте, сами себя отпевая. Где-где, а в Тырговиште хорошо известно, как они кричат, когда возвращаются. Такие голодные съедят всё, до чего смогут дотянуться: саван, одежду, волосы, плоть собственную или чужую. Не место здесь живым. Как увидишь, земля зашевелилась, беги, не останавливайся! Значит, стригой вот-вот поднимется из могилы и, запрокинув голову, завоет на луну.

Так случилось, что древний зарок шувани стал в этих местах единственной преградой между живыми и мёртвыми.

Оглядываясь назад, понимаешь, что любая последовательность событий имеет своё начало. И началось всё, пожалуй, около года назад, той осенней ночью, когда над Тырговиште метался сумасшедший ветер. Ноябрьский, студёный, отдающий дыханием зимы, он ломился в ставни и дверь, словно пробовал, выдержат ли они натиск невидимого зла.

За окном нашей хибары белели в лунном свете заснеженные склоны Карпатских гор, расчерченные чёрными полосками троп. Вдали, над глубоким каньоном реки Арджеш, нависала мрачная громада замка Поенарь.

В этих местах давно ходили жуткие рассказы о кровавых делах строителя крепости и его приспешников. Говорят, когда у Василики Молдавской, невестки Мирчи Старого, родился второй сын, на небе встали две хвостатых звезды. Плохое предзнаменование. Но с восшествием Влада Третьего на трон, Валахия начала так богатеть, что цыгане-домари (восточная ветвь цыган) потянулись с земель султана Мехмеда на север, в Тара Романеска, а Османы увеличили валахам дань. Басарабы ответили туркам настоящим крестовым походом. То были три звёздных года Влада. Костры, кровь, колья и выжженная земля.

Тем холодным осенним вечером, вглядываясь в угрюмые очертания замка Поенарь, я представляла, как в самой высокой башне, над которой днём и ночью беснуется вороньё, в большом гробу лежит он, нетленный.

Вспыхнул и погас огарок свечи. В комнате стало темно, как в могиле, только тревожно подрагивал огонёк бабушкиной трубки. За дверью послышалась возня, шорохи, стоны.

– Что там такое? – проворчала бабушка. – Пойди погляди, Джана.

Я встала, наощупь дошла до двери и, нашарив засов, открыла.

За порогом стояла девочка лет семи. Ветер трепал рваную рубашонку. Луна освещала перламутровый лоб, из-под которого на меня зло смотрели тусклые глаза. Девочка что-то неразборчиво бормотала.

Моя рука всё ещё сжимала дверную ручку, когда подошла бабушка.

– Окаменела ты, что ли! – прикрикнула она, вталкивая меня обратно в дом. – Неси скорей воду и чистое полотенце!

А сама склонилась над гостьей, нашептывая:

– Эк-ду-трин-штар-панж-шов-эфта-деш… Те-Дэл-э-Дэл-о-бахт, чаюри. Да поможет тебе милосердный бог Дэл, дитя!

После этих слов девочка рухнула как подкошенная. Мы подняли её, внесли в дом и уложили. Бабушка принялась осматривать синяки и раны на её теле.

– Да она истекла кровью.

От прикосновения мокрого полотенца девочка очнулась. И уже не исчадие ада с лунным цветом кожи и недобрыми искрами во взгляде было перед нами, а всего лишь раненый ребёнок, жалкое, до смерти напуганное существо. Но только на мгновенье, потом девочка всхлипнула, голова свесилась набок, а глаза закатились так высоко, что остались видны только голубоватые белки.

Одна за другой догорали свечи, ночь уходила, и вместе с ней таяли остатки жизни в теле малышки.

– Слишком поздно, – сказала бабушка, отирая концом простыни смертный пот со лба девочки. – Её уже не спасти, так хотя бы похороним по-человечески.

На рассвете мы отнесли ребёнка к могильнику и закопали, сотворив немудрёную тризну.

Шувани знают цену и силу зарока. Мы умеем подбирать слова и жесты, складывая их в речения, способные внушить ненависть, преклонение, доверие, страсть и страх. Всего один переставленный из начала в конец слог может превратить прекрасное утро в худший из дней, и этот день изменит целую жизнь.

Как хорошо я помню тот весенний день, когда впервые увидела тебя!

Ярмарка в Тырговиште… Грохот телег, гусиное гоготанье, козье блеяние, громкие крики лавочников, визгливый женский смех.

По наезженной телегами дороге рысью едут четверо конных егерей. Ты выделяешься среди них горделивой осанкой: молодой, красивый, уверенный в себе. Звуки деревенского торжища неприятны твоему слуху, а твои глаза полны жизни, прекрасной и долгой, жизни, в которой ещё нет меня.

Рядом с лошадьми, разбрызгивая грязь из дорожной колеи, бегут мальчишки. Ты хмуришься и делаешь им знак отойти.

Женщины оправляют вышитые шерстяные катринцы (юбки) и шепчутся о тебе:

– Смотрите, смотрите! Какой красавец!

А сами опасливо жмутся поближе к домам.

– Эй! – бросаешь ты в толпу. – Дайте дорогу!

Ты ещё можешь повернуть коня, а я не смотреть в твою сторону. Но разве мы властны над волей случая!

Вспугнув стаю галок с башни Киндия на дворе Господаря, над площадью взлетает голос глашатая:

– Двести флоринов человеку, который поймает детоубийцу или укажет место, где он скрывается!

Я медленно прохожу мимо прилавка, заставленного мамалыгой и грибной токаной. Толстуха-лавочница крестится и бормочет что-то о пропавших детях, о стригоях.

Твой взгляд равнодушно скользит поверх голов и, наконец, останавливается на мне. Ты смотришь, горделиво выставив подбородок, в глазах никаких чувств, ни единого следа, и отворачиваешься.

А я делаю всё, как учила бабушка – взгляд и слово. Окликаю тебя. Делаю это почти шёпотом, но знаю, мой голос сейчас звучит для тебя громче колоколов церкви святого Иакинфа Влахийского:

– Эй, красавец, дай погадаю!

Ты оглядываешься, – растерян и удивлён – спрыгиваешь с коня и направляешься ко мне, не обращая внимания на крики колбасников и точильщиков.

Я прошу показать руку. Поколебавшись мгновение, ты стягиваешь перчатку. Кожа у тебя белая, как молоко, а на запястье отметина – дракон, ухвативший собственный хвост. Провожу пальцами по твоей ладони, будто изучаю линии. На самом деле, в этом нет необходимости, потому что я уже знаю, что сказать:

– Ты из знатного рода, но сын невенчанной жены…

Твоя ледяная кожа обжигает.

– …и храбрый воин, во время осады крепости Поенарь ты был с Неистовым Владом в числе золотой тысячи валахов, вставших против двадцати тысяч османов. Но султану Мехмеду помогали магрибские колдуны…

Ты не можешь отвести взгляд от красного цветка в моих волосах.

– … и воевода Влад увёл войско в горы. Там, ослеплённые жаждой возмездия, в поисках силы, они заключили союз с ведьмами-босорканями, живущими в глухих ущельях, чем обрекли свои души на вечную смерть.

В твоих глазах тревога, но я продолжаю:

– Причастившись тьмой однажды, можно и пристраститься к этому напитку…

Ты вырываешь ладонь и спрашиваешь, как меня зовут.

Отвечаю:

– У цыганок два имени. Одно – для людей, а второе – тайное, чтобы обмануть дьявола. Какое назвать тебе, господин?

Я вглядываюсь в твои безупречные черты: прямой нос, красиво очерченные скулы, статная шея. Именно в этот миг что-то происходит, в голове раздаётся негромкий щелчок. Всё. С душой можно попрощаться.

Но, по крайней мере, я ещё жива.

Отворачиваюсь, чтобы уйти, но ты торопливо хватаешь меня за локоть:

– Когда и где?

Отсветы солнца блестят в твоих глазах, горят на алом кресте герба ордена Дракона, вышитого на кафтане. Твой конь нетерпеливо бьёт копытом.

Откуда это ощущение рока, неотвратимости, предчувствие смерти? Уже ничего нельзя изменить. Нам обоим предстоит погибнуть. Плоть моя тает от твоего взгляда, но душа не принимает вызов.

– Никогда и нигде, – отвечаю в последней попытке спасти нас обоих, но уже чувствую, как изменился вкус моей жизни.

А посреди ночи во дворе залаяла собака. Громко, надсадно.

Я выглянула в окно. Четверо. Рослые, широкоплечие. Кожаные маски, тёмные плащи.

Они выбили дверь прежде, чем я успела подняться с постели. Егеря князя Басараба вломились в крохотную комнатушку, в которой и нам-то вдвоём с бабушкой не развернуться. Высокие, под потолок, окружили меня. Поначалу я испугалась, а потом решила: ну и пусть. О побеге и думать нечего. Знаю, если и удастся заморочить их, обмануть, уговорить, сбить с толку, обвести вокруг пальца, выбраться да затаиться где-нибудь в лесной глухомани, они отыграются на бабушке. Этого я допустить не могла, поэтому, когда она, заслонив меня собой, стала умолять:

– Прошу, не трогайте её, сжальтесь!

… унизительный страх вернулся, и я с трудом заставила себя не упасть на колени с мольбой о пощаде.

Кто из них главный, я сразу догадалась, хотя ты так старался себя не выдавать. Знаю, если посреди ночи в дом явились княжьи егеря, добра не жди, но всё-таки я спросила:

– Что вам нужно?

Ты ответил:

– По указу князя. За колдовство, наведение порчи и похищение детей…

Я не дала тебе договорить:

– Не мы крадём гаджо (не цыганские дети)! И кому, как не князю, это знать!

Один из егерей с размаху ударил меня по лицу так, что я отлетела к стене. Резкая боль, хруст сломанного носа, отчаянный бабушкин крик, её сдавленные рыдания.

– Джана! Девочка моя!

Я лежала на полу, униженная, побитая, сознающая скорую гибель. Но разве я могла что-то изменить, когда колесо судьбы уже совершило поворот? Что бы я ни сделала, что бы ни сказала, будет только хуже. Тогда я сдалась и, дрожа от страха и боли, позволила связать себя и потащить к двери.

Потом всё происходило как во сне…

Егеря выволакивают меня во двор, бросают поперёк седла. Конь щерит зубы, всхрапывает, переступая с ноги на ногу, и, получив удар под бока, мчится вперёд.

Я знаю, куда меня везут. Сначала по хорошо укатанной дороге через Залесье к Арджешскому ущелью, там вброд через реку, потом вверх по крутому обрывистому берегу, туда, где, взобравшись по заросшему лесом горному отрогу, дорога упирается в стену крепости Поенарь.

Меня стаскивают с коня, ставят на ноги, развязывают. Предстоит долгий подъём по лестнице. Я зачем-то считаю ступени, но после трёхсотой сбиваюсь со счёта, вряд ли мне придётся возвращаться.

Скрип рассохшегося колеса ворот, и вот меня вталкивают внутрь. Торопливо, то и дело подгоняя кулаком в спину, ведут вдоль крепостной стены. Над влажными камнями стелется белёсый туман. Бледный рассвет робко освещает островерхие крыши башен.

В центре двора чёрный дубовый крест и плаха с воткнутым тяжёлым топором, похожая на колоду для рубки мяса. Вдоль стен тумбы из тёсаного белого камня, в каждую вставлен железный кол. В голове вертится дурацкая мысль, что ужасная смерть на плахе лучше, чем

медленная на кресте. Взмах топора, глухой удар, фонтан крови, и всё, палач уже насаживает на кол твою голову с широко открытыми от предсмертного ужаса глазами и уродливо разинутым ртом.

Меня вталкивают в большой зал. Последние воспоминания о небе, ветре, солнечном свете меркнут перед бесконечной пустотой и мраком. Где-то высоко под сводчатым потолком пищат летучие мыши. В темноте глухо бьются их кожаные крылья. Я смотрю на свернувшегося в кольцо золотого дракона с червлёным крестом на спине – он изображён на стене, – и не сразу замечаю сидящего в кресле человека в чёрном.

Сгорбившись, он что-то чертит заточенной палочкой на доске, стоящей на подставке. Justus et paciens!

Услыхав шум, он отрывается от своего занятия, медленно встаёт и чеканным шагом пересекает зал. Подходит ко мне вплотную.

Я впервые вижу его.

Невысокий, крепкий. Обыкновенный человек, разве что могилой повеяло. В свете факелов бледное лицо кажется грязновато-жёлтым. Смотрит исподлобья, прищурив глубоко посаженные глаза, но как-то вскользь, не в упор, словно прячется. Наконец медленно произносит:

– Маленькая смуглая цыганская колдунья.

Говорит почти ласково, но от его голоса у меня на лбу выступает холодный пот. Отвечаю тихо:

– А ты, верно, князь Влад Басараб, известный также как Дракула, чернокнижник, колосажатель и упырь?

– Упырь! – хохочет он, обнажая крупные желтоватые зубы.

Отсмеявшись, говорит с усмешкой:

– Но тебе-то нечего бояться. Я не пью цыганскую кровь, кровь бездельников, воров и бродяг. Для вашего племени у меня другие дары: костёр и дыба. Ну, раз уж ты здесь, то за своё гостеприимство я хочу получить секреты магрибской магии. Ты ведь расскажешь мне, маленькая джипси?

– Так почему же ты сам не спросил у султана Мехмеда? Ведь ты так долго гостил у него.

– О, я был так молод тогда, – притворно вздыхает он. – Меня больше увлекало военное искусство.

Князь протягивает большую костистую руку и просит:

– Погадай.

Как не хочется касаться бледной пергаментной кожи, но сейчас передо мной на этой худой морщинистой ладони лежит судьба всего рода Басарабов.

– У тебя трое сыновей, – осторожно начинаю я. – Один незаконнорожденный, второй примет монашеский обет, а вот третий… Третий взойдёт на трон. Но вскоре будет убит. Все они умрут молодыми. Твой род прервётся!

Князь молчит, но его молчание страшнее криков.

– Что ж, может быть, так лучше для Валахии, – пряча руку в складках одежды, наконец, произносит он, но в глазах уже вспыхнул недобрый огонь.

– Вернёмся к магрибской магии! – в голосе слышна угроза. – Так ты владеешь ею, цыганка? Это не какие-нибудь дешёвые ярмарочные фокусы вроде заговора, насылающего понос, или жабьего камня, распознающего яды.

– Ай, князь! – отвечаю я. – Если бы я умела подчинять джиннов и шайтанов, то не стояла бы сейчас перед тобой. Да и не в моей власти раздавать такие награды.

Он вдруг свирепеет, требует какие-то тайные книги. Глупец!

– Жрецы фараонова племени ничего не записывают, – смеюсь я. – Разве ты не знал? Зарок передается по линии крови и звучит единственный раз, в момент передачи его следующему. Но тебе никогда им не быть!

От страха я смеюсь ещё громче:

– Но я и для тебя могу кое-что сделать. Например, замолвить словечко Бледной Госпоже. Может быть, она дарует тебе долгожданную смерть, которая утолит твой вечный голод. И егерям больше не надо будет красть детей!

– Ведьма! – кричит князь. – Я сожгу тебя! А когда твоя мерзкая плоть перетопится в сало, велю наделать из него свечей.

Он делает знак. Один из егерей бьёт меня по лицу, яростно, в кровь разбивая губы. Падая, успеваю выплюнуть вместе с кровью последние слова, обращённые к князю:

– Бледная Госпожа освобождает от любой боли, если обратиться к ней, повторяя специальную рифму! Она известна мне с детства, ведь я потомственная шувани!

– Что ж, – шипит князь. – Я сломлю тебя!

Егеря ведут меня вниз по скользкой каменной лестнице, уходящей в тёмную яму. Оттуда несёт гнилью, как из разрытой могилы. Один из них проходит вперёд, освещая факелом влажный пол, покрытый грязной соломой. Забавляясь, он звенит свисающей с осклизлой стены цепью с разомкнутым железным ошейником:

– Позволь, дорогая, я повешу тебе на шею это ожерелье.

Где-то вдалеке рокочет гром, над замком Поенарь сгущаются тучи.

Три огромных колеблющихся тени окружают меня. Беззвучно наплывают болезненно-жёлтые кожаные маски, губы дёргаются в глумливых ухмылках. Кто-то подносит к моему лицу раскалённый докрасна клинок. Я вжимаюсь в угол.

Но от стены с чавкающими звуками отделяется нечто. В расплывающихся контурах мелькают знакомые черты: прямой нос, красиво очерченные скулы, виски, запястье с отметиной виде дракона… Но сквозь безупречный облик проявляется отвратительная морда с парой круглых горящих огней с чёрными точками зрачков. Она склоняется надо мной, открывая клыкастую пасть, истекающую зловонной слюной. Лица касается длинный скользкий язык. Я делаю глубокий вдох, и мутный туман захлёстывает меня. Сползаю на пол, пытаюсь увернуться, но чудовище выпрастывает из тумана длинные руки и хватает меня за ноги так, что хрустят кости лодыжек. Тащит к себе, срывая с меня юбку, придавливает животом к полу так, что трещат рёбра. Когтистая лапа ложится мне на голову, хватает за волосы, взнуздывая, как кобылу. Чудовище протискивается внутрь меня чем-то острым, ледяным, причиняющим жгучую боль. Он дёргает меня за волосы, то вдавливая лицом в гнилую солому, то оттягивая назад, будто хочет сломать шею. Камни в кровь ранят тело, но это пустяк по сравнению с болью внутри. Демон рычит и резко подаётся вперёд. Мгновенная слепящая белая вспышка, и боль раскалывает меня на множество звонких осколков.

Потом всё исчезает – демон, егеря…

В темноте только я и боль, грызущая мои внутренности…

Я потеряла счёт дням. Время идёт, идёт… Хотелось бы сказать «день за днём», но в этом логове оборотней и упырей только ночи. Время идёт мимо меня в такт шагам охранника, десять шагов в одну сторону, десять – в другую. Оно струится по влажной стене беспорядочным плетением водяных дорожек. В их узорах играют красноватые отблески, когда на крепостном дворе по ночам жгут смоляные бочки. Даже когда сквозь маленькое оконце под потолком удаётся пробиться солнечному лучу, в углах остается тьма.

Каждый раз хочется думать, что всё позади, но я понимаю: он снова придёт и сделает это завтра. Знаю, эта тварь прячется где-то в тёмном углу, дожидаясь, когда я закрою глаза.

И вот однажды я ощутила это. В животе будто раскалённой кочергой перемешали внутренности. К горлу подступила волна желчи, и меня вырвало на вонючую солому.

Мне безразлична смерть, но я не могла позволить сжечь себя изнутри!

Я хотела сделать петлю из рубашки и повеситься, но не смогла дотянуться до решётки окна. Потом долго пыталась убедить себя, что у меня внутри ничего нет. Но он уже был там – крошечный извивающийся демон с кожистыми крыльями. Вот-вот прогрызёт живот и выберется наружу. Я знала, моё дитя – Дьявол-Бенг-Причина-Всех-Зол, – уже рвётся на свет. Не знаю, можно ли умилостивить бога-вампира, но я молилась Дэлу, тому, что наверху, и Фарауну – богу Маленького Египта. Я просила о помощи бога Алако – защитника всех цыган, чтобы он избавил меня от жуткого бремени. Но почему, почему я не умерла тогда! Зачем цеплялась за жизнь, сплетая отпирающие заклятья, одно за другим. День за днём, ночь за ночью я вспоминала имена умерших предков, всех, кто лежит в Белой Мари. И вот однажды после ухода егерей Алако ответил мне – тихонько щёлкнул, но не закрылся замок, и у двери заснул охранник.

Бежать! Несколько сотен ступеней вниз, и через пятьдесят шагов будет крутой склон, ведущий в расселину, где течёт Арджеш. Перебраться вброд на другой берег, а там лес, Белая Марь, дом, бабушка…

Я бегу вдоль реки по скользким камням. Обдирая руки и колени, карабкаюсь вверх по скользкому склону.

Впереди над прибрежным тальником висит молочный туман, а в самой сердцевине тлеет слабый огонёк. Это наша хибарка утопает в белой мари. Продираюсь между колючими ветками, заглядываю в окошко.

Бабушка толчёт что-то в глиняном горшке. Из трубки, зажатой в зубах, поднимается дымок. Она смахивает со стола крошки, поворачивается к очагу и перемешивает что-то в котелке, висящем над огнём.

– Девочка моя! – бормочет бабушка, торопливо перемещаясь к двери, когда я появляюсь на пороге.

Она насильно укладывает меня.

– Что они сделали с тобой! – плачет бабушка, ощупывая мой живот. Этот ребёнок тебя погубит…

Потом заставляет выпить какое-то густое, мерзко хлюпающее варево.

– Не называй это ребёнком! – хриплю я, давясь противно пахнущей бурдой. – Не дай этому дьявольскому отродью жить во мне!

Умоляюще смотрю в покрасневшие, припухшие от слёз бабушкины глаза.

– Ты сошла с ума, Джана! Не смей и думать об этом! – плачет она.

Но чудовище внутри меня бьётся требовательно, сильно. Я кричу и проваливаюсь в беспамятство.

Когда прихожу в себя, в комнате темно и холодно. Тлеющие в очаге угли светятся как глаза дикого зверя. Скорчившись на лежанке, слышу шелест белой мари над могильником, и в этом звуке мне чудится отдалённый топот копыт. Егеря уже мчатся по следу, чуя мою боль и мой страх.

С надеждой смотрю на маленький алтарь, где лежат заговорённые амулеты. Они подсказывают, как быть.

Рано или поздно меня найдут, с этим ничего нельзя поделать. От них не сбежишь. Я знаю, как устраиваются погони. Они называют это охотой. Соревнуясь в меткости, егеря выпускают стрелу за стрелой, и они летят, свистя, подгоняя. Ты бежишь, прячешься за стволами, не можешь ни остановиться, ни укрыться. А потом… горячий сильный толчок в спину, и всё. Ты обречён и лежишь, истекая кровью, бестолково сбивая ногами прелую листву. И последним воспоминанием станет лицо загонщика, добивающего тебя.

Я встаю с постели и, стараясь не потревожить бабушку, незаметно выхожу из дома.

Знаю, кто станет моей повитухой.

Эта ночь – ночь полной луны. Вон она висит над лесом, яркая-яркая. Такой луны нужно больше всего опасаться, ею управляет сама Госпожа.

Я плыву в жемчужно-белой мари, пытаясь прорваться сквозь неё, куда угодно, бесцельно – лишь бы вне…

Вода в Мозглом пруду чёрная, как дёготь, маслянисто-гладкая, приторно-тёплая. По жирной поверхности бежит лёгкое колыхание. На берегу среди высоких камышей что-то темнеет.

Это она. Сидит спиной ко мне на корточках, с усилием вытягивая что-то между колен. Уродливый горб, растрёпанные волосы. Вроде похожа на человека, но я-то знаю, кто это. Порождение болотной тьмы и глубины. У неё много имен и обличий. Шувани называют её Муло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.